

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР
ДОНБАССКАЯ АССОЦИАЦИЯ РУСИСТОВ ДАР
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА
ИМЕНИ Е. С. ОТИНА**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»**

Материалы I Международной научной конференции
студентов и молодых учёных
памяти проф. Е. С. Отина

Донецк – 2016

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР
ДОНБАССКАЯ АССОЦИАЦИЯ РУСИСТОВ ДАР
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА
ИМЕНИ Е. С. ОТИНА**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»**

Материалы I Международной научной конференции
студентов и молодых учёных
памяти проф. Е. С. Отина

Донецк – 2016

Актуальные проблемы изучения славянских языков: Материалы I Международной научной конференции студентов и молодых учёных памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2016 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2016. – Вып. 1. – 258 с.

В сборнике опубликованы представленные в оргкомитет I Международной научной конференции студентов и молодых учёных «Актуальные проблемы изучения славянских языков» памяти проф. Е. С. Отина статьи студентов и молодых ученых, посвященные проблемам славянской филологии. Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется филологическими науками.

Ответственность за аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

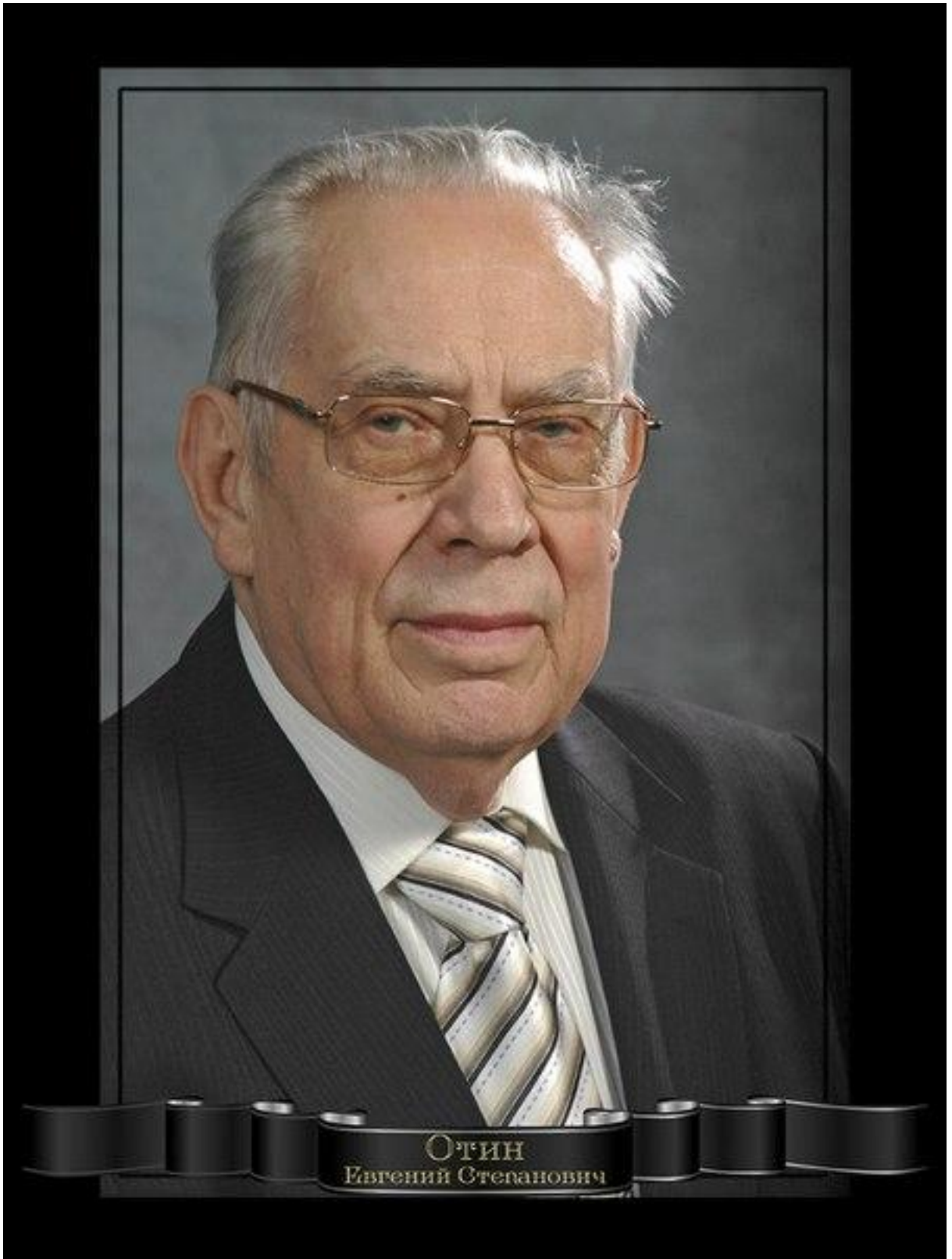
Редколлегия: Н. А. Ярошенко, канд. филол. наук, доц. (отв. ред); А. В. Емельяненко, канд. филол. н., доц. (отв. секретарь); В. И. Теркулов, д-р филол. наук, проф.; В. М. Калинин, д-р филол. наук, проф.; В. В. Фёдоров, д-р филол. н., проф.; И. А. Герасименко, д-р филол. наук, доц.; Л. П. Борисова, канд. филол. наук, доц.; Н. Е. Касьяненко, канд. филол. наук, доц.; К. В. Першина, канд. филол. наук, доц.

Рецензенты: д-р филол. н., проф. А. В. Петров;
д-р филол. н., проф. В. И. Супрун.

*Рекомендовано к печати
учёным советом филологического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Протокол № 8 от 19 апреля 2016 г.)*

© Коллектив авторов, 2016

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2016

ОТИН
Евгений Степанович

Е. С. ОТИН – УЧЁНЫЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ПЕДАГОГ

Евгений Степанович Отин родился 13 апреля 1932 года, и я уверена, что день его рождения был таким же солнечным и по-весеннему радостным, как сегодняшней день памяти о нём – известном ученом, педагоге, Учителе, многолетнем декане филологического факультета и просто замечательном Человеке, рядом с которым всегда было тепло и интересно. Его имя, без сомнения, навечно вписано в золотые страницы истории нашего университета. Сегодня Евгений Степанович был бы бесконечно рад видеть участников этой студенческой научной конференции, слушать сообщения, обсуждать проблемные вопросы нашей филологической науки, радоваться успехам и достижениям, которые, без сомнения, у нас уже есть и которые позволяют верить в то, что традиции, заложенные нашими учителями, укрепляются и сохраняются.

В апреле мы подготовили и провели две «именные» научные конференции – памяти Г. И. Рихтера и Е. С. Отина. Но мы не должны стать Иванами, не помнящими родства, и обязаны сделать всё возможное, чтобы сохранить память о многих профессорах и доцентах филологического факультета, которые оставили заметный след в истории нашего вуза, воспитали достойных учеников, способных сохранить эту память. Именно Евгений Степанович положил начало доброй традиции и предложил проводить ежегодные научные конференции в память о Г. И. Рихтере (Григорий Исаакович долгие годы возглавлял кафедру русского языка, и именно он в начале 60-ых годов XX века пригласил Е. С. Отина на работу в этом коллективе). Эта благородная традиция, без сомнения, должна иметь продолжение. Под призывом «Надо помнить!» наши студенты смогут услышать рассказы о жизни, научной и общественной деятельности таких филологов-лингвистов русского отделения, как В. К. Журавлёв, С. Т. Мальшев, М. В. Ионина, Г. П. Цыганенко, Н. А. Луценко, А. Е. Симоненко, Л. Н. Саркисова и многих

других наших коллег, достойных памяти, уважения и благодарности за их многолетний и плодотворный труд в стенах нашей alma mater. Эта традиция может быть поддержана и литературоведческими кафедрами, в составе которых в разные годы работали такие замечательные филологи, как И. И. Стебун, Е. Е. Сокрутенко, С. В. Медовников, Т. Т. Васильковский, А. И. Плотникова, М. М. Гиршман, К. М. Пахарева, Н. В. Максимова, Л. С. Дмитриева, И. М. Губарев и др., воспитавшие с любовью к Слову сотни учеников. Многие из них до сих пор активно работают в сфере гуманитарного образования. В настоящее время по инициативе профессора В. И. Теркулова осуществляется новый проект «Филологическое наследие», имеющий целью переиздавать наиболее интересные работы профессоров и доцентов филологического факультета прошлых лет. Это прекрасное начинание, без сомнения, должно быть поддержано, тем более что нам в этом плане есть чем гордиться.

Приятно осознавать, что в работе Пленарного заседания нашей конференции принимают участие молодые исследователи, которых знал и ценил Е. С. Отин. Это В. В. Максимова, аспирантка кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина, Н. В. Гладкая, за успехами которой в её недалекие студенческие годы Евгений Степанович наблюдал с вниманием и интересом. Это А. О. Якель – один из лучших выпускников кафедры украинского языка и прикладной лингвистики, талантливый филолог, сегодня нашедший себя в очень близком творческом направлении – журналистике. Есть в списке докладчиков и представитель самого молодого поколения – Андрей Бровец, студент II курса профиля «Русский язык и литература». Его ранние, но значительные успехи позволяют видеть в нём достойного представителя студенческой филологической науки и надеяться на то, что в ближайшем будущем он порадует нас новыми, еще более масштабными достижениями.

Евгений Степанович тоже очень рано проявил склонность к исследовательской деятельности. Листая страницы его личного дела, мы видим, что интересы юноши с первого года обучения в университете лежали

именно в этой плоскости: был заместителем председателя студенческого научного кружка факультета, старостой научного семинара, выступал с сообщениями на разных конференциях, готовил публикации. Днепропетровский государственный университет, где учился Евгений Степанович, всегда был в числе авторитетных вузов СССР, который дал стране многих известных ученых и писателей. С «отцом русской этимологии», академиком О. Н. Трубачевым, Е. С. Отин поддерживал дружеские и научные связи в течение всей своей жизни и по приглашению Олега Николаевича позднее принимал участие в научных проектах союзного значения (например, в подготовке «Русской энциклопедии»). Евгений Степанович от рождения был одарённым человеком, с детских лет писал очень хорошие стихи, тонко чувствовал слово, умел работать с ним. Этот несомненный талант лингвиста-исследователя виден уже по первым публикациям. Его вторая статья «Из истории частиц» была опубликована в Ученых записках Сталинского пединститута в 1961 году (первая увидела свет в 1958 г. в Днепропетровске). В ней он анализирует и осмысливает очень сложный, можно без преувеличения сказать, уникальный по содержанию фактический материал, собранный по редким, ранее никем не использованным источникам. Аспирант ведёт серьезные споры по интерпретации отдельных положений своего исследования с такими известными учеными, как А. А. Шахматов, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов и др. Уровень его научной эрудиции, прочность методологических установок, способность чётко и доказательно аргументировать главные тезисы своей работы вызывают искреннее восхищение. Автору этой статьи было только 28 лет, но его наблюдения и сегодня представляют глубокий научный интерес для тех, кто занимается изучением истории русских частиц, определением их роли в синтаксических построениях русской речи. Ко времени публикации второй статьи Е. С. Отин уже закончил аспирантуру Московского областного педагогического института имени

Н. К. Крупской и готовился к защите кандидатской диссертации по теме «Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII-XVII вв.», которая состоялась в 1963 году. И уже через 11 лет он станет первым доктором филологических наук, выросшим в стенах Донецкого университета, – ведь до этого времени все преподаватели, имевшие такую степень, были «варягами», т. е. приглашенными для усиления кадрового состава из других вузов Советского Союза. В истории университета Евгений Степанович запомнится и как самый молодой доктор филологических наук: ко времени защиты ему исполнилось 42 года. Тема его докторской диссертации была связана с ономастикой – «Гидронимы Юго-Восточной Украины». В течение всей своей творческой, активной научной жизни Е. С. Отин успешно развивал разные направления лингвистической науки. Но он физически не мог одновременно заниматься всем, что его интересовало и увлекало, поэтому многие свои «находки» он просто дарил своим ученикам. Иногда в виде идеи или четко сформулированной темы, иногда в буквальном смысле передавал уже собранные им, но научно и теоретически не осмысленные до конца материалы, которые в дальнейшем аспиранты и докторанты профессора включали в свои диссертации. Щедрость Евгения Степановича была безграничной!

Сегодня о Е. С. Отине чаще всего говорят как о создателе и главе Донецкой ономастической школы, но при этом неоправданно забывают о том, что он был прекрасным преподавателем, опытным лектором, тонким знатоком истории и диалектологии русского и украинского языков. Евгений Степанович прекрасно знал русскую и украинскую литературу, любил русскую поэзию и много помнил наизусть. К любому случаю он мог, не задумываясь, подобрать точные и выразительные поэтические строки, – круг любимых авторов был очень широким, от представителей XVIII века до современных. В течение всей своей учебной деятельности он разработал рекордное количество спецкурсов на русском и украинском

языках, которые читал и бакалаврам, и магистрам, и специалистам. Своей лекторской работой он был постоянно связан с такими фундаментальными дисциплинами, как «Историческая грамматика русского языка» и «Основы исторической лексикологии и фразеологии». Евгений Степанович мечтал о создании новых циклов лекций, обеспеченных содержательными методическими пособиями и специальными словарями. Он не только постоянно говорил об этом, но активно создавал необходимую для своих учебных курсов базу. В тяжелое военное лето 2014 года вышли из печати два уникальных словаря – «Словарь русского языка X-XVIII веков» и «Частотный словарь «Жития» протопопа Аввакума», которые дополнили перечень других его словарей, уже хорошо известных и признанных любителями русской словесности (словарь жаргонных слов и выражений «Все менты – мои кенты» и «Словарь коннотативных собственных имён»).

Евгений Степанович всегда боялся остаться без работы. Заканчивая очередной трудоёмкий процесс, он, фактически не отдыхая, приступал к реализации другого проекта, – его творческая энергия была неистощимой. Он не умел отдыхать в привычном для нас понимании. В последние мирные годы Евгений Степанович любил летом бывать в Крыму, особенно в Феодосии. Но морю, солнцу, прогулкам по побережью отводилась лишь ничтожная часть утреннего времени, – остальное было заполнено неутомимым трудом над тем, что в это время лежало на его рабочем столе. А это, как правило, были сотни карточек, которые вручную классифицировались, расписывались, дополнялись и уточнялись. Евгений Степанович был великим тружеником. Составляя очередную картотеку или пополняя старую, он никогда не пользовался компьютером. В последнее время у него были серьёзные проблемы со зрением (перенёс две операции), и эта, условно говоря, «техническая» работа требовала от него сильного физического напряжения. Но он был увлечен любимой работой! Наука очень часто заменяла ему другие радости жизни, а жизнь он любил во всех её

проявлениях. Евгений Степанович никогда не говорил о смерти, всегда сторонился этой глубоко философской темы, но мечтал уйти из жизни на рабочем месте, как нередко случалось с великими актёрами на сцене во время спектакля. Так и произошло! Его сердце остановилось в тот момент, когда он заканчивал работу над своей последней монографией и находился за своим письменным столом. За несколько минут до смерти он еще общался со своими коллегами по телефону, делая обычные распоряжения по текущим делам кафедры и техническому оформлению своей, к сожалению, уже последней книги, сохраненной сегодня в черновом варианте.

Оценивая сегодня значимость Е. С. Отина как представителя лингвистической науки конца XX – начала XXI века, мы поражаемся также его способности не отрываться от жизни, быть активным членом общества, гражданином и патриотом. В течение 27 лет он бессменно руководил филологическим факультетом, с 1976 года и до последних дней возглавлял одну из лучших кафедр Донецкого национального университета, в разное время успешно занимался партийной и профсоюзной работой, имел многочисленные награды, которым, кстати, никогда не придавал особого значения.

Сегодня, вспоминая о Евгении Степановиче, можно выразиться словами Маяковского: такие люди живут, «чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие добрые дела». Таким добрым делом является сегодня и наша научная конференция, посвященная Учителю многих поколений филологов. Светлая, долгая и добрая ему память от ныне живущих и от тех, кому еще предстоит возможность открыть для себя творческое наследие этого талантливого ученого.

*Л. П. Борисова, канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры общего языкознания
и истории языка имени Е. С. Отина*

г. Донецк, 13 апреля 2016 г.

А. М. Ахмедова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

1. Тенденция к активному словообразованию, заимствованию лексики и появлению новых семантических значений способствовала тому, что многие ученые, такие как И. И. Срезневский, В. В. Лопатин, Г. О. Винокур и др. посвятили свои работы данному вопросу.

2. Настоящее исследование посвящено структурно-семантическому анализу глагольных неологизмов английского, немецкого и русского языков. Данная тема определяется, прежде всего, повышением внимания современной лингвистики к изучению новой лексики.

Целью работы является систематизация новых глаголов и глагольных значений, установление появления в разных языках глагольных неологизмов.

Материалом исследования послужили новые глаголы английского, немецкого и русского языков, в количестве 500 глагольных неологизмов в каждом языке. Источником эмпирического материала является сплошная выборка из толковых словарей и словарей неологизмов, а также электронных и лексикографических систем Owid и Wörterbuchnetz.

3. Неологизмы – слова или словосочетания, которые недавно появились в языке [1, с. 153]. В развитых языках ежегодно появляется огромное количество новых словообразований, большинство из которых, однако, не закрепляются в разговорном обиходе.

Исследователи делят неологизмы на 3 группы: лексические, семантические и окказиональные [2, с. 74]. Согласно данным исследования, большинство возникших за последнее время неологизмов лексические

с иностранным корнем. Например: русск. *гуглить* (от англ. *to google*) или *спамить* (от англ. *to spam*).

К семантическим неологизмам относятся слова, которые уже присутствовали в языке, но получили новое значение, или новый оттенок значения. Например, англ. *to shirtfront*, который был назван словом года в Австралии, означает ‘жесткий прием, с помощью которого один игрок сбивает другого ударом в грудь, чтобы завладеть мячом’, теперь получил и значение ‘выступить против кого-либо с жалобами’. Позже данный глагол получил и третье значение – ‘не сдерживать обещание’.

К окказиональным или индивидуально-стилистическим неологизмам относятся глаголы, возникшие в результате индивидуально-авторского словотворчества [3, с. 39], как, например, русский глагол *стушеваться*, когда-то вошел в речь благодаря Ф. М. Достоевскому.

4. В ходе анализа лексического состава данных языков выяснено, что глагольные неологизмы английского, немецкого и русского языков, можно систематизировать по следующим группам: неологизмы-новообразования, переосмысленные словосочетания, собственно неологизмы и неологизмы-значения.

4.1. В исследуемом языковом материале всех трех языков больше всего представлены неологизмы-новообразования 746 единиц (49,7% от общего количества эмпирического материала) слова, состоящие из компонентов, уже использовавшихся в другом сочетании в иных словообразовательных конфигурациях.

В большинстве своем это сложные слова, состоящие из двух компонентов, соотносимых с основами слов, например: англ. ‘*diworsify*’ – глагол, объединивший в себе слова *diversify* и *worse*. Означает «сделать что-то хуже путем диверсификации».

Подгруппа производных неологизмов-новообразований, созданных с помощью словообразовательных аффиксов [4, с. 86], невелика, например: нем. *'maueln'* (hinfallen).

4.2. Следующей группой неологизмов, выделяемых в анализируемом материале, являются глагольные неологизмы, образованные на основе переосмысления сочетания слов 397 единиц (26,5%), например: нем. *'Flatrate saufen'* – *'sich zum Festpreiss betrinken'* (русс. *напиться до чертиков*).

4.3. Количество собственно неологизмов («новых слов, которые ранее в языке не использовались и словарями не фиксировались» [5, с. 54]) составляет 273 единицы - 18,2% от общего количества исследуемого языкового материала, например, слова, образованные с помощью объединения элементов двух языковых единиц, например: нем. *fitnieren* – *im Fitnesscenter trainieren* (рус. *заниматься фитнесом*).

4.4. Самую небольшую в количественном отношении группу составляют неологизмы-значения, слова, получившие новое значение, которые не сопровождаются изменением морфологической структуры слова: 84 единицы – 5,6%, например: *'wischen'*. В словаре Deutsches Universal Wörterbuch у данного слова зафиксировано два значения: 1. тереть 2. вытирать. В 10-томном словаре Duden, изданном в 2000 году, к ним добавлено еще одно: *durch Smartphone wischen*.

В подавляющем большинстве случаев глагольные неологизмы имеют ярко выраженную экспрессивную окраску и стилистическую маркированность.

5. В результате предварительного анализа материала исследования были сделаны следующие выводы: 1) относительно количественного анализа: в исследуемом языковом материале всех трех языков доминируют неологизмы-новообразования, далее следуют неологизмы, образованные на основе переосмысления сочетания слов, собственно неологизмы и неологизмы-значения; 2) на семантику всех глагольных неологизмов

накладывается эмоциональный оттенок; 3) к активным явлениям образования глагольных неологизмов можно отнести: словообразование, семантическую деривацию и заимствования, среди которых во всех исследуемых языках преобладают английские заимствования, которые делают терминологию интернациональной; 4) образование неологизмов в современном английском, немецком и русском языках представляет собой активный процесс пополнения словарного состава, что влечет за собой определенные трудности, как например, отставание словарей в фиксации неологизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cabre M. Teresa. Terminology: Theory, Methods, and Applications / Cabre M. Teresa. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1999. – 247 p.
2. Волков С.С., Сенько Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития / С. С. Волков, Е. В. Сенько. – М. : Наука, 2008. – 177 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта, 2008. – 145 с.
4. Ермакова О.В. Неологизмы в современном английском языке и их перевод на русский язык / О. В. Ермакова. – Тюмень : ТГУ, 2005. – 106 с.
5. Розен Е. В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М. : Менеджер, 2000. – 192 с.

О. И. Барнет

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

О СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

Эпоха, в которую жил Владимир Маяковский, была периодом больших потрясений в России, и поэт такого масштаба, несомненно, не мог остаться в стороне от происходящего. Само время продиктовало ему перечень новых требований и целей, который он безоговорочно принял,

и поэтому Октябрьскую революцию 1917 года и как поэт, и как гражданин Маяковский встретил с восторгом: «О, четырежды славься, благословенная!» – восклицал поэт, приветствуя революцию. Приняв восстание как попытку освобождения всех униженных и оскорблённых в мире, В. В. Маяковский шёл, как ему казалось, по пути обретения рая на земле. Старый мир, по его мнению, должен быть разрушен, и коренные изменения должны непременно отразиться во всех сферах общественной жизни, в том числе и в поэтическом языке, наполненном «эстетикой старья». Поэзия, по мнению В. Маяковского, в этом контексте является оружием (перо приравнивается им к штыку), и задачи построения нового поэтического слога становятся для него важнейшим условием передачи нового мышления, нового миропонимания в образном их видении. В своей автобиографии «Я сам» он чётко заявляет о своём жизненном кредо: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом» [5, с. 3]. Для того, чтобы каждое слово «отстоялось», Маяковский настаивает на «производственном отношении к искусству» и упорно старается подтвердить это своим творчеством. Наверно, именно поэтому Ю. Карабчиевский, «воскрешая» поэта, считает, что его стих «выражает не столько мысли и чувства, сколько все те ухищрения и приёмы, с помощью которых эти мысли выражены. Трудом и потом пахнут его строки, потом автора и потом читателя», – пишет он [3, с. 27]. С этим мнением едва ли можно согласиться, поскольку все «ухищрения и приёмы» – свидетельства поэтического дара поэта только подтверждают мысль о незаурядности его таланта и безусловном трудолюбии, без которого невозможно совершенствование поэтического мастерства любой творческой индивидуальности. Не удивительно, что до сих пор личность поэта и его словотворчество вызывают массу споров среди профессионалов и любителей русской словесности. В этой связи есть необходимость вспомнить, пусть и нелестные для поэта, слова В. Ходасевича о том, что Маяковский «так же

не был поэтом революции, как не был революционером в поэзии. Его истинный пафос – пафос погрома, то есть надругательства над всем, что слабо и незащищено. Он пристал к Октябрю потому, что расслышал в нём рёв погрома» [8, с. 24]. Это мнение может быть учтено, но согласиться с ним сегодня нет никаких оснований. По нашему мнению, Владимир Маяковский был гением слова, новатором поэтического языка начала XX века, что подтверждается его стихами, вникать в которые необходимо вдумчиво, глубоко и не поверхностно. Да, его называют «*глашатаем революции*», но всю свою недолгую жизнь он прожил под светлым и чистым лозунгом, который озвучил в одном из стихотворений: *Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой — и солнца!* [4, с. 89]. Критики В.Маяковского зачастую несправедливо забывают о том, что он был мастером тонкой лирики, который первым попробовал соединить лирическое звучание своих стихотворений с политикой. И этот опыт ему удался. «В противоположность Хлебникову, – считал Р. Якобсон, – Маяковский воплотил в себе лирическую стихию поколения». И это очень высокая оценка талантливого современника поэта. Внимательный, вдумчивый читатель заметит в стихах Маяковского не только фамильярные, насмешливые, пренебрежительные интонации, но обязательно почувствует: за внешним словесным шумом скрывается ранимая и очень одинокая душа поэта. Ему хочется казаться грозным, неустрашимым, уверенным, иногда грубым, он стремится быть созвучным своей эпохе, наполненной жестокой, непримиримой борьбой. Но это только внешнее восприятие его авторской позиции, потому что на самом деле поэт глубоко одинок в этом разрушенном мире и жаждет понимания, любви и сочувствия к себе как со стороны современников, так и, возможно, потомков, то есть нас с вами.

Сегодня можно утверждать, что имя В. В. Маяковского может быть включено в перечень имён тех поэтов, которые в начале XX века стояли на

пути эволюционного развития поэтического языка. Устойчивый и изменчивый феномен этого процесса позволил мастерам русского слова скрепить прошлое, настоящее и будущее в сфере собственно художественных преобразований [7, с. 3]. Характер и специфика таких преобразований были связаны как с реализацией системных возможностей литературного языка того периода, так и с индивидуальными возможностями каждого автора в процессе выработки ими языковых элементов собственного стиля. В этом плане Маяковского можно назвать смелым мастером, в совершенстве владеющим не только современным ему словом и словарём, но и поэтом, работающим с языковым материалом по своим собственным законам. В. Маяковский чрезвычайно активен по отношению к слову, и если оно кажется ему недостаточно выразительным, поэт смело изменяет и значение, и форму такого слова, следуя за своей же оценкой («*Как бедна у мира слова мастерская!*») и пытаясь избавиться от этой «бедности» [4, с. 455].

Языковые эксперименты В. Маяковского дают в итоге удивительные результаты. Остановимся на некоторых из них, связанных с преобразованием грамматической формы слова. Не трудно заметить, что традиционным для Маяковского становится эксперимент с формами существительных и прилагательных, употребление которых в его художественной речи для русского языка начала XX века нельзя считать нормативным. В ряде случаев можно предположить отражение грамматической аналогии, которую, по словам Г. О. Винокура, можно расценивать как имитацию реальной истории языка [1, с. 328], но вряд ли Маяковский вникал в это, создавая, например, сравнительную степень от форм существительных или рождая новые формы притяжательных прилагательных для создания образной персонификации вещей и предметов. В результате словообразовательного «омоложения» [1, с. 345] прилагательные у Маяковского становятся менее зависимыми от существительных и привычные для слуха словосочетания в итоге разрушаются: *толпа пестрополосая, простово-*

лосая церковка, эй, синеблузые! краснозвёздный герой, шептоголовые кухарочки хоры, чудовища ископаемо-хвостатые, медногорлый оркестр и т.п. В языке Маяковского-новатора обнаруживается свежее, ранее не декларируемое поэтами употребление притяжательных прилагательных, которые служат определённой цели – стать средством стилизации или яркой образности, выступают в роли уподоблений одушевлённым или неодушевлённым объектам (*весёлостью песьей, драгоценности мамашины, поэтиного сердца, с волной сарагоссовой, битвы коридоровой, шалютинским басом* и др.). Очень часто, вопреки требованиям нормативной русской грамматики, Маяковский создаёт формы притяжательных прилагательных от слов, которые соотносимы только с категорией относительных прилагательных (*язычки кончики, шаги саженьи, вопли автомобильи* и др.). Поэтическая цель таких преобразований, по мнению Г. О. Винокура, вполне прозрачна: при помощи такого приема поэт уничтожает «разницу между лицом и вещью», невольно воскрешая то, что когда-то в древности было присуще живому разговорному языку [1, с. 346].

Вслед за В. Григорьевым мы можем утверждать, что словотворчество Маяковского имеет свою эстетику, «свою аксиологию» [2, с. 14]. Проиллюстрируем этот факт способностью поэта нестандартно и самобытно использовать формы существительных в творительном падеже (иначе говоря – сравнений) в определенных сочетаниях: *далёким пляжем, автомобильным гаражом, моргающим пажом, мишурными блёстками, дорогою дольней, ключьями порванной тучи, загнанных ланями, сочными ключьями человеческого мяса, изъеденные бессонницей, встал горой мускулистой, пожарами землю дымя, жизнь дымком квартирошным выел, я стихами выхлебаю дни, растекаться слезной лужею, человечесьей диктатурой, расселись кладбищем, обшаркан миллионом ног* и др. Ю. Карабчиевский считает, что из всех поэтических тропов «именно сравнение удаётся Маяковскому лучше всего, в том смысле, что образ, построенный

на сравнении, хотя и не выходит за рамки наглядности, имеет всё же наибольшую ассоциативную ёмкость» [3, с. 37]. С этим мнением трудно не согласиться.

В. Маяковский часто экспериментирует с такими грамматическими категориями, как род, число и падеж, и в этом процессе, как уже было сказано, определённым образом изменяет нормативные установки современного русского языка: *не блеснёт ли у окон в глазе; подвластны нашим волям; от ихней братии* и под. Но вместе с тем, будучи одним из самых новаторских поэтов в мировой литературе, в разработке новых форм Маяковский опирался на богатейший опыт русской классики. Оттого его подлинное новаторство возникает не за счёт отказа от предшествующих традиций, а на основе их творческого освоения и переосмысления в новых исторических условиях (в условиях революционных – для Маяковского). Если Ю. Карабчиевский, как было сказано выше, как бы «оживляет» саму фигуру В. Маяковского, то Г. О. Винокур заостряет внимание читателей на том, что поэт сам способен воскресить забытую древнерусскую (в том числе и книжную) традицию в таких выражениях, как *дым из-за дома догонит нас длинными дланями; не имеющие ничего, окромя красивого почерка; мёртвые сраму не имут; хлеб насущный даждь нам днесь; дёрнул стремглав из передней; прикрывши окна ладонью угла* и др. Это значит, что Маяковский, требуя от поэзии «навыков и приёмов слов, бесконечно индивидуальных», не только революционен в своем словотворчестве, но и традиционен в выборе поэтических средств выражения. Устаревшая лексика (скажем, архаизмы), пополнившая лексический запас его поэзии, без сомнения, придает речи высокое, торжественное звучание. Тем не менее, поэт обращался к архаизмам и как к средству создания иронической или шутливой экспрессии. Важно, на наш взгляд, и то, что архаизмы явились источником революционного, гражданско-патриотического звучания его поэзии, и это лишний раз подтверждает факт того, что в лингвистических новациях Маяковский

всегда оставался глубоко национальным поэтом, которому в высшей степени было свойственно чувство родного языка. Мы видим, что используя различные тропы, поэт постоянно опирался на художественные ресурсы именно русского языка, и именно по этой причине его слово звучало всегда точно и призывно, и в этом слове набатом звучало неистовое лирическое «Я» автора.

Отдельного обсуждения заслуживает тема о новаторской специфике синтаксиса поэта В. В. Маяковского. Однако в пределах одной статьи можно лишь обозначить главное. Так, например, поэтике В. Маяковского присуща всевозможная свёрнутость (эллипсис) синтаксических конструкций, что служит повышению эмоциональной выразительности создаваемого художественного текста (*Вбегают юнкер: «Драться глупо!»; Тринадцать визгов: – Сдаваться! – Сдаваться!»; Авдвери – булаты, иинели, тулупы* и т. п.).

Мысль о том, что В. Маяковский всегда стремился к выделению в тексте наиболее важного для него слова, была высказана Г. О. Винокуром и поддержана Р. Якобсоном, которые считали, что «поэзия Маяковского есть поэзия выделенных слов по преимуществу» [10]. Этой общей цели служили, например, так называемые парцеллированные именительные падежи: *Утро раннее. Иду. Мясницкая. Ночь глуха; Вот фон. В постели она. Она лежит. Он. Кровать. Железки. Барахло одеяло. Лежит в железках. Тихо. Вяло. Трепет пришел. Пошел по железкам; Сорвался лист. Обвал. Беспокоит* и под. На наглядных примерах мы видим синтез синтаксического новаторства поэта и то, как умело использует он бессоюзные предложения для создания иллюзии отрывочности, динамики стихотворения, для установки своеобразного ритма, а иногда и рифмы, которые являлись визитной карточкой Маяковского-стихотворца. Его любили слушать, и в этом плане можно принять мнение Ю. Карабчиевского о том, что поэт являлся, скорее, «поэтом без читателя», поскольку его читателем зачастую был слушатель [3, с.24]. Для поэта-трибуна, действительно, было принципиально необходимо наличие публики, воспринимавшей его поэзию в звучании стихов «с голоса», а не

в прочтении их на листе бумаги. Сказанное может быть темой отдельной дискуссии, но сегодня ясно лишь одно – синтаксический строй многих поэтических произведений В. Маяковского, новаторский по совокупности авторских приёмов и конструкций, в большинстве своем был предназначен для слухового, а не зрительного восприятия.

Так сложилось, что каждая важная эпоха жизни человечества непременно обозначена яркими именами в области истории, политики, экономики, культуры и т.д. Каждая эпоха нуждается в собственном поэте. Таким поэтом в первой половине XX века, без сомнения, стал Владимир Маяковский, который сердцем принял боль эпохи и сделал её собственной болью. Он всегда был устремлён вперёд, «ловил будущее в ненасытное ухо» [10], верил в то, что его поэзия будет нужна людям, умел идти напролом к осознанной, осязаемой цели, но вместе с тем оставался человеком восприимчивым, уязвимым, чувствительным. И права была Марина Цветаева, когда говорила о том, что «оборачиваться на Маяковского нам, а может быть и нашим внукам, придётся не назад, а вперёд» [9, с. 17].

Владимир Владимирович Маяковский вошел в литературу XX века как яркий поэт переломной эпохи, как человек трагической судьбы, который создал потрясающий мир поэтических образов, отразив в своем творческом процессе беспрецедентно целостную новаторскую языковую систему. Личность поэта, без сомнения, оставила глубокий след в литературе Серебряного века, и его творчество сегодня заслуживает постоянного внимания, уважения и дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка / Г. О. Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – 448 с.
2. Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта / Отв. ред. А. Д. Григорьева. – М. : Наука, 1986. – 255 с.

3. Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского : Филологический роман : Эссе / Ю. А. Карабчиевский. – М. : Советский писатель, 1990. – 224 с.
4. Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы / В. В. Маяковский. – М. : Художественная литература, 1969. – 736 с.
5. Маяковский В. В. Избранные сочинения / В. В. Маяковский. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. I. – 542 с.
6. Михайлов А. А. Маяковский / А. А. Михайлов. – М. : Мол. гвардия, 1988. – 560 с.
7. Очерки истории языка русской поэзии XX века : Образные средства поэтического языка и их трансформация / Отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1995. – 263 с.
8. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений в 4 тт. / В. Ф. Ходасевич. – М. : Согласие, 1996–1997. – 2368 с.
9. Цветаева М. И. Эпос и лирика современной России // М. Цветаева. Сочинения : В 2 тт. – М. : Проза, 1980. – Т.2. – 409 с.
10. Якобсон Р. О. О поколении, растерявшем своих поэтов // Р. Якобсон, Д. Святополк-Мирский. Смерть Владимира Маяковского. – The Hague : Paris : Mouton, 1975. – Режим доступа : http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ff/rja_o_pokolenii.htm (дата обращения: 15.03.2016).

В. В. Бедняк

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СПОРТИВНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изменения, происходящие сегодня в области спорта (в частности переход от представления о спорте как деятельности для узкого круга людей к представлению о спорте как занятию, открытому для всех; формирование нового взгляда на спорт, который не знает возрастных, гендерных, социальных ограничений; распространение экстремальных

видов спорта; выход командных видов спорта на улицы и т. д.), в свою очередь обусловили ряд преобразований в рамках спортивной лексики в целом и спортивной терминологии в частности. В связи с этим особенно актуальным становится исследование таких проблем, как вопрос мотивированности заимствования спортивных терминов-неологизмов, словообразовательные особенности спортивного жаргона и в целом проблемы появления и закрепления в языке новой спортивной терминологии.

Лексика спорта, как отмечают исследователи, «составляет значительный процент неологии русского языка и определяет многие магистральные линии развития современного лексикона» [4, с. 3].

Целью предлагаемой работы является попытка классификации лексем, относящихся к сфере спортивных неологизмов, по тематическим группам.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки спортивных неологизмов и примеров их контекстуального использования из различных русскоязычных Интернет-изданий. В нашей картотеке зафиксировано 237 лексических единиц, представляющих собой разнообразные по семантике и структуре спортивные неологизмы.

В первую очередь анализируемые спортивные неологизмы можно разделить на несколько тематических групп:

1. Названия спортивных игр, занятий (101 лексическая единица, или 42,6 %): *армрестлинг, байкеркросс, балконинг, бэйсджампинг, бенди, билдеринг, бобслей, бодибилд, бодибилдинг, борд-кросс, боулдеринг, брейкбол, брумбол, велоаэробика, велотриал, виндсерфинг, дайвинг, дерт-джампинг, джиббинг, дуатлон, джоггинг, зорбинг, кайтинг, каланетика, кантри-кросс, каньонинг, карвинг, карт, картинг, кейтбординг, кикбоксинг, кендо, клиффдайвинг, корфбол, кёрлинг, маунтибайкинг, министепер, мотокстрим, мотоскиёринг, норт-шор, параглайдинг, парашанеризм, пейнтбол, пушбол, ратрак, рафтинг, роллинг, скайдайвинг, скайсёрфинг, скейтбординг, ски-альпинизм, ски-бас, скиёринг, слайд-бокс, сноубординг, сноускейтинг, спидвей,*

стипльчез, стритбол, стретчинг, сёрфинг, трекинг, фан-карвинг, фитнес-боди, флетлендсинг, флорбал, фридайвинг, фрирайд, фрисби, фрискинг, фронтсайд, футбег, хайф-найн, хелибординг, экотуризм и др.

2. Названия спортсменов и в целом людей, которые имеют отношение к спорту (78 единиц, или 32,9 %): *аутсайдер, армрестлингист, барьерист, барьеристка, бэйсджампер, бэйс-парашутист, бэйсер, бэтер, бодибилдер, боксерка, бордист, боулингист, велокроссмен, велотриалист, виндсерфингист, дайвер, джогер, дзюдоистка, карвер, картингист, кикбоксер, кетчер, кендоист, клиф-дайвер, лайнсмен, мауэнтинбордер, панкратионист, плеймейкер, рафтингист, ритбейгер, ранер, рейвер, питчер, серфингист, скайдайвер, скейтбордер, скейтер, скейтист, сноубордист, спортроллер, стритрейсер, суператлет, фланкер, флай-хав, флорболист, фрибордер, фрирайдер, фристайлист, футболоман, футболофил, футзалист, шорт-стоп, шоттрекерист, экотурист* и др.

3. Названия действий, которые являются составляющими спортивных игр (31 единица, или 13,1 %): *апхил, аутсайд, бант, беккантри, бексайд, бекслайд, блаиндсайд, дабл, дабл-плей, допинг-тест, драфт, друп, ин-лайн, инлайн-слалом, корнер, крос-чеккинг, лоу-кик, масстарт, овертайм, плей-офф, сингл, райс, трипл, фальстарт, фейр-плей, флит, форсайд, форчеккинг, фристайл, хит, хет-трик.*

4. Названия спортивного снаряжения (15 единиц, или 6,3 %): *борд, велоэргометр, дераер, квотерпайт, мауэнтинборд, мотодельтаплан, мотольжи, мотошлем, скейтборд, скип, скиф, сноубайк, сноуборд, фингербойд, иноркель.*

5. Названия мест, предназначенных для спортивных игр, в том числе мест, имеющих отношение к спорту (12 единиц, или 5,1 %): *боулердром, боулинг, велосервис, дагаут, друпзона, евростадион, еврокубок, евроматч, сноуборд-парк, фитнес-центр, футзал, шорт-трек.*

Как видим, в нашем материале первое место по критерию частотности занимают названия спортивных игр, занятий (101 единица, или 42,6 %). Вторым по частотности классом спортивных неологизмов, как

свидетельствует анализ фактического материала, являются названия спортсменов и в целом людей, которые имеют отношение к спорту (78 единиц, или 32,9 %). Третье место по названному критерию занимают названия действий, которые являются составляющими спортивных игр (31 единица, или 13,1 %).

Все другие выделенные в нашем материале тематические группы спортивных неологизмов являются нечастотными: а) названия спортивного снаряжения (15 единиц, или 6,3 %); б) названия мест, предназначенных для спортивных игр, в том числе мест, имеющих отношение к спорту (12 единиц, или 5,1 %).

Дальнейшая классификация спортивных неологизмов в рамках обозначенных самых частотных их групп, выделяемых по денотативному критерию, – следующий шаг в логике нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке : Уч. пособ. для студ. вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
2. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Г. Малышева. – Омск, 2011. – 46 с.
3. Машуш А. А. Проблема определения корпуса спортивной неологии / А. А. Машуш, И. С. Климас // Ученые записки Курского государственного университета. – 2013. – № 3 (27). – Т. 1. – С. 28–32.
4. Машуш А. А. Языковые новации и речевые изменения в русской спортивной лингвокультуре XXI века : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Машуш. – Курск, 2013. – 22 с.
5. Попов Р. Н. Термины, которым не повезло в словарях: о толковании спортивных неологизмов / Р. В. Попов // Русский язык и проблемы современного образования : сб. науч. ст. – Архангельск : Поморский университет, 2007. – С. 31–38.

6. Птушкина Е. В. Жаргонизмы фигурного катания / Е. В. Птушкина // Функционирование языка в различных речевых жанрах. – Вып. 2. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 14–16.
7. Рассказов А. Ф. Баскетбольные термины как средство эффективного общения в двуязычной футбольной команде / А. Ф. Рассказов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10. – С. 142–148.
8. Тугуз Э. А. Неологизмы в спортивном дискурсе : гендерный аспект / Э. А. Тугуз // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2013. – № 6 (81). – С. 27–30.

А. Д. Бочарова

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

ПОНЯТИЕ СЛАВЯНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Многие проблемные вопросы исторической лексикологии сегодня могут быть рассмотрены только в плоскости истории русского литературного языка, происхождение которого до сих пор является предметом бесконечных дискуссий. Даже понимание и истолкование самого явления *литературный язык* (по крайней мере, для древнейших периодов) входит в число до конца нерешенных проблем, осмысление которых связывается, главным образом, с именами конкретных ученых и их персональными точками зрения на характер «истоков и судеб» русского литературного языка. Однако общим для всех исследователей (при разной оценке языковой ситуации, сложившейся в ранние периоды) является полное признание значения церковнославянского языка и его безусловной роли в дальнейшем становлении и развитии современного русского литературного языка. Напомним, что церковнославянский язык по своему происхождению «вторичен» и представляет собой «русскую»

редакцию старославянского языка – первого письменного, литературного языка христианского культа южных и восточных славян. Для нас принципиально важно видеть разницу между этими двумя явлениями и понятиями, утверждая, что под пером русских книжников старославянский язык, испытывая влияние древнерусского языка, выступает уже в новой ипостаси и именуется *церковнославянский язык*. Именно этот язык становится посредником в процессе греческо-русских культурных связей, оформляется как средство переноса византийской культуры на русскую почву, в результате чего Русь в определенном смысле становится частью византийского мира. При этом церковнославянский язык расширяет свои функциональные возможности и, в отличие от старославянского языка, сохраняется не только как язык культа, но и продолжает развиваться как язык культуры. С крещением Руси церковнославянский язык получает права и функции языка литературного и официально становится языком обучения на всей территории древнерусского государства.

Изучение истории лексического строя русского литературного языка постоянно связывает нас с необходимостью обращаться к системе церковнославянского языка тогда, когда речь идёт о книжных средствах современной лексической системы и их происхождении. В научной литературе обнаруживается большое количество терминов, их содержание не имеет чёткого закрепления в определениях, которые мы находим (или не находим) в справочных источниках: *старославянизм*, *болгаризм*, *церковнославянизм*, *южнославянизм*, *славянизм*, *неославянизм*, названия *славенское*, *славеницина* и т.д. Использование этих терминов в качестве синонимов не может быть оправданным. Это становится еще более понятным, когда происхождение и функции *славянизмов* (возьмём за основу этот самый распространённый термин) рассматриваются на фоне

основных тенденций развития русского литературного языка в разные исторические эпохи его становления.

Славянизмы – явление сложное и разнородное, и вопрос определения этого понятия является одним из основных в общей проблеме возникновения и развития русского литературного языка, а также в определении его генетической основы. По отношению к языку памятников древнерусской и старорусской письменности (вплоть до XVIII века) понятие *славянизм* воспринималось как слово, пришедшее в русский язык из церковнославянского языка. Универсального определения этого понятия нет до сих пор. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой находим, например, такое его толкование: СЛАВЯНИЗМ *англ. slavjanism*. 1. Слово или оборот русского языка, имеющее церковнославянское происхождение, – *Русск.* нрав, враг, невежда. 2. Стилистический вариант слова с приподнятой (возвышенной) коннотацией, – *Русск. поэт.* *Ворог* ‘враг’, *глад* ‘голод’, *влачить* ‘волочить’ [1, с. 419]. Такое современное определение, однако, не может быть приложено к понятию, содержание которого исторически изменялось и прошло довольно сложное эволюционное развитие. Процесс проникновения славянизмов в общелитературный русский язык был неравномерным, разным по интенсивности их вхождения в книжные тексты. В начальный период распространения христианства (конец IX – начало X века) отдельные лексические единицы такого текста, как нам кажется, должны называться *старославянизмами*. По мнению Р. М. Цейтлин, это только те слова (а также первичные значения этих слов или их форманты), которые зафиксированы в старославянской письменности и возможность употребления которых в старославянском языке доказана [8, с. 25-26]. Сложность вопроса заключается в том, что старославянские тексты в первичном их виде не сохранились, а дошедшие до нашего времени разрозненные листки от утраченных рукописей не позволяют судить о характере всей лексической

системы этого языка в полном её объёме. В современной науке речь может идти лишь об истории отдельных слов и выражений, возникших непосредственно в старославянском языке, но и в этой истории сохраняется много проблемных вопросов. Например, есть сомнения в том, что неполногласные сочетания *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, *-ле-* являлись фонетическим признаком только старославянских слов. Ссылаясь на неопубликованные работы А. А. Шахматова, М. А. Соколова утверждает, что лексика с неполногласными сочетаниями могла существовать еще в праславянском языке [7, с. 212]. Нет уверенности в том, что и другие традиционные показатели старославянского происхождения того или иного слова (или формы этих слов) сегодня не могут быть подвергнуты сомнению. Следует напомнить, что вопрос о происхождении старославянского языка долго оставался в кругу вопросов, вызывавших бурные дискуссии, в том числе и по названию этого явления (и даже по названию научной дисциплины): *древнеболгарский*, *древнесловенский*, *древнецерковнославянский*, *древнеюжнославянский*, *старославянский* и др. [3, с. 18-19].

Голландский языковед Н. Ван-Вейк убеждает нас в том, что при анализе текстов «позднейшего периода» необходимо использовать термин *церковнославянский язык*, который уже в X-XI веках становится книжно-литературным языком восточных славян и в Древней Руси образуется путем усвоения старославянских традиций в древнерусских условиях. М. Л. Ремнёва характеризует этот литературный язык как обработанный с точки зрения нормы, определенным образом кодифицированный, полуфункциональный и стилистически дифференцированный. На Руси с XI по XVII века это был язык культа и культуры [6, с. 9]. Слова, зафиксированные в церковнославянских памятниках письменности и имеющие определенные признаки своего происхождения (см., например, классификацию таких особенностей у Л. А. Булаховского [2, с. 443-446]), принято называть *церковнославянизмами*. При их характеристике следует

учитывать наличие двух вариантов нормы, которая реализовались в памятниках письменности разных жанров: первая (книжная) норма напрямую была связана со старославянским языком, вторая (узуальная) допускала «достаточно широкое проникновение черт древнерусского (восточнославянского) языка, которые <...> существуют в языке в качестве допустимых вариантов, равноправных церковнославянизмам» [6, с. 12]. Г. О. Винокур считал возможным употреблять понятия *славянизм* и *церковнославянизм* как синонимы только в том случае, когда речь шла о словах, «генетически» родственных, т.е. связанных своим происхождением с церковнославянским языком [4, с. 443]. В остальных случаях понятие *славянизм* связывалось с книжным употреблением, и эта лексическая единица рассматривалась как особая форма, вводимая в разряд новой стилистической категории.

С XVIII века, когда церковнославянский язык начинает сдавать свои позиции и теряет свою ведущую роль в качестве единственного литературного языка, славянизмы начинают использоваться вне его системы как элементы художественной речи. В функциональном отношении они уже не являются средством только церковнославянского языка и очень активно проникают в тексты светского содержания, в языковой своей основе русские [5, с. 6]. Но для образованной части населения такие слова привычно связывались с церковнославянским языком. По этой причине параллельно с понятием *церковнославянское слово* появляются названия *славенское*, *славенщина* и другие, имеющие общий корень. Это явление никак не противоречило основным тенденциям развития русского литературного языка нового типа, поскольку многие славянизмы своим происхождением действительно были связаны с церковнославянским языком (являлись генетическими церковнославянизмами). Но при этом в категорию славянизмов ошибочно включались устаревшие слова исконно русского происхождения, ставшие архаизмами.

Подобные ошибки могут быть оправданы лишь низким уровнем филологического образования того времени.

Славянизмы образуют книжный лексический пласт, в состав которого входят слова разного происхождения. Как функциональная разновидность они долго сохраняются в языке поэзии, но в течение XIX века как особая стилистическая категория утрачиваются, сливаясь с архаичной лексикой или переходя в разряд нейтральных слов. Анализируя «языковое употребление» славянизмов уже в XX веке, Г. О. Винокур группирует их («в стилистическом смысле слова») в три разряда: 1) славянизмы, не имеющие сегодня русского варианта; 2) славянизмы, имеющие русские варианты, но сегодня они употребляются в разных значениях; 3) славянизмы, отсутствующие сейчас в общем употреблении, но известные по памятникам письменности. Русский вариант такого славянизма используется в общем употреблении [4, с. 448].

В русском литературном языке нового времени славянизмы становятся собственно русскими словами и переживают сложную семантическую историю. Причины таких преобразований были обусловлены как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами, подробный анализ которых может стать темой отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л. А. Булаховский. – К. : Радянська школа, 1958. – 488 с.
3. Ван-Вейк Н. История старославянского языка / Н. Ван-Вейк. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. – 368 с.

4. Винокур Г.О. О славянизмах в русском литературном языке // Винокур Г. О. / Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С.443–448.
5. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. – М. : Наука, 1984. – 374 с.
6. Ремнёва М. Л. Церковнославянский язык / М. Л. Ремнёва, В. С. Савельев, И. И. Филичев. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 231 с.
7. Соколова М. А. К вопросу о церковнославянизмах / М. А. Соколова // Вопросы теории и истории языка. – Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1969. – С. 212–216.
8. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка / Р. М. Цейтлин. – М. : Наука, 1977. – С. 7–26.

Е. В. Бурыкина

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. О. Р. Миннуллин)

БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭЗИИ А. ТАРКОВСКОГО

Религиозный компонент в лирике А. Тарковского выявляется в обилии христианских символов, сюжетов и мотивов, которые органично входят в художественный мир лирика, о чем неоднократно писали исследователи его творчества (например, [1]).

Поэту в целом присуще «библейское мироотношение», которое, по справедливому замечанию С. С. Аверинцева, «живет антитезами «жизни и смерти», «мудрости и суеты» и др. [2, с. 21]. В лирике Тарковского немало мотивов и сюжетов, заимствованных из Библии, которые получают в его творчестве авторскую интерпретацию. Духовные поиски поэта направлены на откровение тайны возникновения мира, человека в мире,

Слова – в его сакральной функции творчества и преобразования жизни. Например, в небольшом произведении Тарковский пишет:

*И я ниоткуда
Пришел расколоть
Единое чудо
На слово и плоть.*

Библейская часть поэтического лексикона поэта представлена большим количеством имен. Тезаурус содержит имена старших пророков и младших пророков, а также новозаветных учителей веры, имена героев Библии, соотносимых с образом поэта и имеющих прямое отношение к сюжету о «творении Словом». К первой категории относятся Исайя, Иеремия, ко второй, например, пророк Даниил, к третьей – Иисус Христос, Петр, Фома. Нужно отметить и прямо не называемых, но подразумеваемых в произведениях Тарковского Моисея («До стихов»), Иоанна Крестителя («Надпись на книге»: «Покинул я семью и теплый дом...») и Иоанна Богослова («Степь», «Эвридика», «Предупреждение» и др.). В стихотворениях поэта мы встречаем также Адама, Иакова-Израиля и Давида. Подробно на эту тему пишет лингвист-исследователь онимов в поэзии А. Тарковского Н. Резниченко [3].

Поэтический труд в интерпретации Тарковского как бы повторяет процесс сотворения мира Богом, но в историческом и языковом планах. Отсюда пристальное внимание к истокам, библейским сюжетам, объясняющим первопричину всего. Особым вниманием отмечены сюжеты об Адаме.

«И Адамову тайну я чудом открыл» – ведь именно с Адамом традиция авраамических религий связывает появление слова: «Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Бытие, 2, 19–20). Герой лирики А. Тарковского как будто следует путями первого человека:

*И в сизом молоке по плечи
Из рая выйдет в степь Адам
И дар прямой свободной речи
Вернет и птицам и камням.
(«Степь»).*

«Адамова тайна», взволновавшая поэта, приоткрывает свою завесу в моменты предельного напряжения духовных сил, в кульминационные моменты бытия. Это тесно связано с тайной самого существования, жизни и смерти. Переосмысленные библейские антитезы сообщают стихотворениям А. Тарковского высокий жизнетворческий пафос.

Примером этому может служить трагичное, но при этом и просветляющее стихотворение «Полевой госпиталь». Остановимся на нем подробнее. Воссозданная поэтом картина возвращения к жизни основана на реальном факте: А. Тарковский потерял на фронте ногу и вынужден был перенести несколько мучительных операций ампутации. Лишь через два десятилетия он смог мысленно вернуться к этому тяжелейшему событию. Стихотворение датируется 1964 годом.

Организовано оно по принципу противоположности двух симметричных частей. Преодоление тайной границы между противоположными категориями бытия, отраженное художественной структурой текста, требует, по мнению автора, и личного подвига, и участия целого мира.

Картина воскресения восстанавливается симметрично. Первым возвращается свет («слепительный снег»), за ним проявляется движение («семерка самолетов развернулась»). Тарковский придает этому образу символический смысл. Число «семь», как пишет о. Павел Флоренский, в христианской традиции связывается с полнотой, завершенностью, законченностью (см. об этом в его книге «Имена» [4, с. 422]). Поэт видит в этом идеальное движение от небытия к жизни. Это путь воскрешения.

Движение небесных и земных сил сопровождает разворот от небытия к бытию. В стихотворении передано некое священное очищающее движение.

В тело героя возвращается и «чужая кровь из колбы в жилы мне» взамен потерянной «крови своей». Его тело вновь обретает жизнь. Здесь чувствуется и христианское очищение через причастие к крови и телу Христа и ветхозаветное иудейское действие серафима на пророка (ср. с пушкинским «Пророком»). О возвращении души свидетельствует у Тарковского царь Давид (герой произведения), пророк и слагатель псалмов:

Но ожил у меня на языке

Псалом царя Давида

(«Полевой госпиталь»).

Библейские слова как бы утверждают жизннетворческое начало в существовании лирического героя. Слова Псалмов, по мнению Тарковского, обладают мощнейшей очистительной и животворящей силой, они исполнены духовного напряжения, высокой скорби и покаяния. Внутреннее состояние стихотворения соприродно внутреннему состоянию человека в Псалтыри.

Важнейшими для поэта являются этические категории. Жизнь вне ее одухотворяющего начала согласно картине мира лирического героя А. Тарковского бессмысленна и пуста. Глубина тайны жизни и смерти подсказала ему скорбные и светлые, горькие и в то же время могущественные покаянные слова, близкие по духу «Псалтыри». Сама интонация произведения «Полевой госпиталь», особое дыхание его ритма напоминают библейские сказания.

Образы героев Библии появляются и в лирике А. Тарковского в моменты духовного озарения или скорби, глубинного проникновения в тайну сотворения мира (например, в стихотворении «День творенья») и его трагического конца (произведение «Страшный суд»). И Моисей, судьба которого «огнем вперед... летела неопалимой купиной», и Исая

(«Что мне делать, о посох Исайи, с твоей прямизной?»), и другие ветхозаветные персонажи позволяют поэту воплотить в своем творчестве величие сложного пути человека в библейском понимании.

А. Тарковский творчески осмысливает тайны любви и воскресения, прощения и сострадания, сомнения и веры. «Жизнелюбец Лазарь», и «добрый самарянин», сомневающийся Фома и отрекающийся Петр становятся в стихах А. Тарковского символами глубоких нравственных выявлений человеческого я, живыми воплощениями христианского мировоззрения.

Важно обратить внимание на жанровое родство лирических произведений А. Тарковского с традициями произведений, восходящих к библейским источникам – духовными стихами. Поэт многократно указывал на то, что главным составляющим элементом строения духовных стихов есть диалог. Диалог Христа и Богородицы, Христа и грешников и др. Чередование вопросов и ответов персонажей духовных стихов призвано сделать действие драматичнее, передать эмоциональный настрой участников диалога, словесно обозначить конфликт и раскрыть глубинный, таинственный религиозный смысл происходящих событий.

Христианская мифологема А. Тарковского состоит в том, что его герой творит, проводя духовный «спектральный анализ» сущего. Особенно рельефно это выявлено в поэтическом тексте «К стихам»:

*И я раздвинул жар березовый,
Как заповедал Даниил,
Благословил закал свой розовый,
И как пророк заговорил
(«К стихам»).*

Поэтика духовной лирики была усвоена А. Тарковским не напрямую, а через творчество представителей нескольких поколений поэтов, работавших в жанре духовной поэзии. Среди них имена А. Блока, Вяч. Иванова, Б. Пастернака, А. Ахматовой.

Особое место в лирике А. Тарковского занимают также апокалиптические христианские мотивы. Эсхатологические евангельские образы возникают в процессе лирико-философского осмысления темы Страшного суда. Это в свою очередь соотносится с идеей последней ступени «лестницы»:

*Он сходит по ступеням обветшалым
К небытию, во прах, на Страшный суд
(«Анжело Секи»).*

Божий суд воспринимается А. Тарковским не только как итог всего, но и как новое начало, «нулевой уровень», перспектива новой жизни (см., например, стихотворение «Лазурный луч»).

Анализируя контекст всех произведений А. Тарковского, так или иначе воплотивших мотив Страшного суда, мы приходим к выводу о многоплановости трактовки этого образа. В нем заключен целый ряд значений – от библейского эсхатологического до индивидуально-авторского символического, который не отменяет, но преобразует традиционный план. Если в первом случае все канонично, ортодоксально – наступление конца света и последующий за ним Божий суд, то в символическом аспекте возможен ряд трактовок. «Исходя из философской позиции лирического субъекта, можно остановиться на следующей: образ Страшного суда – символ надвигающейся старости, итога жизни, времени переосмысления и воспоминаний о прошлом», – отмечает исследовательница лирики А. Тарковского И. Г. Павловская [5, с. 18].

Основной смысл произведений на эту тему рождается из взаимодействия разных толкований. Можно даже утверждать, что заимствованный из библейского контекста мотив конца света привносит в поэзии А. Тарковского особый оттенок в психологический мир лирического субъекта.

Итак, обращение к библейским сюжетам и образам, отсылки к Библии в целом связаны у А. Тарковского с пониманием смысла жизни

и человеческого существования в христианском контексте. Однако расхождение с библейской традицией состоит в построении лирическим субъектом авторской синкретичной модели из неоднородных библейских книг: «Бытие», «Вторая книга Царств», «Плач Иеремии», «Псалтырь», Евангелия, «Откровения Иоанна Богослова» и др. Библейские аллюзии и реминисценции расширяют художественный мир лирики А. Тарковского до предельного культурного контекста и при этом позволяют поэту по своему интонировать извечные духовные истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столяров О. О. Религиозные мотивы в поэзии Арсения Тарковского // Библейская символика в творчестве Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Тарковского : Дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Олег Олегович Столяров. – М., 2006. – С. 87–134.
2. Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата : Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н. э. // От берегов Босфора до берегов Евфрата / Сергей Сергеевич Аверинцев. – М. : Наука, 1987. – С. 5–52.
3. Резниченко Н. «Словарь Царя Давида» : словари и имена в поэзии Арсения Тарковского / Наум Резниченко // Вопросы литературы. – 2012. – № 4. – С. 64–80.
4. Флоренский П. А. Имена / Павел Александрович Флоренский // Опыты : Литературно-философский ежегодник. – М. : Советский писатель, 1990. – С. 351–412.
5. Павловская И. Г. Образы пространства и времени в поэзии Арсения Тарковского : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Ирина Григорьевна Павловская. – Волгоград, 2007. – 22 с.

З. С. Ваганова

(научн. рук. – доктор филол. наук, доц. И. А. Герасименко)

ЭТИКЕТНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА А. П. ЧЕХОВА

Языковая культура переписки в последнее время является предметом пристального внимания исследователей-лингвистов. Письма известных деятелей литературы, науки, общественных и исторических деятелей, представляющих собой форму вербального общения, интересны в познавательном плане, так как отражают многие стороны жизни, эпохи, а также дают возможность получить объективные сведения как о самом адресате, так и о тех, кому предназначались письма. Сохранившиеся письма могут также давать сведения об эпистолярной культуре в целом и об индивидуальном стиле переписки конкретного автора.

Глубокая индивидуальная сущность каждого автора проявляется, безусловно, во всем содержании и словесном оформлении любого письма, но общую тональность обычно задают начало письма и концовка, так называемая «эпистолярная рамка», использование в тексте писем специальных лингвистических средств, к которым относятся этикетные слова и формулы.

Любой акт общения с собеседником в устной обстановке или в письменной речи начинается со слов приветствия. В русском языке существует целый ряд слов и речевых этикетных формул. Наиболее распространенное, основное приветствие *здравствуйте*, которое восходит к старославянскому глаголу *здравствовать*, что означает «быть здоровым», т.е. здоровым. Глагол *здравствовать* в давние времена имел и значение «приветствовать» (ср. здороваться). Следовательно, в основе этого приветствия содержится пожелание здоровья. Впервые приветствие *здравствуй* встречается в «Письмах и бумагах Петра Великого». Например, А.П.Чехов писал: *Ещё раз здравствуйте, Ваше высокоблагородие!* [2, с. 522]; *Здравствуйте,*

голубчик мой [2, с. 480]; *Здравствуйтесь, милый Жан* [2, с. 469]; *Здравствуйтесь, дорогая Мама!* [2, с. 464].

Существует немалое количество примеров употребления слова *здравствуйтесь*, а реже встречаются варианты употребления этого слова без обращений. Например: *Здравствуйтесь!* [2, с. 462]; *Наконец, здравствуйтесь!* [2, с. 437].

В большей части эпистолярных текстов А. П. Чехова отсутствует слово-приветствие. Например: *Пишу Вам, милый капитан с берегов Черного моря* [2, с. 232]; *Благодарю Вас, уважаемый Яков Петрович, и за письмо, и за стихотворения «У двери»* [2, с. 194]; *Вчера, добрейший Николай Александрович, ездил я в почтовое отделение в Ивановку (23 версты) и получил там 2 Ваших письма: одно, адресованное Вами в Крестную, другое, пересланное мне из Таганрога* [2, с. 136].

А. П. Чехов проявлял такт и вежливое отношение к любому собеседнику-адресату, в корректной форме высказывая те или иные мысли. Например: *пишите же поскорей субботник, не ленитесь и не будьте похожи на того обывателя, который каждое утро, прежде чем решиться надеть сапоги, долгое время крякает, охает и почесывает поясницу* [2, с. 402].

Отдельно следует выделить группы слов речевого этикетного характера, выражающие советы и предложения. Например: *насчет согласия или несогласия ответьте мне, но слова не давайте, ибо к осени Ваши планы могут измениться, я рекомендую ответить уклончиво* [2, с. 404]; *Позвольте зачеркнуть тринадцатую ласточку, дорогой Модест Ильич: несчастливое число* [2, с. 404]; выражение надежды: *Душевно радуюсь, что мы расстаемся задушевыми друзьями и братьями, а посему осмелюсь надеяться и верю, что 1200 верст еще долго будут находиться между двумя переписующимися братьями, которые хорошо узнали друг друга...* [2, с. 5]; чувства благодарности: *Тысячу раз уж я успел мысленно поблагодарить за Ваше первое письмо, бывшее ответом на мою просьбу,*

а ныне присовокупляю другую тысячу ради Вашего нового письма [2, с. 19]; уверенность в своей правоте: Я уверен, что я редко буду пользоваться этим правом, но сознание, что у меня есть оно, избавит меня от толчков под руку [2, с. 10]; обращение с просьбой: Коли увидите А.Д. Бродского, то поклон ему. Он очень порядочный малый [2, с. 21]; выражение чувства вины: Не сердитесь. Когда буду свободен, буду самым усерднейшим из Ваших сотрудников. И в голове у меня нет теперь как-то иначе: совсем нет юмористического лада! Прошу извинения и кланяюсь Ваш покорный слуга А. Чехов [2, с. 37].

Для писем А. П. Чехова свойственны этикетные формулы прощания. Это, как правило, итоговые стереотипные фразы, заканчивающие письмо и предшествующие прощанию. К таким высказываниям относятся фразы информативного характера, фразы-извинения. Ср.: *В Полтавскую губ. поеду в августе. К 15-му постараюсь быть в Феодосии. Ну, будьте здоровы, счастливы и покойны. Поклон всем Вашим [2, с. 227]; Ничего не делаю. От нечего не делать написал водевиль «Медведь». Прощайте, будьте здоровы. Простите за критику [2, с. 166]; Я отдыхаю. Завтра побегу к Островскому. Кланяйтесь Вашей семье и Щеглову [2, с. 278].*

В завершающем сегменте писем содержатся прощания, представленные в виде пожелания здоровья, счастья и благополучия. Некоторые выражения включают обращение к небесным силам. Например, *Ну будьте здоровы. Да хранят Вас ангелы небесные [2, с. 507]; Будьте здоровы и небом хранимы [2, с. 492]; Будьте здоровы и богом хранимы. Не забывайте меня [2, с. 482]; Будьте здоровы и небесами хранимы [2, с. 402].*

В прощальной части письма А. П. Чехов использует также сочетания *Шлют Вам поклон; шлёт Вам поклоны; почтение Вашему семейству* и под.: *Все наши здравствуют и шлют Вам поклон. Приезжайте на рождество, а пока будьте здоровы и не забывайте [2, с. 158]; адресованное Н. М. Ежову: Поклон Прасковье Никифоровне и святому*

Федору. Моя семья всякий раз шлет Вам поклоны, но я простите, забываю писать об этом [2, с. 159]; адресованное Н.А. Лейкину; А.Н. Плещееву: Я надоел Вам своими письмами. До свиданья! Почтение всему Вашему семейству [2, с. 183]; Ал. П. Чехову: Будь здоров. Анне Ивановне поклон, а детей пори [2, с. 191].

В завершающем сегменте автор прибегает к традиционным фразам прощания. Например, к Д. В. Григоровичу: *До свиданья! Будьте здоровы, веселы и счастливы [2, с. 184]; к А.Н. Плещееву: Будьте здоровы и счастливы [2, с. 177]; к И.Л. Леонтьеву-Щеглову: Прощайте, Альба. Дай бог Вам здоровья! [2, с. 176]; к Я. П. Полонскому: Будьте здоровы, счастливы и верьте в искреннее уважение и любовь преданного Вам А. Чехова [2, с. 173].*

Наиболее частотными выступают краткие выражения прощания. Среди них: *Пишите [2, с. 216]; Прощайте [2, с. 205]; До свиданья [2, с. 198]; Прощайте. Пишите [2, с. 182].*

Также частотными в письмах А. П. Чехова выступают выражения, содержащие просьбу писать ответные письма. При этом можно отметить, что употребление этих языковых единиц возрастает в период пребывания А. П. Чехова в Мелихово, когда ему особенно не хватало общения. Это выражения обращены к А. С. Суворину *Жду с нетерпением письма от Вас. Пишите, пожалуйста. Я сократил Монте-Кристо. Что мне с ним делать? [2, с. 573]; У меня часто бывает и подолгу сидит поп, прекрасный парень, вдовец, имеющий незаконных детей. Пишите же, а то беда [2, с. 571]; Пишите мне возможно чаще ввиду моего исключительного положения. Настроение мое теперь не может быть хорошим, а Ваши письма отрывают меня от холерных интересов и ненадолго уносят в иной мир [2, с. 567]; Напишите мне что-нибудь веселенькое. Жажду Вас видеть. Будьте здоровы [2, с. 581].*

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : В 30 тт. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1981.
2. Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 тт. / А. П. Чехов. – Т. 11. Письма. – М. : Худ лит., 1963. – 567 с.

В. В. Володина

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. Е. Касьяненко)

ГЕНДЕРНИЙ КОМПОНЕНТ В ПОЕЗІЇ ЛІНИ КОСТЕНКО

Гендерні дослідження в мовознавстві з'явилися нещодавно, у 70–80-і роки минулого століття. Основоположною роботою цього напрямку стало дослідження Р. Лакофф, в якому автор вказувала на антропоцентричний порядок мови і певну збитковість образу жінки в мовній картині світу [5, с. 11]. На сьогоднішній день можемо говорити про становлення гендерної лінгвістики. Її методологічне і теоретичне підґрунтя формується в працях А. П. Мартинюк, Р. К. Потапової, В. В. Потапова, А. В. Кіріліної, І. І. Халєєвой та ін. Дослідження дискурсивних практик чоловіків і жінок дає уявлення про гендерні мовні стереотипи і стереотипи мовленнєвої поведінки. Спостерігається зростання інтересу до гендеру і в російській лінгвістиці. Стійка увага до лінгвістично зорієнтованої гендерної проблематики виникає також в Україні – достатньо назвати праці Ф. С. Бацевича [1], М. В. Холода, О. І. Горошко, автора психолінгвістичних досліджень з проблем гендерно маркованої мовної свідомості російськомовного населення України [2]. Питання гендерної диференціації у мові та мовленні всебічно вивчають Г. Відмарк, Г. Крейдлін, Б. Нікольсон, В. Штадлер, Я. Пузиренко, О. Петренко, Л. Ставицька. На сьогодні гендерні дослідження є одними із самих значущих явищ сучасної лінгвістики.

У дослідницькій літературі використовуються два терміни, які позначають стать людини – «біологічна стать» та «соціальна стать». Біологічна стать взагалі пояснюється як сукупність контрастуючих генеративних ознак представників одного виду, а соціальна – отримала назву **гендер**. Багато науковців займалися проблемою дефініції гендера, і, проаналізувавши погляди сучасних дослідників на поняття «гендер», спробуємо сформулювати загальне визначення цього лінгвістичного концепту. Отже, **гендер** – соціолінгвістична категорія (англ. *gender*, насамперед, «граматичний рід»), яка, на відміну від біологічної статі, виступає набором соціорольових самовизначень, які можуть співпадати із суто біологічними статево-рольовими стереотипами або суперечити їм [7, с. 231]. Інакше кажучи, цей термін підкреслює соціокультурні чинники міжстатевих розмежувань.

Один з напрямів гендерної лінгвістики ставить за мету з'ясування того, як маніфестується у мові наявність людей різної статі. Лексичні переваги та деякі інші особливості уживання мови в залежності від статі того, хто говорить, мають умовну назву чоловічої і жіночої мови. Частіше розбіжності виявляються в лексиці, але можуть поширюватися і на інші явища. Варто зазначити, що одним з піонерських досліджень у вітчизняній лінгвістиці в цій галузі була робота Т. Б. Крючкової [4], що експериментально вивчала особливості чоловічої і жіночої письмової мови.

Говорячи про гендерні відмінності у мові та мовленні, варто враховувати й той фактор, що індивідуальні мовні картини людей відрізняються одна від одної залежно від оточення. Тобто тут варто звертати увагу на національні та соціальні особливості. Гендерні ознаки мовної картини світу – це сутнісні вияви пізнання світу крізь призму чоловічої і жіночої оптики бачення, які інтегрують універсальні і національно-специфічні ознаки, виявляють особливості номінативної і комунікативної діяльності обох статей, а також визначені статтю

особливості мовної діяльності і мовної поведінки. Дослідження чоловічих і жіночих особливостей мовленнєвої діяльності в гендерній мовній картині світу дозволяє твердити, що між чоловічою і жіночою мовою, як письмовою, так і усною, існують певні відмінності.

За мету цього повідомлення обрано спробу виявити ознаки жіночого мовлення в поезіях Л. Костенко. Дослідники вважають, що існує комплекс поверхових та глибинних ознак чоловічого та жіночого мовлення. До поверхових ознак причисляють проблемно-тематичну специфіку мовлення – опис тих фрагментів дійсності, де традиційно головує жінка: материнство, домашнє господарство, проблеми моди тощо. Глибинними ж ознаками вважають наявність у тексті таких характеристик, які виражають психолінгвістичні навички жіночого мовлення.

Зазначена спроба ускладнюється ще й тим, що об'єктом аналізу є лірика як рід літератури, яка відрізняється від епосу та драми. Відомо, що в основі лірики полягає суб'єктивне переживання, а отже, лірика *виражає*, а не зображує, вона відтворює людську свідомість та підсвідомість. Поезія в цьому плані охоплює внутрішній світ людини у сфері переживань, емоцій, почуттів і розкриває їх більш глибоко, ніж проза.

Розглянемо конкретно вияви «жіночості» в поезіях Ліни Костенко, поетеси обдарованої, чия творчість характеризується розмаїттям тематики та витонченим її словесним втіленням. Так, однією з провідних ознак жіночого мовлення дослідники називають **використання демінутивів** для передачі багатогранних відносин зі світом [6, с. 9]. Як правило, такі форми мають переважно відтінки позитивної оцінки, пестливості, що відбиває безпосередньо особистість жінки – її ніжність, дбайливість, співчуття до оточуючих. От деякі з багатьох прикладів: *Любіть **травинку** і **тваринку*** [3, с. 390]; *І дві **вербички** стали на сторожі, / щоб ту могилу час не зарівняв; Сині **пальчики** – мерзне **житечко**. / Нема решета – дайте **ситечко*** [3, с. 333]; *Про те, як вітер **гілочку** колише*. Справжній біль

і передчуття прийдешньої війни прозирає саме завдяки пестливим формам у таких рядках: *На конвертики літо клеїть віконця, як марки. / Непогашені марки – біда ще не ставила штамп* [3, с. 351].

Ще однією ознакою жіночого мовлення є **використання «музичних» тропів**. Відомо з психології, що жінки чують музику краще за чоловіків. Музична обдарованість, поряд із певними здібностями або талантом, обов'язково містить творчу та індивідуально-особистісну складову. Це накладає відбиток і на поетичній творчості. Музична лексика в ліриці Ліни Костенко має смислове і психологічне навантаження. Поетеса використовує поняття музичної теорії, назви як музичних інструментів, так і музичних жанрів, співочих голосів. Музичний початок в ліриці Костенко пронизує весь художній поетичний простір, дозволяючи описати світ за допомогою універсальних музичних образів-символів і мотивів.

Поетеса активно, невимушено і майстерно використовує музичні терміни і образи в своїй творчості, що дозволяє їй чути музику слів, почуттів і життя. Про це говорять, в першу чергу, назви її віршів: *Останній концерт Ойстраха у Києві* [3, с. 180], *Азовська баркарола* [3, с. 343], *Музики, Біла симфонія, Калинова сопілка, Маркова скрипка* [3, с. 222], *Концерт Ліста, Пісенька з варіаціями* [3, с. 242], *Пелюстки старовинного романсу* та ін.

Поетеса включає музичні терміни в незвичний для них образний і емоційний контекст, створюючи яскраві і незабутні поетичні образи. Ось деякі з багатьох прикладів: *Зелені очі орхідей, / І хтось на скрипці грає* [3, с. 73]; *Відмикаю світанок скрипковим ключем, / Чорна ніч інкрустована ніжністю* [3, с. 80]; *...там що не впало – проросло, / шляхи – як рокіт на бандурі...* [3, с. 100]; *Вітри гули віолончеллю, писали пальми акварель* [3, с. 111]; *Сумної зірки око золоте, / і електричка скрикнула контральто* [3, с. 37].

О. В. Пермякова однією з ознак «жіночої» мови називає **використання окличних речень та вигуків** [6, с. 9]. У мовній картині

світу віддзеркалений емоційний світ людини, що проявляється в розмаїтті арсеналів мовних засобів, покликаних позначати й виражати емоції. На синтаксичному рівні емотивну функцію мови реалізують окличні речення. Окличні речення в поезії Ліни Костенко різноманітні за своєю структурою та емоційно-експресивним забарвленням. Наприклад: *Моя душа відкрилась, як Сезам... / Які у тебе руки обережні, / які слова ласкаві, як бальзам!* [3, с. 22]; *Підкажи найлагідніше слово, / я його слухняно повторю. / Розгуляйся буйно і раптово, / заглуши усе, що говорю!* [3, с. 20]; *Крути шарманку, пожалій нас трохи. / У нас ще є і зорі он, і клен. / Великі вуха нашої епохи / нехай хоч мить побудуть без антен!* [3, с. 194].

Вигуки, що також обслуговують сфери емоцій, можуть як виконувати спеціалізовані (однозначні) семантичні функції, так і виражати широкий діапазон емоційних значень і відтінків, залежно від їхнього текстового оточення й інтонації. Наприклад: *О, як натхненно вміє він не грати!* [3, с. 214]; *О, заспівайте дівчині романс!*; *О, не взискуй гірко меду слави!* [3, с. 387]; *О, як ти йшла в таку негоду, здалеку, / Така одна-однісінька вночі!* [3, с. 394]; *Ох, лицарю, не зв'язуйся з отарою – / Вона тебе затопче в тилюгу!*

«Жіночу» поезію характеризує і підвищена експресивність, схильність до активного вживання синтаксичних фігур, зокрема **наявність анафора та лексичних повторів**. Наскрізне використання Ліною Костенко різних видів повторів вже свідчить про те, що її вірші надзвичайно емоційні. Це сприяє увиразненню мови, посилює її експресію та виражально-зображальні можливості. Найчастіше поетеса використовує анафору, що утворюється повторенням того самого слова або словосполучення на початку окремих відрізків мовлення (строф, абзаців, речень і т. д.). Наприклад: ***Ця** казка днів – вона була недовгою. / **Цей** світлий сон – пішов без вороття. / **Це** тихе сяйво над моєю долею! – / воно лишилось на усе життя* [3, с. 28]; ***За** ті передані привіти? / **За** тихий погляд, що п'янить? / **Нехай** це сонечко посвітить. / **Нехай** ця туга продзвенить* [3, с. 27]; ***Чи***

ти мій сон, чи ти моя уява, / Чи проста чорна магія чола... / Яка між нами райдуга стояла! / Яка між нами прірва пролягла! [3, с. 11].

Яскравим засобом значеннєвого посилення, підкреслення емоцій, акцентування уваги на певній частині висловлювання є повтор лексичних елементів. Наприклад: *Життя соталось, соталось / гіркими нитками іронії* [3, с. 23]; *Кажу слова легкі й порожні – / кажу їх знов – кажу їх знов!* [3, с. 25]; *Я не покличу щастя не моє. / Луна луни туди не долітає* [3, с. 29]; *І минають роки. / Роки за роками...* [3, с. 16]; *Несказане лишилось несказаним* [3, с. 8].

Отже, проаналізований матеріал дає можливість зробити деякі попередні висновки, зокрема стверджувати, що поезії Л. Костенко багаті, перш за все, лінгвістичними засобами, які демонструють жіночу сутність поетеси, демонструють ту загостерність і витонченість сприйняття навколишнього світу, яка властива саме жінкам.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К. : Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.
2. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е. И. Горошко. – Харьков : ИЯ РАН – Издательский Дом «ИНЖЭК», 2003. – 440 с.
3. Костенко Л. Триста поезій. Вибрані вірші / Ліна Костенко. – К. : А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2014. – 416 с.
4. Крючкова Т. Б. Некоторые экспериментальные исследования особенностей использования русского языка мужчиной и женщиной / Т. Б. Крючкова // Проблемы психолінгвістики. – М., 1975. – С. 186–200.
5. Лакофф Р. Язык и место женщины / Робин Лакофф // Введение в гендерные исследования / Под ред. С. В. Жеребкина. – Харьков : ХЦГИ, 2001. – 708 с.

6. Пермякова О. В. Явление гендерной стилизации в современной женской литературе (на материале французского и русского языков) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 / О. В. Пермякова. – Пермь, 2007. – 19 с.
7. Тихоновська Г. С. Визначення поняття «гендер» та гендерні дослідження у сучасній лінгвістиці / Г. С. Тихоновська // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2012. – Вип. 66. – С. 231–234.

О. Г. Герман

(*научн. рук. — канд. филол. наук, доцент Т. А. Дьякова*)

ДИАЛОГИЗМ КАК ПРИНЦИП РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

К проблеме речевой культуры педагога в современном социуме всегда возникал особый интерес. Изменение социально-экономической ситуации и общественной идеологии потребовало пересмотра привычных форм общения между педагогом и обучаемым.

Эффективность речевого общения педагога зависит от владения им конкретными речевыми жанрами, принципами. Проблему соотношения обучения и воспитания обсуждал В. В. Зеньковский, он определил её следующим тезисом: «не воспитывающее обучение, а обучающее воспитание должно быть целью школы» [3, с. 15]. Такая трактовка понятия образования предполагает, в первую очередь, передачу действительно ценного знания нравственно приемлемыми способами, а достижение его целей невозможно без реализации в речевой культуре педагога *принципа диалогизма*.

Особый интерес в профессионально-педагогической деятельности вызывает изучение речевой культуры педагога, для которой характерно установление позитивной и негативной коннотации общения между педагогом и обучаемым, ведь именно общение является основой профессионального мастерства педагога. Это и обусловило актуальность исследования.

Усиление внимания к проблемам педагогического общения положило начало исследованиям в области речевой культуры педагога, но специального изучения процесса формирования речевой культуры на основе принципа диалогизма будущего педагога в образовательном процессе вуза до сих пор не проводилось.

Объект исследования – диалогизм как принцип формирования речевой культуры педагога, предмет – педагогические условия формирования принципа диалогизма. В то время как **цель исследования** – проанализировать диалогизм как принцип речевой культуры педагога.

В соответствии с целью и предметом исследования **задачами** являются: 1) на основе изучения методологических, теоретических и прикладных основ процесса формирования речевой культуры будущего педагога уточнить содержание понятия «речевая культура педагога», «диалог», «диалогизм»; 2) определить проблему принципа диалогизма; 3) проверить модель формирования принципа диалогизма будущего педагога; 4) определить правила, которые будут способствовать формированию диалогизма, как принципа речевой культуры будущего педагога в образовательном процессе вуза.

Теоретико-методологической основой исследования явились классические идеи педагогического мастерства Л. М. Лузиной, М. М. Бахтина, В. В. Зеньковского, Е. Н. Ильина, О. А. Кравцова.

Анализ диалогизма, как одного из важнейших принципов проблемы речевой культуры педагога требует теоретико-методологического осмысления понятий «речевая культура», «культура речи», «диалог». Различные аспекты содержания этих понятий рассмотрены в трудах М. М. Безруких, Т. С. Бочкаревой, Е. В. Бондаревской, Ф. Н. Гоноболина, Г. Ф. Карпова, А. Н. Ксенофонтовой, Н. В. Кузьминой, Ф. Н. Петрова, Н. Г. Пешковой, А. И. Щербакова и др.

Так, А. Н. Ксенофонтова указывает на тот факт, что термин *культура речи* многообразен. Рассматривая его значения, исследовательница

считает, что культура речи – это совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих автору речи незатруднительное построение речевых высказываний для оптимального решения задач общения. Это значение принято называть субъективным, поскольку оно отражает состояние культуры языковой личности (субъекта речи), его рече-языковой способности и личностные свойства» [6, с. 158].

Исследователь психологии общения Т. С. Бочкарева трактует речевую культуру как «совокупность таких качеств речи, которые оказывают наилучшее воздействие на адресата с учетом конкретной обстановки и в соответствии с поставленной задачей». Основными качествами речи, совершенствование которых необходимо при развитии речевой культуры, она называет точность речи, ясность изложения мысли, содержательность, логичность речевого высказывания, систему изложения, выразительность, богатство словарного запаса, эмоциональность, образность, правильность [2].

Обращая постоянное внимание на речевую культуру, выдающийся советский педагог-новатор, писатель В. А. Сухомлинский утверждал: «Есть одна сторона педагогической культуры, о которой нельзя говорить без тревоги, – это речевая культура учителя культура речи учителя в решающей степени определяется эффективностью умственного труда учеников на уроке. Высокая культура речи – важное условие рационального использования времени» [9, с. 45].

М. М. Бахтин рассматривает диалог не как средство формирования личности, а как само её бытие, поскольку «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается человек в человеке» как для других, так и для себя [1, с. 336].

Диалог предполагает активный двухсторонний процесс познавательной деятельности обучающихся и обучаемых и по своей сущности наиболее адекватно отражает динамику активного обучения. В свою очередь, отдельные методы активного обучения имеют диалоговую форму,

например, индивидуальное собеседование и др. В их основе лежит диалог в многообразных его выражениях. Одно дело, диалог на уровне обсуждения обычных, повседневных явлений, другое – диалог на уровне научно-теоретического собеседования. Однако во всех случаях диалог создает новую педагогическую сферу в системе обучения, которая не приемлет назидания, указания, господства и подчинения, административного произвола со стороны обучающихся [8, с. 69].

В педагогическом процессе *диалог* – это специфическая социокультурная среда, создающая благоприятные условия для принятия личностью нового опыта, ревизии прежних смыслов. Диалог отличается от широко распространённого вопросно-ответного метода обучения, поскольку никогда не сводится только к усвоению предмета. Он всегда надпредметен, расширяет границы познаваемого за счёт обмена не только информацией, но и оценками, смыслами, гипотезами-откровениями. Готовность к диалогу – один из универсальных показателей сформированности индивида, как личности. Эта готовность включает в себя направленность на поиск смысла изучаемых ценностей, возможность субъективно воспринимать материал, определять «границы иных мнений» [4, с. 67].

Диалогизм – это один из принципов обучения и воспитания, который обусловлен необходимостью связи с процессами демократизации учебных заведений. Диалогическое общение предполагает внимательное отношение к собеседнику, к его вопросам. Умело организованный диалог позволяет преподавателю решать многообразные педагогические задачи: устанавливать взаимопонимание, выявлять различные подходы в трактовке обсуждаемых проблем, создавать ситуации свободного выбора личностной позиции, на основе обратной связи своевременно вносить коррективы в свои действия.

Согласно исследованиям Л. М. Лузиной, проблема диалогизма предстаёт в следующих аспектах: во-первых, как большой диалог образов культуры, воплощённых в её великих творениях; во-вторых, как проблема общения

людей, общение в такой форме, когда голос каждого человека является насущным для всех; в-третьих, как проблема диалогического мышления. Это – диалог с собой, внутренний диалог, диалог философский [7, с. 94–95].

Диалогическое взаимодействие есть взаимодействие свободных субъектов, свободных от «мнимых авторитетов» самой разной природы, но не свободных друг от друга. Пространство свободы каждого из субъектов строго ограничено пространством свободы другого [7, с. 108].

К сожалению, не в каждом диалоге происходит периодическая смена ролей слушающего и говорящего. В своем большинстве современные педагоги ориентированы на демократический стиль общения с обучаемыми. Однако в повседневной практике равнопартнерство обучающего с обучаемыми нередко оказывается декларативным.

Формирование принципа сочетания диалогизма обусловлено выполнением следующих требований: 1) педагогический процесс ориентирован на развитие социальной ответственности; 2) способность к самостоятельному акту выбора; 3) поддержка в осознании воспитанниками жизненных целей, оценке реальных возможностей по их реализации; 4) формирование лично-значимой позиции по отношению к собственной семье, близким друзьям, коллегам по учёбе, педагогам.

Требования по реализации принципа сочетания диалогизма требуют выполнения следующих условий: 1) совместное обсуждение и определение с учащимся его собственных интересов и целей; 2) выбор одного из вариантов как цели и образа предстоящей деятельности; 3) обсуждение условий, при которых предстоит осуществить выбранный вариант; 4) обсуждение и планирование необходимых действий реализации задуманного.

Основными правилами для выполнения условий принципа диалогизма являются: 1) недопустимость бесцеремонного вторжения в личную жизнь учащегося без его явного согласия; 2) сохранение за обучающимся

права на личную жизнь; 3) защита информации, полученной в приватной беседе, от третьих лиц; 4) безусловная лояльность к воспитаннику.

Выполнение указанных выше условий и правил будет способствовать развитию созидательной активности у педагога и учащегося. Кроме того, формирование принципа диалогизма позволит обнаружить свой способ жизни, свою индивидуальность и индивидуальность окружающих, а также повысит эффективность образовательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бончаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бочкарева Т. С. Развитие речевой культуры студентов / Т. С. Бочкарева // Вестник ОГУ. – 2001. – № 2. – С. 58–62.
3. Зеньковский В. В. Воспитательная проблема в школе / В. В. Зеньковский // Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей. – Прага. – 1925. – Кн. 9. – С. 15–18.
4. Ильин Е. Н. Рождение урока / Е. Н. Ильин. – М. : Педагогика, 1986. – 173 с.
5. Кравцов А. О. Диалогизм как базовый принцип философии воспитания XXI века / А. О. Кравцов // Философия образования : сб. матер. конф. Серия «Symposium». – Вып. 23. – 2002. – С. 358–364.
6. Ксенофонтова А. Н. Речевая деятельность, речевая культура и культура речи. К определению понятий / А. Н. Ксенофонтова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 12. – № 3(3). – 2010. – С. 633–637.
7. Лузина Л. М. Теория воспитания: философско-антропологический подход / Л. М. Лузина. – Псков : Невельская типография изд-ва, 2000. – 218 с.

8. Кузнецов И. Н. Настольная книга практикующего педагога [Электронный ресурс] / И. Н. Кузнецов. – Режим доступа : <https://fs.to/texts/other/iM7zHAaRZAuS24NLxxBYxa-nastolnaya-kniga-praktikujushhego-pedagoga.html>.
9. Сухомлинский В. А. Разговор с молодым директором школы. 2-е изд. / В. А. Сухомлинский. – М. : Просвещение, 1982. – 172 с.
10. Якушева С.Д. Основы педагогического мастерства: учебник, 4-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2011. – 256 с.

Г. И. Гетманская, Л. Ф. Родионова

**ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННЫХ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ
СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ОСНОВЕ
ЗДОРОВЬЕОРИЕНТИРОВАННОЙ ТЕКСТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)**

Только в форме текстов и текстовой деятельности язык является средством общения между людьми. Высшей характеристикой коммуникативно ориентированного обучения является использование текстов по специальности в качестве дидактической единицы и опыт составления заданий на их основе, в т.ч. и творческих.

Текст включает в себя бесконечное множество микротекстов, его замысел конкретизируется, расчленяется установками входящих в него микротекстов.

Сцепление различных по тематике текстовых блоков в рамках единого целого определяется соотношением их установок к общему замыслу текста.

Таким образом, **текст** – это объект очень сложной природы, в нём переплетаются различные аспекты: индивидуальный и социальный, статический и динамический, детерминированный и вероятностный, неявный и определённо выраженный (т.е. имплицитный и эксплицитный).

При рассмотрении текста как процесса деятельности на первый план выступает его динамический характер.

Для того, чтобы реализовать современные требования к формированию речевых умений студентов инженерных специальностей на основе теоретических обобщений, целесообразно:

1. Познакомить студентов с лингвистической трактовкой основных понятий по речеведению (текст, тип речи и стиль; связность, членимость, цельность).

2. Обучать студентов на практике трём видам лингвистического анализа текста: а) содержательно-композиционному; б) типологическому; в) стилистическому.

Полный анализ текста в практике обучения представляет собой их сочетание и проводится по следующей схеме:

Определение текста. Текст (лат. *textus* – *ткань, связь, соединение*) – это несколько предложений или абзацев, связанных в целое темой и основной мыслью. Он может состоять из одного абзаца, а может быть статьёй, книгой.

Признаки текста: 1) не менее двух предложений, в которых отражено развитие мысли (мыслей); 2) наличие темы (можно задать вопрос: *о чём /о ком говорится в тексте?*); 3) наличие основной мысли (можно задать вопросы: *что хотел сказать автор? чему учит текст?*); 4) наличие ключевых (опорных) слов; 5) возможность озаглавить текст; 6) наличие лексической, грамматической, смысловой связи между предложениями, абзацами текста.

Обращаем внимание студентов на разные способы изложения информации автором: *повествование, описание, рассуждение и диалог*. По утверждению Н. С. Валгиной, «они стали предметом исследовательского внимания, в настоящее время нуждаются в дальнейшем изучении».

3. Научить студентов применять речеведческие понятия при построении пересказа текста. Пересказ формирует умение связно, последовательно и точно излагать текст и показывает, насколько глубоко студенты поняли его содержание. Современное развитие лингвистики

текста позволило использовать в практике систему обучения студентов технических специальностей связным высказываниям с опорой на речеведческие понятия.

Развитие у студентов технических специальностей способностей профессионального общения на русском языке – одна из основных целей обучения. Профиль факультета, преодоление интерферентного влияния родного (*молдавского, украинского, болгарского, гагаузского*) и др. языков, на которых говорят жители многонационального Приднестровья, определяют содержание учебного языкового материала на занятиях по официальному (русскому) языку. Если не учитывать значительное различие в грамматических системах русского и родного языков, межъязыковую интерференцию, выработка навыков профессиональной речи окажется невозможной [1].

На примере одного из текстов, используемых нами в практике преподавания, попытаемся показать пути и способы формирования осознанных речевых умений студентов инженерно-технических специальностей [2]. При подготовке занятия использованы материалы журналов «Смена», «Наука и жизнь».

Лексическая тема занятия: **Бояться ли телефона?**

I. Предтекстовые задания.

1. Составьте связный текст из данных ниже предложений. (*Это упражнение на развитие логического мышления будущих инженеров*).

1. Причём такие сигналы приходят не из какого-то одного места, а со всего мира, из различных научных центров, что лишь подтверждает непредвзятый взгляд учёных на проблему. 2. Несколько лет назад были получены первые научные сведения о влиянии излучения сотовых телефонов на здоровье человека. 3. Для беспокойства есть основания: излучение мобильных телефонов воздействует на генокод человека. 4. Они уверенно говорят нам: «Мобильник

опасен!» 5. Учёные из нескольких европейских стран сделали некоторые выводы из исследования, которое велось в течение полутора десятилетия.

2. Используя толковые словари, определите значение слов *радиация, кретин, нейрохирург, облучение, нейрон, грешить, insult, аллергия, болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона, стерилизация, неподвизтый.*

3. Подберите синонимы к словам *учёные, необратимый, ужас, повреждение, аналог, интенсивно, прельщать, жаловались, трепяты, мобилка, испытывала, предположения, опасный, хаос.* Составьте предложения.

4. Подберите антонимы к словам *повышенная, сокращается, сконцентрировать (внимание), симпатичные, с ужасом, позже, обойдем, снижалась, ухудшение.* Составьте словосочетания с этими словами. Найдите примеры контекстных антонимов.

II. Притекстовые задания.

- Прочитайте 1 абзац текста. Как вы думаете, о чём пойдёт речь?
- Прочитайте текст. Определите тему и основные мысли текста, укажите ключевые слова.

Шотландский учёный Уильямс Стюарт установил, что под влиянием излучения мобильных телефонов у дождевых червей меняется структура белка. А так как на земле вся жизнь белковая, то лично я не вижу принципиальной разницы между белком дождевого червя и человека.

Профессор Генри Лейю из Вашингтонского университета установил связь между микроволновым излучением и ухудшением пространственной памяти и способности к ориентации у крыс. Подопытные животные, подвергавшиеся облучению мобильными телефонами, находили дорогу в водном лабиринте значительно медленнее необлучённых собратьев.

Уж не поэтому ли среди людей учащаются случаи топографического кретинизма?

Летом 2003 года **шведский нейрохирург Лейф Сэлфорд и его коллеги** из университета Ланд заявили, что микроволновая радиация, излучаемая мобильниками формата GSM, приводит к необратимым изменениям в головном мозге крыс. В течение двух часов животные подвергались облучению мобильными телефонами. Спустя пятьдесят дней учёные исследовали под микроскопом их мозг и с ужасом обнаружили многочисленные повреждения сосудов и очаги отмерших нейронов. Чем выше уровень «мобильной» радиации, тем серьёзнее ущерб. «Не исключено, что на мозг человека мобильные телефоны оказывают точно такое же воздействие, ведь по своему строению он аналогичен мозгу крыс. Если наши предположения подтвердятся, сегодняшняя молодёжь, весьма интенсивно пользующаяся мобильными телефонами, столкнётся с болезнями Альцгеймера и Паркинсона уже в возрасте Христа», - мрачно комментирует профессор.

Нервные клетки головного мозга не восстанавливаются... А сколько мы на улицах видим людей, которые трепятся по мобильнику вообще не переставая? Особенно этим грешат симпатичные девушки... Человек, конечно, не крыса, и необратимые изменения в его организме должны начинаться позже, не через 100 часов разговора, а скажем, через 300, но это всё равно катастрофически малый промежуток времени. **В Московском Институте биофизики** проводился эксперимент, в ходе которого лягушки помещались в высокочастотное электромагнитное поле на 5-10 минут.

Даже при очень низкой интенсивности сигнала сердце у каждой второй жертвы эксперимента останавливалось, а у выживших снижалась частота его сокращений. Крысы и кролики переносили облучение намного лучше, но и у них в большинстве случаев отмечались изменения сердечной деятельности.

Венгерский учёный Имре Феджес из отдела акушерства и гинекологии Университета Сегеда, обследовав на протяжении 13 месяцев 221 мужчину, обнаружил, что излучение мобильного телефона

негативно сказывается на качестве спермы – число сперматозоидов сокращается на одну треть, оставшиеся же совершают хаотические движения. По мнению ученых, это снижает шансы на оплодотворение. Причём не обязательно много говорить по телефону, достаточно носить его на ремне или в кармане брюк... Как выяснилось, беспроводная связь фонит в 4 раза сильнее самого телефона.

Пров...дя опрос 11 тысяч... вл...дельцев сотовых телефонов учён...ые из Шведского нац...онального института труда и Норвежского упр...вления по защите от излучения обн...руж...ли побоч...ные эф...екты да(же) у людей пользующихся телефоном меньше двух минут в день – 84% опрошен...ых жаловались что при разг...воре по мобильнику у них нагр...вается кожа за ухом иногда дело доходит до ож...гов. Ч...сть испытуемых стр...дала провалами в памяти, г...л...вокружением г...ловной болью и повышен...ой ут...мляемостью. Добрая половина опрошен...ых испытывала с...нливость.

Треть абонентов затруднялась ск...нц...нтрировать вн...мание на каком (либо) предмете (во) время или сразу после разговора. (Не) стоит уд...влят...ся почему под...вляющее больш...нство пр...дст...вителей мол...дого поколения обд...лен...о чре...мерной быстротой ума.

Оказывает...ся что мобильник – ещё и перс...нальный источ...ник радиац...и. И что выходит (не)обр...тимые изм...нения мозга нарушение деят...льности с...рдеч...ной мышц... перспектива инсульта ал...ергические реакц...и Альцгеймер с Паркинсоном, возросший в разы риск заполучить рак да (в)добавок и сн...жение репродуктивной функц...и! Что это? Новый инстинкт (само)уничт...жения? Любовь к безоперац...он...ой стер...лизац...и? (Не) понятно.

Остаёт...ся пока выб...рать для себя – р...сковать или нет? Снимем мобилку с пояса, выключим ап...арат в метро, буд...м ст...рат...ся

*г...ворить как можно меньше пр...дупредим об этом соседей и зн...комых
обойдём все ретрансляторы минимум за кил...метр...*

Вот такая радиац...он...ая гигиена.

Кого пр...льщ...ет перспектива ум...реть м...лодым и кр...сивым?

(По К. Сорокину.)

III. Послетекстовые задания.

1. Укажите тип речи текста и стиль. Комментируйте свой ответ.
2. Объясните деление текста на абзацы. Укажите лексические, грамматические, смысловые средства связи между частями текста.
3. Составьте план, используя вопросительные предложения. Озаглавьте текст по-своему.

Поразмышляем над прочитанным:

- ❖ Под влиянием каких факторов у дождевых червей меняется структура белка? Кто и где доказал это?
- ❖ Какое открытие сделал профессор Генри Лейю из Вашингтонского университета?
- ❖ Расскажите об опытах, которые проводил шведский нейрохирург Лейф Сэлфорд и его коллеги с подопытными крысами. Какую цель преследовали учёные?
- ❖ К чему, по мнению специалистов, приводит микроволновая радиация, излучаемая мобильниками формата GSM? К какому выводу они пришли в результате своих экспериментов?
- ❖ Чем, по-вашему, грозит молодым людям весьма интенсивное использование ими мобильных телефонов? Подтвердите сказанное словами текста.
- ❖ Найдите в тексте информацию о научных экспериментах московских учёных. Почему, на ваш взгляд, крысы и кролики переносили электромагнитное облучение легче, чем лягушки?

❖ Чем, по мнению врачей, может обернуться мужская привычка носить мобильный телефон на ремне или в кармане брюк? Кто из учёных доказал эту опасность? Где носите свой мобильный телефон **вы**?

❖ Что показал опрос владельцев сотовых телефонов учёными Шведского национального института труда и Норвежского управления по защите от излучения? Почему учёные бьют тревогу?

❖ Что, по мнению автора, нужно делать, чтобы свести электромагнитное облучение к минимуму?

❖ Какова проблема текста?

❖ Определите авторскую позицию.

IV. Речевые задания.

Продолжите предложения:

1. Под влиянием излучения мобильных телефонов у дождевых червей... 2. Между микроволновым излучением и ухудшением пространственной памяти... 3. Подопытные крысы... 4. Среди людей учащаются ... 5. Шведский нейрохирург Лейф Сэлфорд... 6. В течение двух часов подопытные крысы... 7. Через пятьдесят дней учёные исследовали... 8. Если предположения учёных подтвердятся... 9. В ходе эксперимента лягушки помещались... 10. Крысы и кролики переносили облучение... 11. На протяжении 13 месяцев... 12. По мнению учёных, это снижает... 13. Человек, конечно, не крыса, и... 14. Проведя опрос 11 тысяч владельцев сотовых телефонов, учёные... .

V. Самостоятельная работа.

1. Составьте предложения так, чтобы словосочетания электромагнитное поле, беспроводная связь, научный центр, необратимые изменения, радиационная гигиена, репродуктивная функция употреблялись в форме родительного падежа.

2. Подберите лексические цепочки к словам учёные, меняется, находили, заявили, останавливалось, повреждения, владельцы, страдала, нагревается.

3. В тексте встретилось слово «сокращение» с приставкой со-.

Вспомните и напишите 7-10 слов с этой приставкой.

Например: *сотрудник, соученик* и т. д.

4. Вставьте в тексте пропущенные буквы, раскройте скобки, расставьте знаки препинания. Сгруппируйте орфограммы.

5. Выпишите из текста примеры слов с двухвариантными приставками.

Сформулируйте правило написания этих приставок.

VI. Речевые ситуации.

• Вас пригласили в школу на встречу с учащимися. Как будущие инженеры, расскажите ребятам:

✓ *о культуре пользования мобильным телефоном;*

✓ *поделитесь научными сведениями о влиянии излучения сотовых телефонов на здоровье человека.*

Вывод. Эта работа предполагает формирование у студентов технических специальностей умений и навыков анализировать исходный текст, делить его на смысловые части, соединять его элементы в одно целое, воспроизводить текст с точки зрения семантического и стилистического единства. Таким образом можно совершенствовать речевую практику будущих инженеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гетманская Г. И. Текст профессиональной направленности на занятиях по русскому языку как основа формирования коммуникативной культуры будущих инженеров (из опыта работы) / Г. И. Гетманская, Л. Ф. Родионова // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). — Макеевка : ДонНАСА, 2015. — С. 467–472.

2. Гетманская Г.И., Родионова Л.Ф. Практикум по русскому языку и культуре речи для студентов инженерно-технических специальностей / Г. И. Гетманская, Л. Ф. Родионова. – Тирасполь : Антропос, 2016. – 262 с.

Е. А. Головань

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. И. Иванова)

СЕМАНТИЗАЦИЯ ОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Лексические единицы при всём многообразии своих свойств нигде так не проявляют особых выразительных возможностей, как в художественном тексте. Только в художественном произведении может быть выражена особая функция слова – эстетическая, которая выступает в сложном взаимодействии с другими и является определяющим моментом организации сюжетного пространства и способствует созданию специфики языка художественного текста, состоящей не в наличии «поэтической» лексики, а в особой организации «самых различных языковых средств, предопределённой их особой функционально-коммуникативной направленностью» [7, с. 81]. Художественному произведению в большинстве случаев присуща полифункциональность. Носителями функции эстетической (а именно она является отличительной чертой любого художественного произведения) могут быть любые его элементы, но в силу абсолютной антропоцентричности содержания (которая определяется взаимодействием автора текста через систему действующих лиц с читателем) обозначения лиц-персонажей создают в авторской структуре особое семантическое поле. Обозначение или номинация «является единицей семантической организации текста в денотативном аспекте ... как связь между языковым и обозначаемым им внеязыковым объектом» [1, с. 6].

В тексте номинации персонажей собственными именами выполняют функции, выходящие за пределы категориального значения апеллятивных слов. Литературные антропонимы имеют особую художественную значимость в контексте, представляющем проявление словом дополнительного эмоционально-экспрессивного значения. Автор как направляющая сила художественной коммуникации, конечно, в первую очередь, определяет ценность каждого антропонима в предлагаемой целостной эстетической структуре.

Если в языке «закрепление за предметом имени почти всегда происходит по случайным свойствам объекта» [6, с. 61], то в художественном тексте собственные имена не могут не отражать задачи произведения. Собственные имена – уже не просто номинативно-индивидуализирующий знак. Антропонимы, наполняясь определённым содержанием, приобретают «фиксированную, целенаправленную семантизацию» [3, с. 78], становятся выразителем большого смыслового потенциала, связанного с определённым референтом. Эмоционально-экспрессивное значение, которое входит в общую семантику слова в качестве составной части, присуще и собственному имени. Именно этот коннотативный компонент значения, выступающий во вторичной для языковой единицы функции и дополняющий при употреблении в художественном тексте её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии, способствует адекватному восприятию сюжета сообразно авторскому замыслу. Так, хорошо известные онимы приобретают символическое значение в следующих отрывках: *Чёрная речка – Голгофа русских поэтов* (Н. Бурляев. Кто убил Лермонтова); *Где душа? Она кожей шагреновой / Уменьшается, гибнет, гниёт. / Песня? Песня, как Анна Каренина, приближения поезда ждёт* (В. Шаламов); *Черёмуха мимо прокралась как сон, и кто-то «Цусима!» сказал в телефон, скорее, скорее – кончается срок: «Варяг» и «Кореец» пошли на восток* (А. Ахматова).

Механизмы возникновения и реализации коннотативных сем структуры значения таких имён вызывает особый к ним интерес, символичность к ним очевидна. Е. С. Отин отмечал, что подобные имена «можно отнести к ономастическим универсалиям, присущим словарному составу большинства (а может быть, и всех) языков мира» [5, с. 32].

Развитие коннотации может осуществляться несколькими способами. Самые разнообразные коннотативные значения заложены прежде всего в самом имени собственном как лексико-грамматической единице, обладающей соответствующими свойствами и возможностями. В любом слове «изначально заключена возможность ассоциативного сближения с другими единицами языка, предрасположенность к такому сближению» [2, с. 45]. «Приращение смысла», возникающее у антропонима, создаёт дополнительные стилистические оттенки. В структуре коннотации литературного антропонима суггестивно-ассоциативный образный компонент выступает как основание оценочной квалификации и стилистической маркированности.

Ассоциативное значение поэтонимов наиболее ярко проявляется в онимах, обладающих прозрачной семантической структурой, которая позволяет объяснить мотив номинации. Например, собственные имена с ясным этимологическим (доантропонимическим) значением: *Разве мы не видим, что несмотря на все старания Гоголя, Собакевичи и Хлестаковы не только не уменьшились, но ещё больше расплодились после «Мёртвых душ» и «Ревизора»? И разве Россия не видела множества Смердяковых уже после того, «как Достоевский его повесил? Всё остаётся, как было»* (Л. Сараскина. Достоевский в созвучиях и притяжениях). Семантика некоторых собственных имён, под которой понимается «экстралингвистическое значение имени, включающее информацию, которую оно несёт, его специальные ономастические функции и стилистическую и эстетическую значимость» [4, с. 99], может поясняться и комментарием. Например: ... *А прозвание то есть ли какое? – Как же прозванью не быть? – тряхнув*

кудрями, молвил половой. – Мы ведь ярославцы – не чувашска лопатка какая-нибудь. У нас всяк человек с прозвищем век свой живёт. – Как же тебя прозывают? – **Полушкины** пишемся. – Ну вот прозвание-то у тебя не из хороших, тебе бы, братец ты мой, **Рублёвым** прозываться, а не **Полушкиным**. – Капиталов на то не хватает, – подхватил разбитной половой. – Удостоите хотя маленьким нашим капитальцем – **Червонцевым** бы стал прозываться, оно б и сходней было с настоящим нашим прованием. – Наших у тебя два прования-то? – А то как же-с? **Полушкины** пишемся, а **Червонцевы** прозываемся (П. Мельников-Печерский. На горах).

Фонетическое звучание онима также может создавать особое семантическое поле и вызывать определённые ассоциации. Как, например, в следующих случаях: ...*О чём мы говорили...?* Конечно, об этом городе, но как о городе-тексте и даже слове, которое он нам сообщает. Слово это, разумеется, «**Вильнюс**», и вместе с другими литовскими словами из-за их окончаний оно звучало для меня католической латынью, что, хоть не чуждо, но и не своё значит, в переводе на общеевропейский язык барокко, да ещё с петропавловской подсказкой, слово это – не абсолют и величие, а дом и потребности жизни её завитушки (Д. Бобышев. Автопортрет в лицах.); Она шла мимо миниатюрных дворцов **Расстрелли** с расстрелянными обитателями и изумлённо шептала: «**Расстрелли... Расстрелы...** Это всё было предначертано?» (Э. Радзинский. Наш Декамерон); о персонаже Родионе Романовиче Раскольникове: – Сами же говорили – статья подписана инициалами. – Занятыми-с, – улыбнулся Порфирий Петрович, – они мне еще тогда в память запали. Ишь, подумал, не подпись, а прямо рычание, да и только-с: «**Р.Р.Р.**» (Б. Акунин. Р.Р.Р.); Ей нравится здесь всё. Даже **название** этого края. **Донбасс. Дон. Басс.** Это звучит как удары колокола. Будит что-то в душе (И. Гофф. Телефонный звонок по ночам.); При Гоголе кто-то произнёс фамилию купца грека **Родонакаки**. Гоголь: «Это что такое? Фамилия такая?» – «Да, это

фамилия». Гоголь: «Ну это Бог знает что, а не фамилия. Этак только обругать человека можно: ах ты *ррроддонакака* ты этакая» (В. Вересаев. Жизнь Гоголя); о романе «Хождение по мукам»: *Психология многомясых превосходно разработана Толстым. Даже в самом звуке их имён чувствуется чернозёмная сила: Цюрупа, Мишука Акила, Налимов, Мардыкин* (К. Чуковский. Алексей Толстой).

Собственные имена, включаясь в ткань повествования, способствуют целостному художественно-эстетическому восприятию изображённого автором. Юрий Тынянов говорил об особой выразительной силе онимов: «Каждое имя в художественном произведении с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни».

Попадая в художественное окружение, онимы «обрастают» субъективными значениями, диктуемыми развитием сюжета, кроме своего индивидуального значения они приобретают ещё и художественное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. О семантической организации повествовательного текста / В. Г. Гак // Лингвистика текста / Научные труды МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1976. Вып. 103. – С. 61–66.
2. Климкова Л. А. Ассоциативное значение слов в художественном тексте / Л. А. Климкова // Филологические науки. – 1991. – № 1. – С. 45–54.
3. Михайлов В. Н. Специфика собственных имён в художественном тексте / В. Н. Михайлов // Филологические науки. – 1987. – № 6. – С. 78–82.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1978. – 192 с.
5. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён в русском языке (общая характеристика и словарные статьи на букву В) / Е. С. Отин // Слово и мысль. Вестник Донецкого отделения Петровской Академии Наук

и Искусств : Сб. науч. тр. Гуманитарные науки. Выпуск второй. – Донецк, 2001. – 130 с.

6. Руденко Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции / Д. И. Руденко // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 55–68.

7. Шмелёв Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М. : Наука, 1977. – 166 с.

Э. А. Головань

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КВАНТИФИКАЦИИ

Понятие квантификации возникло в математической логике, логике предикатов. В современной лингвистике при изучении категории количества оно активно разрабатывается в рамках различных направлений. Под квантификацией понимаем процесс приобретения и реализации количественного значения.

Цель работы – проанализировать имеющиеся в языкознании подходы, освещающие вопрос способности слов приобретать количественную семантику; выявить корреляцию между основными значениями слов и их возможностью употребляться для обозначения неопределенно большого множества объектов и интенсивности проявления признака на материале русского, украинского и английского языков.

Представляет интерес наблюдение И. К. Марковского [5, с. 82]: можно сказать *много малины, пропасть малины, бездна малины, море малины, тьма малины, масса малины, прорва малины*, но нельзя – **буря малины, град малины, лес малины*. Причина того, что некоторые слова могут называть множество любых объектов (одушевленных или неодушевленных, всех вместе), а другие такой возможности не выявляют, в языковедческих исследованиях четко не определена. Так, Ю. Д. Апресян отмечает

способность слова *горсть* описывать не любые предметы, а преимущественно людей: *горсть защитников, храбрецов*, но не **горсть кошек, икафов* [1, с. 63]. Автор объясняет такую сочетаемость особенностью значения слова *горсть* – ‘очень небольшое количество людей’.

Согласно Е. В. Рахилиной [6, с. 31], лексическая множественность часто имеет дейктическую природу, что позволяет использовать категорию наблюдателя при семантическом анализе. Ученая рассматривает слова, получившие количественное значение (например, *поток, туча*) как множества, объекты которых движутся горизонтально, когда движение осуществляется по направлению к говорящему. Согласно Е. В. Рахилиной, квантификатор *река / реки* отличается от *поток / потоки* именно значением дейктических признаков: *поток(и)* – это множество объектов, направленных к наблюдателю, а *река / реки* – мимо него: с адресованными к кому-нибудь объектами употребляют квантификатор *поток*, а не *река / реки*, ср.: *потоки / *река (реки) писем, телефонных звонков, поздравлений, пациентов, денег* (сюда же *денежные потоки*, но не **денежные реки*) [6, с. 32]. Е. В. Рахилина приходит к выводу, что вся лексическая множественность, когда наименования большого количества соотносимы с названиями крупных пространственных объектов, движущихся крупными масс, является дейктической, то есть сохраняет в своей семантике идею говорящего / наблюдателя и его места в пространстве рядом с этим множеством. Статичные квантификаторы, связанные с идеей вместилища (*охапка, воз*), Е. В. Рахилина [6, с. 33] определяет как недейктические.

Существенность дейктической составляющей значения отмечается при метафоризации по принципу «*шире* → *больше*» (*море, лес, океан*): в образованных метафорических конструкциях со значением большого количества определяется точка наблюдения, откуда можно видеть подобное большое количество, распределенное в горизонтальном пространстве. Наблюдатель в таком случае определяется Е. В. Рахилиной находящимся у

края пространства, заполненного исчисляемыми объектами, но чуть выше, чтобы глаза могли охватить множество – его положение сравнимо с положением оратора перед толпой на трибуне (*море людей* или *море флагов*). Специального возвышения не нужно в случаях *море цветов* – например, на лугу, потому что цветы ниже человека, то же самое в случае *лес рук* (учеников, которые сидят за партами – внизу перед учителем).

Квантификатор *туча*, по Е. В. Рахилиной, является примером сочетания в одной лексеме трех типов метафор большого количества: статической (*туча народа*), горизонтальной динамической (*туча писем*) и вертикальной динамической (*Туча стрел обрушилась*). Квантификатор *лес* группы «*шире* → *больше*» называет совокупность неживых объектов, покрывающих большую площадь, – но обязательно вертикальных, выше человека: *лес флагов, рук, мачт*, однако **лес крови, денег* и др., а также **лес людей, цветов*. В случае с квантификаторами *бездна* и *пропасть* (разновидность «бесконечной» метафоры: «*ниже* → *больше*») наблюдатель смотрит сверху вниз.

Таким образом, отмеченная Е. В. Рахилиной связь между семантикой больших пространственных объектов, крупных движущихся масс, и способностью слов обозначать большое количество объектов, апеллирует к определенной визуализации исследователем направление движения через выявление в семантике идеи говорящего / наблюдателя и установление его места в пространстве рядом с этим множеством. Данные такого лингвистического анализа применяются с целью объяснения особенностей сочетаемости квантификаторов.

В исследовании Н. А. Лукьяновой [4, с. 127] проанализированы типичные образы множественности, связывающие семантику большого количества со следующими представлениями: 1) динамическое изменение явлений и их внезапное проявление, ассоциативно связанное со стихией: *лавина, вихрь, взрыв, буря, ураган, шквал*; 2) быстрое изменение различных событий, впечатлений, чувств, предметов: *калейдоскоп, фейерверк*;

3) предметы, которые появляются один за другим: *водопад, каскад, град, ливень*; 4) текучесть предметов: *река(и), поток(-и)*; 5) большое количество предметов и явлений, расположенных горизонтально: *море, океан, озеро*; 6) большое количество предметов, явлений, ассоциирующихся с глубиной: *пропасть, прорва, бездна, тьма*; 7) предметы, явления, появляющиеся или расположенные в определенном порядке: *вереница, череда, шлейф, батарея, частокол (цифр)*; 8) большое количество нерасчлененных, запутанных предметов: *клубок, ком, вязь*; 9) большое количество статических явлений, «предметов»: *арсенал, ворох, груда, копни, куча, охапку, сноп, штабеля*; 10) большое количество людей, предметов, ассоциирующихся с множеством животных: *косяк, табун, стадо*; 11) большое количество людей, предметов, ассоциирующихся с военным подразделением: *армия, батальон, рота, легион*; 12) количественные понятия, подлежащие исчислению: *десятки, сотня(-и), тысяча(-и), миллион(-ы)*.

По Г. И. Берестневу [2], конечная цель реконструкции представления о множественности в определенном языке – установление инвариантных образов, с которыми она связывается, а также установление собственной структуры этих инвариантов. Так, среди признаков, находящихся в основе номинации репрезентантов образа локального единства, выделяются следующие характеристики, определяющие квантификацию: 1) собрание, очень близкое расположение друг к другу, например: рус. *букет болезней, снопы искр, венок сонетов, соцветие талантов*, укр. *троно співців, трono птиць*, англ. *bunch of* ‘пучок’, *maze of narrow streets* ‘лабиринт улиц’; 2) локальное выделение природных явлений: рус. *лес рук, пир горой*, укр. *гори посуду*, англ. *a mountain of food* ‘горы еды’; 3) большие и сложные артефакты: рус. *калейдоскоп огней, гнездо изб*, укр. *арсенал засобів*, англ. *chain* ‘цепь’; 4) разного рода емкости и вместилища больших размеров: *бочка, ведро, воз, вагон, мешок*; 5) протяженность в пространстве объектов, мыслимых как целое,

имеющее компоненты: рус. *череда новостей, вереница лет, галерея образов*, укр. *батарея пляшок*, англ. *long vista of years* ‘вереница (букв. вид, алея) лет’.

Отметим связь квантификации с представлениями о физических качествах человека, что особенно заметно на примере интенсификаторов, в основе номинации которых – представление о силе физического воздействия, ударе: *поразительно хорош* (при *разить* ‘бить, наносить удары’); *потрясающий* ‘необычно сильный, значительный по степени проявления’: *потрясающий успех; ударный труд, ударно работать, ударятся (во что-либо)* ‘усиленно заниматься’; *крепкий* ‘отличающийся большой силой; существенный по степени проявления’: *крепкий мороз, крепко* ‘очень сильно, основательно’: *крепко пить, любить; шибко* ‘очень сильно, слишком’ при *шибать* ‘ударять’: *Барин шибко нездоров; Он шибонько скучает, убивается; Шибко холодно.*

Значение большого количества и интенсивности проявления признака реализуется также путем указания несоответствия:

а) существованию: рус. *гибель, несусветный*, укр. *до гібелі*, англ. *to death*;

б) общепринятому укладу жизни: рус. *небывалый, немислимый, устал до невозможности*, укр. *небувалий, нереальний*, англ. *abnormal*;

в) моральным нормам: рус. *до неприличия*, укр. *до непристойності*, англ. *immensely* ‘очень’ (при шотл. *tense* ‘пристойность’);

г) характеристикам человека – физическим, ментальным, вербальным действиям и внутреннему состоянию: рус. *непроходимо глупый, сумасшедший успех*; укр. *нечувана / невимовна кількість, скажена кількість*, англ. *untold wealth* ‘несказанное богатство’. Данные примеры иллюстрируют связь количественной семантики с представлениями о соотносимости / несоотносимости с реальностью, о типичности / нетипичности явления.

Анализ инвариантных образов множественности, выделенных Г. И. Берестневым, позволяет утверждать, что приобретение лексемами количественной семантики коррелирует с такими основными значениями:

– большой размер, возвышение, локальное выделение объекта (визуальные характеристики пространства, артефактов) – *море, океан, гора, куча, лес; мешок, вагон*. Специфическими для русского и украинского языков (в отличие от английского) являются наименования большого количества объектов, непосредственно апеллирующие к визуальному восприятию: *тьма, невиданное количество, видимо-невидимо*.

– сила (физическая мощь и ощущение силы; динамичность, стремительность) – *сила снегу пала; потоки информации*;

– бытийность (типичность / несоответствие общепринятому, нормам жизни; принадлежность к земному / небесному) – *гибель, до смерти, до черта, чертовски / свято беречь*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды : [в 2 т.] – Т. II : Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1995. – 710 с.
2. Берестнев Г. И. Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании / Г. И. Берестнев. – Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 83–99.
3. Вовк В. Н. Языковая метафора в художественной речи : Природа вторичной номинации [Текст] / В. Н. Вовк. – К. : Наук. думка, 1986. – 141 с.
4. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 231 с.
5. Марковский И. К. Слова со значением “неопределенной множественности” в современном русском языке / И. К. Марковский // Филологические науки. – 1974. – № 4. – С. 77–84.
6. Рахилина Е. В. Семантика лексической множественности в русском языке / Е. В. Рахилина, Ли Су-Хён // Вопросы языкознания. – 2009. – № 4. – С. 13–40.

А. С. Давыдкина

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. В. Валеева)

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИИ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
X-XVIII ВЕКОВ Е. С. ОТИНА)**

Евгений Степанович Отин – известный лингвист, специалист в области ономастики и этимологии, автор словарей, таких как «Топонимия Приазовских греков: историко-этимологический словарь географических названий», «Словарь коннотативных собственных имён», «Частотный словарь “Жития протопопа Аввакума”» и «Словарь русского языка X-XVIII веков».

«Словарь русского языка X–XVIII веков» – один из немногих словарей, в котором представлена и систематизирована лексика русского языка в историческом аспекте. Толкование в нем производится согласно следующей схеме: заглавное слово или устойчивое словосочетание, значение, иллюстративный материал. Особенностью словаря является использованный при его составлении прием имплицитного толкования языковой единицы, направленный на облегчение чтения иллюстративного материала словарной статьи: в скобках указывается перевод лексем, смысл которых может быть читателю непонятен.

Объектом нашего исследования стал лексикографический материал, связанный с семантикой пространства.

Существует два определения пространства: согласно определению Ньютона, пространство представляет собой нечто независимое от материи и не определяемое материальными объектами, которые в нем находятся; согласно Лейбницу, это нечто зависящее от находящихся в нём объектов, то, что можно определить порядком сосуществования вещей. При этом ньютоновское пространство является объективацией идеи пространства,

принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; у Лейбница же пространство «одушевляется» человеческим присутствием, оно трактуется, осознается человеком [7, с. 18-19].

Согласно энциклопедическому словарю, пространство – «одна из основных категорий бытия, форма существования материи, отражающая протяженность и расположение предметов в мировом континууме и их положение относительно друг друга» [4, с. 1071]. Пространство является одним из важнейших компонентов языкового сознания и складывается в нем из нескольких элементов, из которых главными и определяющими являются семы местоположения и направления, противопоставленные друг другу по характеристике – статика-динамика.

В лингвистике пространство рассматривается как антропоцентрическая категория. Это связано, прежде всего, с тем, что пространственные отношения выполняют координирующую функцию, необходимую для локализации человека в рамках какого-либо пространства [3, с. 362]. Как отмечает И. С. Бороздина, «представления о пространстве начинают формироваться на основе простейших ощущений и врожденных (подсознательных) реакций человеческого мозга на окружающую среду и находят свое отражение в языке» [1].

Проблемой изучения локативности / пространственности занимались многие известные лингвисты, такие как Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко, Т. В. Бульгина, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, И. М. Кобозева, Е. А. Селиванова и др.

Лексемы с пространственной семантикой, отмеченные в словаре Е. С. Отина, нетождественны по происхождению, сфере употребления, функциональному назначению и грамматическим параметрам. При рассмотрении пространственной лексики с точки зрения происхождения мы выделили группу исторически стабильной лексики, например, *ДОЛГОТА*. *Длина. // А иным за царем ходящим толику (такую. – Е. О.) долготу пути итти (Александро-Невская летопись, 1552 г.)* [2, с. 87];

группу утратившейся лексики, языковые единицы которой на современном этапе русского языка не используются в связи с ненужностью употребления из-за исчезновения предмета или явления, который являлся объектом номинации лексемы, или из-за вытеснения нового по времени образования слова прежней, устаревшей формы. Таким образом, к группе утратившейся лексики относятся историзмы и архаизмы, например: **ЛЕГАЛЬНИЦА**. *Спальня. // Затворися в легальници своей (Успенский сборник, XII–XIII вв.)* [2, с. 163] – корневой элемент лексемы *legadlo, согласно Этимологическому словарю славянских языков, имеет значение «место, где кто-нибудь лежит» [6, с. 96], следовательно, произошло замещение корневой морфемы *лежать-спать*.

Представлена также группа лексем с сохранившейся грамматической формой, но измененной семантикой. Здесь выделяется две подгруппы. 1. Лексемы, утратившие или приобретшие семантику пространства вследствие семантической деривации, например, **ЗАДНЕЕ**. *Будущее. // Се порядися Тещата с Якымомь про складство (брачное соглашение. – Е. О.) про первое (прежнее. – Е. О.) и про заднее (Рядная Тешаты с Якимом, до 1299 г.)* [2, с. 104] – пространственное значение данная лексема в языке X–XVIII веков не обнаруживает: тогда она относилась скорее к категории темпоральности, а в результате деривации перешла в категорию локативности. Также интересно то, что при сравнении значений этой лексемы в диахронии наблюдается энантиосемия (будущее – направленность вперед, заднее – назад); 2. Лексемы с изменениями непосредственно в семантике пространства: **НЕМЕЦКИЙ**. *Иноземный. // Да нас же нанял ваш турецкой царь (хан. – Е. О.) из 4 земель немецких салдатов 6000 (Повесть об азовском сидении донских казаков, XVII в.)* [2, с. 200]. В данном случае произошло сужение пространственного значения: с *иной земли* вообще на определенное государство – *Германию*.

При изучении лексики исследуемой категории с точки зрения частеречной принадлежности мы отметили, что численно преобладает знаменательная лексика, в частности, существительные и глаголы; в небольшом количестве в словаре содержатся местоименные наречия. Евгений Степанович Отин, наряду с лексемами с фиксированной семантикой, рассматривает и служебные слова. Например, *О. у (предлог). // ...И стрельцем, стреляющимся о реке Лыбеди (Никоновская летопись, 1151 г.)* [2, с. 210].

Стилистическая окрашенность пространственной лексики не находит широкого отражения в лексикографии, так как появление эмоционально-экспрессивных оттенков обуславливается употреблением языковых единиц в переносном значении, то есть метафоризацией, а переносные, вторичные значения в словарях фиксируются по прошествии некоторого времени. Известно, что окончательно коннотацию лексики с семантикой пространства определяет контекст.

Пространственная лексика может изменять свою стилистическую окрашенность в зависимости от восприятия того или иного объекта пространства на когнитивном уровне. К примеру: **ВЕРТЕП**. *Ущелье, пещера. // Мы то въезжали на высочайшая место, то опускались в глубокие вертепы и долины (Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков (1738–1795). – СПб., 1872. – Т. II. – С. 991)* [2, с. 44]; в современном русском языке *вертеп* – «место, где собираются с преступными или другими неблагоприятными целями» [5]. Изменение коннотативного оттенка связано, скорее всего, с возникающими на когнитивном и аксиологическом уровне ментальной деятельности ассоциациями с устрашающим видом пещер.

При изучении пространственной лексики, содержащейся в Словаре русского языка X–XVIII веков Е. С. Отина, мы отметили достаточно широкий диапазон письменных текстов, которые демонстрируют лексику данной семантической категории: список использованных литературных

источников словаря содержит 198 единиц, отличающихся по функциональному назначению и времени создания. Среди них такие произведения, как Выголексинский сборник, Рядовая Тешаты с Якимом, Договорная грамота Александра Ярославовича Невского и новгородцев с немцами 1262–1263 гг., Домострой, Изборник Святослава, труды М. В. Ломоносова, Повесть о боярыне Морозовой и др.

Таким образом, мы можем сказать о том, что пространственная лексика в словаре описана с разных сторон и представлена достаточно концентрированно, емко и логично, благодаря чему становится возможным рассмотрение истории пространственной лексики на материале лексикографических источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бороздина И. С. Пространство как основная категория бытия в языковом отражении [Электронный ресурс] / И. С. Бороздина. – Режим доступа : <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-001.pdf> (дата обращения: 18.03.2016).
2. Отин Е. С. Словарь русского языка X-XVIII веков / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 436 с.
3. Сегал Н. А. Пространственные оппозиции как системообразующий признак текста / Н. А. Сегал // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). – 2011. – № 4. Часть 2. – С. 362–366.
4. Советский энциклопедический словарь: Изд. 4 / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энциклопедия, 1988.
5. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>.

6. Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачев. – Выпуск 14. – М. : Наука, 1987. – 268 с.
7. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Языки славянской культуры. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.

В. В. Джуха

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

ИСТОРИЯ ЧАСТИЦ

В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА Е. С. ОТИНА

Профессор Е. С. Отин известен не только как основатель Донецкой ономастической школы, но и как специалист, чьи научные предпочтения всегда лежали в плоскости истории русского языка. Его как ученого интересовали вопросы исторического развития лексического и фразеологического строя, а также проблемы в области исторической морфологии и синтаксиса. В последние годы Евгений Степанович активно работал как лексикограф. Результатом титанического труда профессора стали два его исторических словаря, которые были подготовлены им за очень короткий срок и изданы в военное лето 2014 года. Это «Словарь русского языка X–XVIII веков», в котором автор впервые использовал приём параллельного внутритекстового толкования слов, а также «Частотный словарь «Жития» протопопа Аввакума», материалы которого важны не только для изучения истории русского языка конца XVII века. Этот словарь может быть использован в качестве основы «для подготовки большого исторического частотного словаря древнерусского языка, значение которого трудно переоценить» [8, с. 5]. Многие проблемные вопросы исторической лексикологии и грамматики Е. С. Отин рассматривал на лекционных занятиях,

которые проводил для студентов филологического факультета. Долгие годы он читал такие учебные курсы, как «Историческая грамматика русского языка» и «Основы исторической лексикологии и фразеологии». Специально для бакалавров и магистров им было разработано большое количество авторских спецкурсов, содержание которых также было связано с вопросами истории русского языка, с этимологией слов и выражений.

Внимание к этому направлению лингвистической науки проявилось у Евгения Степановича еще в студенческие годы, о чем он сам неоднократно вспоминал. Его кандидатская диссертация была посвящена происхождению модальных частиц, которые использовались при передаче чужой речи. Статья «Из истории частиц» была опубликована в «Ученых записках Сталинского педагогического института» (ныне – ДонНУ) еще в 1960 году прошлого века [4, с. 6]. В дальнейшем к этой теме Евгений Степанович возвращался неоднократно, и история частиц всегда привлекала его внимание. Уже тогда, в начале своей научной карьеры, он понимал, что служебные части речи русского языка изучены недостаточно полно и что частицы как особый класс надо исследовать в разных аспектах (в том числе и диахроническом). Е. С. Отин понимал, что частицы представляют собой весьма значимый компонент в структуре не только одного предложения, но и всего текста, как важный элемент его семантической интерпретации. На необходимость серьезного изучения этой части речи указывал и В.В.Виноградов, считая, что научные исследования в этом направлении помогут уяснить грамматические разряды и грамматические категории «в кругу слов, именуемых ныне частицами» [1, с. 545]. Евгений Степанович был хорошо знаком с работами академика, внимательно изучал их, часто цитировал. Об этом можно судить по оставленным заметкам на страницах книг, которые сохранились в личных библиотеках преподавателей кафедры общего языкознания и истории языка (Евгений Степанович часто дарил свои книги ученикам и коллегам).

Еще во второй половине XX века Е. С. Отин отмечал, что в процессе изучения служебных частей речи «нам приходится довольствоваться отдельными разрозненными и часто весьма противоречивыми высказываниями языковедов относительно происхождения той или иной частицы» [3, с. 226]. За последнее время мало что изменилось в исследовании генезиса и процессов формирования этой важной категории, и отечественное языкознание по-прежнему испытывает острую необходимость в полном комплексном описании столь интересного языкового явления, как частицы [2, с. 4]. Поэтому наблюдения профессора Е. С. Отина и сегодня представляют собой ценный исследовательский материал и входят в число работ, имеющих «ограниченную цель» – исследовать происхождение и семантическое развитие отдельных частиц для определения общих тенденций развития значимых и служебных частей речи современного русского языка.

В центре внимания учёного оказываются модальные частицы *мол* и *дескать*, происхождение которых связывается им с глаголами говорения *молвити* и *говорити*. Е. С. Отин анализирует весь имеющийся в его распоряжении материал по изучению этих частиц в трудах других ученых. Среди них обнаруживаются авторитетные имена тех, кто внес значительный вклад в развитие русского языка и его истории. Это Я. К. Грот, А. А. Шахматов, Л. А. Булаховский, М. Фасмер, С. И. Ожегов и др. Молодой ученый спорит с ними и выдвигает свои собственные суждения о происхождении конкретных частиц и специфике их функционирования в древнейших текстах. Его обобщения и выводы строятся на большом фактическом материале, который не был использован ранее предшественниками, чьи доводы, как считал Е. С. Отин, нуждаются в большей конкретизации и должны быть подтверждены дополнительными фактами.

Остановимся на краткой истории некоторых частиц, происхождение которых осмыслено и описано в работах профессора Е. С. Отина.

Дескать – модальная частица, вопрос о генезисе которой не решен до сих пор, но по поводу происхождения которой высказано несколько точек зрения (это исследования И. Желтова – первого, кто заинтересовался составом этой частицы, работы Я. К. Грота, Э. Бернекера, М. Фасмера, А. А. Шахматова, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова и др.). [5, с.392]. У большинства лингвистов нет разногласий по поводу первого элемента частицы *де*. Эта модальная частица была широко представлена в памятниках письменности делового и бытового характера, что подтверждает её принадлежность живой разговорной речи. Объяснение второго элемента этой частицы – *скасть* – в научной литературе вызывало разночтения. По мнению Е. С. Отина, частица *де* была не единственным лексико-синтаксическим средством передачи чужой речи. Уже с XV века памятники русской письменности фиксируют такие же вводные слова с той же функцией, что и *дескать* (*рече, реку, рекиши, глаголет, сказывает, сказывают, молвил, молвит, молыт* и др.). Среди этих форм была и личная форма глагола *сказать*. При быстром произношении и в процессе ослабления лексического значения в разговорной речи *сказать* > *скасть*, переходя в состав *allegro*-форм. «Результатом фонетического превращения этого глагола и является скудно зафиксированное в некоторых памятниках XVII века частичное слово *скасть*» [5, с. 394]. Еще в XX веке такая частица употреблялась в живой разговорной речи жителей Костромской области России. Опираясь на многочисленные факты употребления частицы *скасть* в различных памятниках письменности, Е. С. Отин приходит к широким обобщениям, утверждая, что «все модальные частицы, сигнализирующие передачу чужой речи, как раз и представляют собой продукт деформации находящихся во вводной позиции глаголов говорения настоящего или прошедшего времени» [5, с. 396]. Он приводит примеры активного вхождения этого слова в литературный язык XVIII-XIX вв., иллюстрируя

их употребление в произведениях М. И. Попова, А. Аблесимова, И. А. Крылова, И. С. Никитина, А. С. Пушкина и др.

Мол – модальная частица, происхождение которой все ученые связывают с глаголом говорения *молвити*. Спорным является вопрос, связанный с выделением той формы этого глагола, которая постепенно преобразилась в частицу. В своих рассуждениях Е. С. Отин опирается на работы предшественников – И. Желтова, Н. Шлякова, А. А. Шахматова, Л. А. Булаховского, А. Г. Преображенского, А. И. Соболевского, В. В. Виноградова и др. и подтверждает мнение о том, что для установления генезиса частицы *мол* сегодня отсутствует необходимая фактическая база. Сегодня слишком мало «убедительных свидетельств, могущих пролить свет на историю данной частицы, поэтому о многом приходится говорить лишь предположительно» [5, с. 400]. История языка показывает, что появление частицы *мол* на базе глагола *молвити* происходит только в языках восточных славян, и пути её дальнейшего развития во многом совпадают с тем, что мы видим в развитии других *allegro*-форм типа *дескать*. Начиная с XVI века, из разговорной речи такие редуцированные формы проникают в язык памятников письменности, которые подтверждают, что в древнерусском языке в словах с основой *молв-* присутствовали и слова с основой *мол-* (глаголы *молить*, *молать*, *молыт*, *молыл* и т. д.). Этот факт дает основание утверждать, что частица *мол* является результатом разрушения не одной, а целого ряда *allegro*-форм глагола *молвити* [5, с. 401]. В язык письменности частица *мол* проникает сравнительно поздно, и примеры её употребления единичны. Время широкого распространения этой формы в русском литературном языке соотносится со второй половиной XIX века и более поздним временем. Например, в языке произведений писателей-демократов (Ф. Решетников, В. Слепцов, И. Никитин и др.) обнаруживается замена частицы *де* на частицу *мол* как

отражение поисков новых подходов «к литературно-художественным функциям просторечия» [5, с. 403].

Де – первая в русском языке модальная частица, служащая для передачи чужих высказываний, возникает как результат деформации глагола *де(я)ти*, не имеющего, казалось бы, отношения к глаголам речи. Е. С. Отин называет «экзотичностью» то, что у древнерусского глагола *де(я)ти* отсутствовало значение 'говорить', хотя именно это значение сыграло главную роль в возникновении рассматриваемой частицы [6, с. 411-412]. Для того, чтобы ответить на проблемные вопросы, учёный предлагает полную версию происхождения славянского глагола *де(я)ти*, которую приводит в статье под названием «Этимология одного славянского глагола (в связи с историей частицы *де*)» [6, с. 411-430]. Кратко пересказать эту историю очень сложно, поскольку частица *де*, употребляемая в вводной позиции в чужих высказываниях, в любом контексте передавала результат взаимодействия слов автора и чужой речи («взаимодействие модальных планов и лексических компонентов смежных частей конструкции») [6, с. 412]. Глагол *де(я)ти* деформируется в модальную частицу, сохраняя при этом одно из неустойчивых своих значений 'говорить', которое проявлялось контекстуально и являлось модификацией очень широкого значения 'делать' [6, с. 413]. Древнерусские словосочетания типа *речь де(я)ти (творити)*, *слово де(я)ти (творити)* можно отнести к немногочисленной группе *verba dicendi*, употребляемых в качестве модификаторов значения 'говорить'. Бывшее вводное слово, перешедшее в разряд частиц, по мнению Е. С. Отина, связано своим происхождением с формой 3 лица единственного или множественного числа этого глагола. Она и лежит в основе частицы *де*.

Авось – русская частица развилась из древнего сочетания *а во се*, в состав которого входили начинательный союз *а* и указательная частица *(в)осе*. В потоке разговорной речи конечный гласный утрачивался,

в результате чего и появилась знакомая нам форма *авось*, семантическое наполнение которой имеет свою историю. Е. С. Отин демонстрирует этот процесс своеобразной цепочкой значений: «вот» > «вот оно!» > «вдруг» > «если», из которых первое уже утрачено, а второе и третье сохраняются в русских говорах. Современное значение частицы *авось* ‘может быть’ фиксируется в XVII веке, и в этом значении форма используется до сих пор. В современном русском языке есть и существительное *авось*, но оно употребляется реже, развивая бесконечное множество смысловых оттенков. Е. С. Отин приводит некоторые примеры, среди которых представлены такие устойчивые обороты русской речи: «От *авося* добра не жди», «*Авось* до добра не доведет», «*Авось* – дурак, с головою выдаст» и др., зафиксированные в словаре В. И. Даля [7, с. 442-443].

Материал, приведенный в разработках профессора Е. С. Отина, может быть использован как важное свидетельство живой истории русских частиц, изучение которых в диахроническом аспекте еще, по сути, не начато. Ставя перед собой «ограниченную цель», учёный сумел не только чётко обозначить проблемные вопросы описания частиц как самостоятельного класса, но и показать возможные пути их дальнейшего изучения как в синхронии, так и диахронии по собственной методике исследования. Эта методика помогла Е. С. Отину четко обозначить все общепринятые положения при описании конкретных частиц русского языка, высказать свои предположения по поводу их генезиса, развития «смысловых миров» и обозначить пути возможной их истории в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. Колесникова С. Н. Русские частицы: семантика, грамматика, функции / С. Н. Колесникова. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 112 с.

3. Отин Е. С. Из истории частиц / Е. С. Отин // Ученые записки. – Вып. VIII. Филологическая серия. – Сталино, 1960. – С. 226–246.
4. Отин Е. С. Каким я его помню (к 100-летию со дня рождения Г. И. Рихтера) / Е. С. Отин // Филологические исследования. – Вып. 5. – Донецк : Юго-Восток, 2002. – С. 5–9.
5. Отин Е. С. Труды по языкознанию / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2005. – 480 с.
6. Отин Е. С. Этимология одного славянского глагола (в связи с историей частицы *де*) / Е. С. Отин // Труды по языкознанию. – Донецк : Юго-Восток, 2005. – С. 411–430.
7. Отин Е. С. А восе, авось и авоськать / Е. С. Отин // Труды по языкознанию. – Донецк : Юго-Восток, 2005. – С. 440–448.
8. Отин Е. С. Частотный словарь «Жития» протопопа Аввакума / Е. С. Отин. – К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2014. – 204 с.

А. В. Дзына

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С ОБРАЗНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия в лингвистике наблюдается интерес к различным моделям тавтологических сочетаний. Изучение тавтологических конструкций имеет длительную историю развития в языкознании. Лингвисты исследуют удвоения с различных позиций, например, А. М. Бушуй, А. П. Евгеньева, И. Г. Галенко, Л. В. Лисоченко, В. М. Мокиенко, Л. И. Ройзензон, Т. И. Стексова, Т. А. Тулина, Д. Н. Шмелёв, Н. Ю. Шведова и др.

Исследователи выделяют различные модели тавтологии (Н. Г. Гольцева, С. П. Степанская, Н. А. Янко-Триницкая). Модель «сущ. Им. п. +

сущ. Тв. п.» типа *дурак дураком, свинья свиньёй* относится к одной из древнейших моделей, на что обратили внимание Ф. И. Буслаев и А. А. Потебня. В контексте прослеживается логическая схема сравнения: компонент *A* (иначе “тема”; предмет сравнения) и *B* (иначе “образ”; образ сравнения) (Т. А. Тулина). Компонент *A* играет важную роль в схеме сравнения, т.к. он может быть представлен лицом, животным или предметом.

Исследователи относят образные –удвоения модели «сущ. И. п. + сущ. Тв. п.» к самостоятельному разряду образных языковых средств [3].

Цель работы – исследовать семантическую структуру тавтологических сочетаний модели «сущ. Им. п. + сущ. Тв. п.» с компонентом-зоонимом.

Поставленная цель определила решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть статус тавтологических единиц.
2. Выявить модели тавтологических сочетаний.
3. Соотнести значение тавтологического сочетания со значением субстантивного слова-компонента.

В современной лингвистике не определён статус тавтологических единиц рассматриваемой модели. Так, В. Л. Архангельский квалифицирует такие единицы как «фразеологические серии» вследствие того, что в них встречается «закреплённость типовых фразеологических значений за грамматическими моделями определённых типов» [1, с. 7]. По мнению А. И. Молоткова, за пределами состава фразеологии русского языка остаются «именные и глагольные словосочетания, образованные или путём повторения одного и того же слова в разных формах, или путём сочетания двух слов с одной основой. Структурных типов таких словосочетаний много: *дурак дураком, бирюк бирюком, тюфяк тюфяком...*» [5, с. 15].

Г. Селиванов в исследовании «Тавтологические словосочетания как самобытные русские фразеологизмы» отмечает, что понятие словосочетания до сих пор не до конца уточнено и часто вызывало серьёзные споры у учёных. Лингвист выделяет тавтологические словосочетания – «такие

сочинительные и подчинительные соединения слов, которые имеют один и тот же корень во всех компонентах или же образованы способом повторения одного слова»: *дело делать, сидеть сиднем, ходить ходуном, криком кричать, стоном стонать, старый старичок, живая жизнь, беднее бедного, мал мала меньше, гора горой* и др. [4, с. 24].

В. М. Мокиенко в монографии «Славянская фразеология» пишет, что сочетание компаративной и тавтологической структур усиливает экспрессивность модели. Однако не всегда в словарях фиксируется такая усиленная экспрессия. Исследователь отмечает отсутствие глагола в рассматриваемой нами модели «сущ. И. п. + сущ. Т. п.». В. М. Мокиенко утверждает, что «тавтологичность элемента сравнения» усиливает номинативную функцию модели с формой творительного падежа. Следовательно, такое усиление ведёт к полному сокращению глагольного компонента [2, с. 192–193].

В процессе исследования, с опорой на «Национальный корпус русского языка», мы рассмотрели двадцать единиц с компонентом-зоонимом, которые имеют образные значения: *баран бараном, барбос барбосом, бык быком, волк волком, индюк индюком, коза козой, козявка козявкой, курица курицей, лиса лисой, медведь медведем, мышка мышкой, овца овцой, орёл орлом, свинья свиньёй, слон слоном, сова совой, сокол соколом, телок телком, хомяк хомяком, червяк червяком* и др.

Рассмотрим следующие тавтологические сочетания *козявка козявкой, медведь медведем, свинья свиньёй, слон слоном*.

КОЗЯВКА, -и, род. мн. -вок, дат. -вкам, ж. 2. Прост. пренебр. Об очень мелком, незначительном человеке.

Козявка козявкой

Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой (П. П. Бажов. Отслоения дней (1944-1947)).

В приведенном контексте тавтологическое сочетание **козявка козявкой** отчасти «перекликается» со вторым значением, поскольку нейтрализуются выделенные в словарной статье денотативные семы и актуализируется сема ‘маленький’ (о человеке).

МЕДВЕ́ДЬ, -я, м. 2. *Разг.* О крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке.

Медведь медведем

Он – широкий, медведь медведем, глаза ушли под овчину-брови (И. С. Шмелёв. Солнце мёртвых (1923)).

В контексте тавтологическое сочетание **медведь медведем** развивает значение ‘крупный’, остальные семы, выделяемые в словарной дефиниции, не актуализируются.

Нетронутая трава стояла стеной, в пояс вышиною, и крестьяне говорили: «Что за трава! Медведь медведем!» [С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)].

В контексте тавтологическое сочетание **медведь медведем** соотносится с другим референтом (речь идёт не о человеке, а о высокой и крепкой траве).

СВИНЬЯ́, -и́, ж. 2. *Разг.* О грязном, неопрятном человеке, неряхе. 3. *Разг.* О человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко.

Свинья свиньёй

Если живёшь свинья свиньёй, то и в голове у тебя не может быть ничего порядочного (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943–1958))

В контексте тавтологическое сочетание **свинья свиньёй** «перекликается» с третьим переносным значением, т. к. в речь идёт о непорядочном, грубом, низком человеке.

Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь да и только (А. С. Пушкин. Дубровский (1833)).

В данном контексте говорится о грязном, неряшливом человеке, который поступает грубо, подло и низко по отношению к окружающим. Таким образом, тавтологическое сочетание *свинья свиньёй* соотносится со вторым значениям компонента.

СЛОН, -á, м. 2. Разг. О высоком, толстом, неуклюжем человеке.

Слон слоном

Потом Анискин дёрнул нижней губой, звучно цыкнул зубом и начал медленно подниматься; вставал слон слоном, так надавливая на половицы, что скрипели, а посуда на столе мелко подрагивала (Виль Липатов. Деревенский детектив/ Кто уезжает, а кто остается... (1967-1968)).

В контексте тавтологическое сочетание *слон слоном* «перекликается» со вторым значением лексемы «слон», а также с фраземой «как слон в посудной лавке», т. к. речь идёт о неуклюжем, большом человеке.

Предметом сравнения в рассмотренных предложениях преимущественно является человек. Однако наблюдаются случаи, где тавтологическая конструкция направлена и на неживые объекты, что свидетельствует об отсутствии ограничений, накладываемых тавтологическими сочетаниями на предмет сравнения.

В исследуемых контекстах удвоение образности компонента сопровождается интенсивностью передаваемого признака и, как правило, отрицательной оценкой. В тавтологических сочетаниях модели «сущ. И. п. + сущ. Т. п.» представлен компонент *B*, компонент *A* актуализируется в контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский В. Л. Фразеологические серии в русской фразеологической системе / В. Л. Архангельский // Проблемы фразеологии и задачи ее

- изучения в высшей и средней школе. – Ростов : Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1965. – С. 319.
2. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1989. – 287 с.
3. Петров А. В. Семантика тавтологических сочетаний модели «сущ. Им.п. + сущ. Тв. п.» / А. В. Петров, Л. А. Петрова // Языковые единицы : синтагматический аспект. Материалы XI Международной конференции. – Владимир, 2015. – С. 394–398.
4. Селиванов Г. Тавтологические словосочетания как самобытные русские фразеологизмы / Г. Селиванов // Русский язык в школе. – 1955. – № 3. – С. 24–27.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – Изд. 3-е, стер. – М. : Рус. яз, 1978. – 543 с.

А. І. Дубравіна

(наук. керівн. – канд. філол. наук, доц. І. О. Кудрейко)

НАЗВИ ВУЛИЦЬ М. МАКІЇВКИ

Про історію будь-якого міста можуть розповісти його вулиці. У кожному місті їх налічується багато – великих та малих, просторих та звужених, широких проспектів та затишних вуличок на околицях. У їхніх назвах приховані доблесть, мужність та гідність. Тиха вулиця може мати дуже гучне ім'я. Кожна вулиця є сторінкою літопису. Назви вулиць, як й інша міська топоніміка, є невід'ємною частиною історичного спадку. Назва – це не тільки «візитна картка» вулиці чи проспекту, але й своєрідний пам'ятник епохи їхнього виникнення, від найдавніших часів до сучасності, «дзеркало» історії. Адже назви міських вулиць виникли не відразу, їхнє походження йде з далеких часів, що розкриває історичні корені наших предків.

Вивчення міста та його вулиць може бути цікавим з різних поглядів: історичного, краєзнавчого, лінгвістичного тощо. У сучасній топоніміці

немає єдиної думки щодо класифікації урбанонімів, тому різні дослідники пропонують свої класифікаційні схеми для їхнього розгляду.

А. М. Селищев (1886 – 1942) у праці «Зі старої та нової топонімії» виділяє наступні типи назв: 1) назви, що походять від імен людей та їхніх прізвищ; 2) назви, що походять від назв людей за видом діяльності; 3) назви за соціально-майновим станом і за положенням; 4) назви, пов'язані з адміністрацією та владою; 5) назви, що відображають етнічний характер населення; 6) назви, що відображають специфіку ландшафту та особливості забудови населених місць; 7) назви із абстрактним значенням; назви, пов'язані із об'єктами культури [4].

О. В. Суперанська (1929–2013) у статті «Застосування методу лінгвістичної статистики для вивчення топонімічної системи міста Москви» виділяє одинадцять лексико-семантичних типів урбанонімів: 1) найменування за групами осіб; 2) найменування за назвами населених пунктів; 3) найменування за штучно створеними мікрооб'єктами; 4) найменування за об'єктами природної мікротопонімії; 5) найменування за фізико-географічними об'єктами; 6) найменування, пов'язані із церковними назвами; 7) найменування, пов'язані із місцем розташування; 8) найменування за зовнішнім виглядом чи враженням; 9) найменування за призначенням чи головним застосуванням; 10) найменування, що повторюють назви сусідніх вулиць; 11) символічні найменування [5].

У сучасних працях з топоніміки вживаються різноманітні терміни для позначення тих чи інших міських об'єктів: урбаноніми – назви внутрішньоміських об'єктів; агороніми – назви площ; геоніми – назви доріг, проїздів і т. ін. Для позначення назв вулиць, у тому числі проспектів, бульварів, алей, проїздів, провулків, ліній (один з типів вулиць), шосе (у межах міста), тупиків у топоніміці використовується термін *годонім* чи *одонім* (від д.-гр. *ὁδός* «вулиця, дорога» + *ὄνομα* «ім'я, назва»). Годонімія – сукупність годонімів – «складова частина історичного та

лінгвістичного портрету міста». Термін було запропоновано у Словнику російської ономастичної термінології Н. В. Подольської у 1978 році [3, с. 52].

Годоніми Макіївки – це не тільки вулиці, проспекти, бульвари, провулки, мікрорайони. Зустрічаються також доволі специфічні геоніми: *проїзд* – те ж саме, що й вищезгаданий нумерований провулок, що записується разом із назвою дочірньої вулиці: *вул. Трубіщина, проїзд 3*; *селище* – те ж саме, що й мікрорайон, тільки з одноповерхової забудовою: *селище Трубне, дім 10*; *квартал* – те ж саме, що й мікрорайон: *квартал 761, дім 1*; *ділянка* – те ж саме, що й мікрорайон, квартал: *4-та ділянка, дім 10*; *колонія* – те ж саме, що й селище; *відомчі квартали*: *3-ій ВГСО, дім 10, «МакНДІ, дім 10»* – це квартал 3-го воєнізованого гірничорятувального загону та містечко Макіївського науково-дослідного інституту з безпеки праці у гірничій промисловості.

Макіївка має досить нестандартне історичне утворення. Вона не розширювалася, «прирощуючи» маленькі райони до одного головного, а навпаки. Спочатку була велика кількість малих селищ, які поступово об'єднувалися і, нарешті, стали одним великим містом. Саме тому у Макіївці налічується багато вулиць з однаковими назвами.

Коли майбутня Макіївка, тодішня дрібна слобода Дмитрівська, що була названа за ім'ям сина графа Іловайського та розташовувалася біля стін металургійного заводу, тільки почала будуватися, її плануванням займалися спеціалісти, що приїхали з самого Санкт-Петербурга. Знаходили натхнення вони, як ми бачимо, у класичних зразках, тому ділили степ на клітини-квартали рівних розмірів, а вулиці розташували за компасом – з півночі на південь та із заходу на схід.

Тоді у моді була американська система – вулицям давали не назви, а номери, щоби легше було орієнтуватися, водночас іноземні лексеми *street* та *avenue* змінили на російські слова – *проспект* та *лінія* (як і на Василівському острові у Петербурзі). Приблизно у той же спосіб прокладалися вулиці у Донецьку та Луганську. Тільки у Макіївці, на

відміну від інших міст, номери йшли у протилежному напрямку: лінії з півдня на північ, а проспекти – зі сходу на захід.

Ще у довоєнний час усі лінії та проспекти отримали власні імена, головним чином, на честь партійних ватажків, знаменитих льотчиків та героїв громадянської війни. Наприклад, дев'ята лінія мала назву *вулиці Хрущова*, двадцять друга лінія – *вулиці Байдукова*, одинадцятий проспект – *вулиця Сталіна*, десятий проспект – *вулиця Ворошилова*, шостий проспект – *Молотова* і та ін. Але у побуті цими назвами ніхто не користувався, віддаючи перевагу звичним лініям та проспектам. «Правильні» імена вулиць можна було побачити хіба що у офіційних списках виборчих ділянок. Після XX з'їзду КПРС (1956) та викривання «культу особистості» прокотилася хвиля перейменувань, але багато назв, які не суперечили лінії, що змінилася у черговий раз, збереглися і до нашого часу, наприклад, *вулиці Островського, Крупської, Конструкторська*.

Зараз найбільш відомі лінії та проспекти мають такі назви: Шоста лінія – *бульвар Горбачова*; Восьма лінія – *вулиця Московська*; Дев'ята лінія – *вулиця Плеханова*, також *Трамвайна* (раніше тут розташовувалося центральне трамвайне кільце); Десята лінія – *вулиця Шевченка*; Дванадцята лінія – *вулиця Театральна* (раніше мала назву *вулиці Ста Вісімнадцяти Полеглих революціонерів*); П'ятнадцята лінія – *вулиця Дзержинського*; Двадцять друга лінія – *вулиця Менделєєва*; Двадцять восьма лінія – *вулиця Горького*; Тридцять перша лінія – остання – *вулиця Карла Лібкнехта*. У минулі часи тут закінчувалося місто, тому закінчувалася й нумерація.

Цікавою також є історія назв проспектів Макіївки: найзахідніший – Шістнадцятий – нині *вулиця Героя Радянського Союзу Бориса Панченка* (раніше вона мала назву *вулиці Другої П'ятирічки*); Чотирнадцятий проспект – *вулиця Бабаріна* (на ньому закінчувалося Донецьке шосе); Одинадцятий проспект – *вулиця Донецька* – одна з головних магістралей міста; *Вулиця Леніна*, яка завжди була центральною – це Дев'ятий проспект.

Система ліній та проспектів почала виходити з ужитку на початку / 60-х років. Забудова тоді велася великими блоками, для яких старі нарізані квартали були замалими. Крім того, адреси на кшталт *11-ий проспект, 11-а лінія, дім 77* були важкими для запам'ятовування. У міській газеті у той час з гордістю писали, що «безлиці номери вулиць змінили на імена знаменитих людей». Але у побуті вони вживалися ще років десять, а деякі, найпопулярніші вулиці, мешканці міста донині називають за номерами.

Адресна система міста є, мабуть, найскладнішою у Донбасі. Назви вулиць, що повторюються, є проблемою не лише Макіївки, але тут кількість назв, що дублюються, є дуже високою. 157 вулиць Макіївки повторюються двічі, шістдесят п'ять – тричі. Існують вулиці, назви яких повторюються чотири рази (12) та п'ять разів (8). Незмінними лідерами є вулиці Кірова, Леніна, Пушкіна, Фрунзе. Усі ці назви зустрічаються більше п'яти разів. Імені Пушкіна, наприклад, цілих шістнадцять разів. Кірова – дванадцять разів. На другому місті: імені Артема, Крупської, Шевченка. Назва Степової вулиці повторюється у різних районах Макіївки вісім разів. Вулиця Октябрська – повторюється шість разів. Всього в Макіївці налічується двісті тридцять чотири вулиці з назвами, що повторюються.

Плутанини до адресної системі привносить розповсюджене повторення не лише назв вулиць, але й номерів будинків на одній вулиці, а також дробова нумерація будинків. номери будинків можуть розташовуватися за принципом зростання, а потім знову починатися з першого номеру; прикладом є вулиця Депутатська – після будинку під номером сто п'ятдесят вісім – дім два, а після будинку сто сімдесят три – дім сто п'ятдесят сім.

На початку дев'яностих років у Макіївці почалося масове перейменування вулиць, особливо це заторкнуло селище Ханжонкове. У більшості випадків ці перейменування носили лише епізодичний характер, і кілька місяців потому вулицям повертали попередні назви, що знаходить підтвердження у паспортах та інших документах мешканців. Немає

відомостей, де саме ці назви були знайдені винахідниками електронних карток, але в різних онлайн-мапах (Гугл-мапи, Яндекс-мапи) багато вулиць мають помилкові назви.

У Макіївці налічується двадцять дві площі та тисяча сімсот вісімдесят сім бульварів, проспектів, вулиць, провулків. У їхніх назвах відображаються визначні події з життя міста або імена видатних людей, чи людей, що мають певне місце в історії міста.

За граматичною ознакою назви вулиць можна поділити на такі групи: 1. Назви-іменники: а) виражені конкретними іменниками: *Акопяна, Комінтерна, Будівників, Механізаторів*; б) виражені абстрактними іменниками: *Праці, Миру, Дружби*; в) виражені іменниками в однині: *Антонова, Праці, Аврори*; г) виражені іменниками у множині: *Металістів, Дружби, Архітекторів*. 2. Назви-прикметники: а) виражені якісними прикметниками: *Нова, Світлий (провулок), Зелена*; б) виражені відносними прикметниками: *Авіаційний (провулок), Ботанічна, Весняний (провулок), Млиновий (провулок), Лісова*.

При цьому назв вулиць, виражених прикметниками, набагато більше, аніж назв, що виражені іменниками. Крім того, у назвах вулиць можуть виступати іменниково-числівникові конструкції: *Восьмого Березня, Восьмого Вересня, Дев'ятого Січня*.

Отже, при дослідженні назв вулиць міста Макіївки, їхніх старих забутих назв та нових, сучасних, ми ще раз впевнилися у тому, що історія назв вулиць – це, передусім, історія життя його мешканців, історія розвитку міста. Перспективи нашого дослідження пов'язані з вивченням структури назв вулиць Макіївки.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Жиловец Ю. Восьмая линия, Девятый проспект...: (Топонимы Макеевки – история улиц города) / Ю. Жиловец // Донецкий кряж плюс. – 2006. – 13–19 окт. – № 38. – С. 7.

2. Макеевка : Справочник / Сост. Я. Т. Губенко, В. С. Шептуха. – Донецк : Донбас, 1981. – 152 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 199 с.
4. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // А. М. Селищев. Избранные труды. – М. : Просвещение, 1968. – С. 45–96.
5. Суперанская А. В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы города Москвы / А. В. Суперанская // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. – М. : Наука, 1964. – С. 119–134.
6. Хапланов М. В. Макіївка. Історія міста (1690 – 1917) / М. В. Хапланов. – Донецьк : Промінь-Алан, 2006. – 384 с.

Г. В. Ємельяненко, О. В. Мороз

СУГЕСТИВНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ ІЗ КОМПОНЕНТАМИ-КОЛОРАТИВАМИ

Актуальність дослідження сугестії на сьогодні не викликає жодних сумнівів. Феномен сугестії привертає увагу багатьох сучасних дослідників, причому як вітчизняних, так і закордонних, серед яких Р. В. Агаджанян [1], Г. В. Антонова [2], М. О. Белова [3], Л. В. Бутильська [4; 5], Т. П. Волосюк [6], М. А. Одинцова [9], Н. Д. Суботіна [11; 12] та ін. Особливої уваги заслуговує сугестивний потенціал колоративів: цей тип лексем наділений непересічним експресивним та асоціативним потенціалом. Водночас фразеологічні одиниці із лексемами-колоративами як вербальні реалізатори сугестії досі лишаються інформаційною лакуною у сфері філології.

Об'єктом дослідження є сугестивний потенціал вербальних засобів української мови, а **предметом** – фразеологічні одиниці із компонентами-кolorативами (ФОКК).

Метою дослідження є аналіз сугестивних можливостей фразеологізмів, до складу яких входять колоративи. Відповідно, постають такі завдання: 1) встановити семантичну специфіку ФОКК; 2) дослідити граматичні особливості ФОКК; 3) окреслити оптимальні умови для якнайповнішої реалізації сугестивного потенціалу ФОКК.

Матеріалом дослідження стали ФОКК (34 фразеологічні одиниці, вживані в 190 текстових фрагментах різних стилів). Крім того, нами було проведено анкетування, учасниками якого стали студенти першого курсу філологічного факультету різних напрямів підготовки (усього 41 особа), за допомогою якого нам вдалося встановити окремі особливості сугестивного потенціалу ФОКК.

Аналізовані в роботі ФОКК представлені трьома **лексико-семантичними групами**: 1) фразеологічні одиниці з лексемами-кolorоназвами; 2) фразеологічні одиниці з лексемами на позначення масті тварини 3) фразеологічні одиниці з лексемами, що є назвами ступенів яскравості кольорів. Також ми класифікували фактаж за концепцією В. В. Виноградова. Фразеологічні зрощення та фразеологічні єдності мають однаковий кількісний вияв на рівні аналізованих ФОКК – по 15 фразеологізмів (44,1 % фактажу); меншою є кількість фразеологічних сполучень – 4 фразеологізми (11,8 % фактажу).

Аналізований фактаж ми також класифікували за концепцією, запропонованою академіком В. В. Виноградовим, тобто виокремили **три групи ФОКК**: фразеологічні зрощення, фразеологічні єдності та фразеологічні сполучення (цит. за: [8, с. 72–74]).

Фразеологічні зрощення з лексемами-кolorативами. До фразеологічних зрощень належать такі стійкі сполуки слів, що складають

неподільну цілісність, а значення їх у сучасній мові зовсім не можна пов'язати з тими словами, що входять до самого висловлення (цит. за: [8, с. 73]). Серед аналізованих нами ФОКК до фразеологічних зрощень належать 15 фразеологізмів (44,1 % фактажу): *червоний півень / пустити червоного півня* (пожежа / підпалити щось), *прокатати на вороних* (забалотувати, провалити на виборах), *синій птах* (фортуна, успіх) тощо.

Фразеологічні єдності з лексемами-колоративами. Фразеологічними єдностями називаються такі стійкі і неподільні мовні вислови, загальне значення яких зв'язане з тими словами, що входять до їх складу, тобто більшою чи меншою мірою вмотивоване значенням складових частин висловлення (цит. за: [8, с. 73]). До цього типу фразеологізмів належать також 15 ФОКК (44,1 % фактажу). Наприклад, вислів *обіцяти золоті гори* означає знаджувати неймовірними обіцянками, тобто у самій ФОКК є компонент *обіцяти*, тісно пов'язаний із загальним значенням усієї конструкції; вислів *золотий вік* означає період благополуччя, заможності, а слово *золотий*, окрім значення кольору, коштовності чи матеріалу, передає й значення заможності.

Фразеологічні сполучення з лексемами-колоративами. Фразеологічними сполученнями є такі стійкі мовні звороти, які характеризуються певною самостійністю складових частин: одне слово у такому типі фразеологізмів становить ядро, а решта від нього залежить, його характеризує. Центральне слово фразеологічно зумовлене й не може бути замінене іншим; ті ж слова, які його характеризують, допускають заміну (цит. за: [8, с. 74].) До цього типу ФОКК належать лише 4 фразеологізми (11,8 % фактажу). Наприклад: *на чорну годину* (пор. *на скрутну годину, на лиху годину, на важку годину* тощо), *чорна душа* (пор. *темна душа, лиха душа, зла душа*).

Щодо **морфологічної специфіки** колоративів думки науковців розходяться. Так, наприклад, В. В. Желязкова, підтримуючи О. В. Коваль-Костинську, говорить: «Колоративи – досить чітко окреслена в мові група

прикметників, що позначають кольори. Ця група не замкнена, хоча, швидше за все, і не має явної тенденції до розширення. На її стабільність впливають ряд факторів, серед яких можна виділити як екстралінгвістичні (культурні стереотипи), так і власне мовні, семантичні» [7, с. 134]. Водночас інші лінгвісти до колоративів зараховують іменникові, прислівникові та дієслівні утворення. Наприклад, Г. Є. Прісовська розглядає дієслівні колоративи у творчості Олександра Олеся; принагідно дослідниця говорить іменникові, прикметникові та дієслівні кольороназви [10, с. 54].

Ми вважаємо, що поняття *колоратив* не варто обмежувати рамами одного класу частин мови, адже велика кількість слів, значення яких містить сему *колір*, не належить до іменників: *жовтизна, чорнота, блакить, зелено, біло, червоніти, посивіти, висріблити, золотити* тощо.

Серед проаналізованих нами ФОКК було виявлено 32 конструкції з колоративами-прикметниками, що становить 94,1 % аналізованого матеріалу: *білим світом нудити, розказувати сон рябої кобили, чорним по білому написано, червоною ниткою проходити* тощо. З колоративами-дієсловами виявлено значно менше ФОКК – усього 2 фразеологізми: *папір не червоніє* та *золотити пілюлю* (5,9 %). Колоративів-іменників ані у використуваних словниках, ані в досліджуваних текстових фрагментах ними не було виявлено.

Синтаксична специфіка ФОКК відбилася в таких кількісних показниках: у функції підмета колоративи виступають у 48 реченнях (25 % від загальної кількості аналізованих речень): *...але чомусь мені моя чорна душа підказує, що ніц з того не буде*; присудка – у 37 реченнях (19,2 %): *Говорити про відновлення ядерного статусу – це сон рябої кобили*; головного члена односкладного речення – у 15 реченнях (7,8 %): *Мерлін Монро. Худа? Пухка? Ні! Золота середина...*; означення – у 4 реченнях (2,1 %): *Саме ці рожеві окуляри дають нам життя в райдужних кольорах*; додатка – у 51 реченні (26,6 %): *А тут друг каже, що написав по роботі*

в Чехію, а там чех обіцяє золоті гори, але чех дуже дуже хоче 500 баксів зараз і 500 потім; обставини – у 35 реченнях (18,2 %): Після звернення за роз'ясненням в Покровський районний суд, суддя Яланський О.Г. виніс ухвалу, де чорним по білому написано, що Дуленку Ю.О. необхідно повернути попередні умови праці, в тому числі 6 бюджетних годин; вставленої конструкції – у 2 реченнях (1 %): Там, якщо це вже сталося, то перший раз ще пробачають (не беруть хабар), але всі показують на тебе пальцем (біла ворона); З яких сайтів інфа (провірені чи проста жовта преса)?

Ідея використання ФОКК у сугестивних текстах позитивно оцінюється мовцями. Результати опитування показали, що більшість мовців дійсно вважають вдалимі ті засоби навіювання, що містять фразеологізми з колоративами: 24 особи (58,5 %) з 41 опитуваного вважають оптимальним рекламний салоган із ФОКК; 23 особи (56,1 %) вважають вдалим ергонім, що містить ФОКК. Загалом ідею використання фразеологічних одиниць у рекламі вважають вдалою 36 осіб (87,8 %).

Найменшим сугестивним потенціалом за результатами анкетування виявилася ФОКК *всі кішки сірі*. Водночас потужний сугестивний потенціал властивий ФОКК *чорне діло*. Переважна більшість анкетованих обрала цю ФОКК для доповіді, метою якої є зменшити популярність паління серед молоді. Для доповіді, метою якої є популяризація читання, більшість обрала ФОКК *райдужні перспективи*. Обидва фразеологізми є оціночними (перший реалізує негативну оцінку, другий – позитивну) на відміну від менш популярного висловлення *всі кішки сірі*, котрий не оцінює, а навпаки – нівелює оцінку.

Встановлено, що позитивні емоції в найбільшій кількості опитуваних викликають ФОКК *зелена вулиця* та *золота середина*; негативні емоції – *чорна душа* та обіцяти *золоті гори*. Емоційна оцінка ФОКК поза контекстом відбувається здебільшого не на основі семантики чи аксіологічності окремих компонентів, а на основі семантики та

аксіологічності фразеологічної одиниці як смислового цілого. Наприклад, поза контекстом лексема *золотий* має позитивну конотацію (*гарний, дорогий, коштовний*), але, потрапляючи до складу ФОКК *обіцяти золоті гори*, лексема підпорядковується смислу єдиного структурно-смислового цілого, що має негативну конотацію (*вводити в оману, брехати, перебільшувати*).

Отже, при аналізі ФОКК важливо враховувати контекст та екстралінгвістичні обставини комунікативної ситуації. Найпотужнішим сугестивним потенціалом наділені фразеологізми, компоненти яких є багатозначними. **Перспективи** подальшого дослідження ми вбачаємо у вивченні тих ФОКК із лексемами-кolorативами, що не ввійшли в існуючі нині словники фразеологізмів, але вживаються сучасниками в розмовному, епістолярному та публіцистичному типах дискурсу; наприклад, *чорний піар, зелені гроші* тощо. Також у перспективі ми плануємо приділити увагу співвідношенню колірних моделей (адитивної типу RGB, субтрактивної типу СМУК), психології сприйняття кольорів та сугестивного потенціалу різноманітних ФОКК.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Агаджанян Р. В. Суггестивный характер современных англоязычных политических деловых медиатекстов: от образа к имиджу / Р. В. Агаджанян // *Lingua mobilis*. – 2013. – № 2 (41). – С. 65–81.
2. Антонова А. В. Речевое манипулирование : природа и нравственная сторона / А. В. Антонова // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2011. – № 1. – С. 174–183.
3. Белова М. А. Стилистические приемы в рекламном тексте как средство воздействия на ценностные ориентации аудитории / М. А. Белова // *Ценности и смыслы*. – 2010. – № 1. – С. 110–117.

4. Бутыльская Л. В. Заговоры и реклама: сравнительный анализ / Л. В. Бутыльская // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2010. – Вып. 2. – С. с. 91–96.
5. Бутыльская Л. В. Внушение как естественная предпосылка социальной регуляции поведения / Л. В. Бутыльская // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сборник статей I международной научной конференции (г. Чита , 20–21 апреля 2010 г.) / Ред. Н. Д. Субботина, В. В. Куликов. – Чита, 2010. – С . 46–53.
6. Волосюк Т. П. Феномен лжи в социальном взаимодействии / Т. П. Волосюк // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2009. – Вып. 142. – С. 173–175.
7. Желязкова В. В. Лексико-граматична класифікація фразеологізмів із колоративним компонентом в українській та російській мовах / В. В. Желязкова // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: «Лінгвістика». – 2010. – Вип. 12. – С. 134–137.
8. Жовтобрюх М. А. Курс сучасної літературної мови / М. А. Жовтобрюх, Б. М. Кулик. – К. : Вища школа, 1972. – 402 с.
9. Одинцова М. А. Психология жертвы. Сказкотерапия для взрослых / М. А. Одинцова. – Самара : ИД «Бахрах-М», 2010. – 240 с.
10. Прісовська Г. Є. Дієслівні *колоративи* у творчості Олександра Олеся [Текст] / Г. Є. Прісовська // Україністика 5 : Университет Палацкого в Оломоуце. – Оломоуц. – 2012. – С. 54–58.
11. Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе / Н. Д. Субботина. – М. : КомКнига, 2007. – 208 с.
12. Субботина Н. Д. Социально-философский анализ контрсуггестии / Н. Д. Субботина // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2008. – № 4. – С. 8–19.

Т. І. Герасимович, А. Є. Жуков

ОСОБЛИВОСТІ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ТВОРЧОСТІ ОСТАПА ВИШНІ

Українська фразеологія формувалася впродовж багатовікового історичного розвитку мовотворчості нашого народу, його зв'язків з іншими етносами. Фразеологізми (разом із іншими категоріями лексичних одиниць) найповніше й образно відображають матеріальне й духовне життя народу. Вони окреслюють не тільки предметну, а й естетичну інформацію: пробуджують уяву, викликають переживання у слухачів, прикрашають мову, передають дух народу. Фразеологізми вживають майже в усіх стилях мовлення, вони мають чітко виражене стильове призначення, яке залежить від наявності емоційного забарвлення.

Дослідженню проблеми функціонування фразеологізмів присвячено чимало наукових праць вітчизняних і зарубіжних мовознавців: В. Виноградова, С. Гаврина, Б. Антоненка-Давидовича, О. Демської, Н. Кірілкової, Ж. Колоїз, Л. Супрун, В. Ужченка, Л. Булаховського, Ф. Медведєва та ін.

Метою статті є вивчення проблеми використання фразеологічних одиниць у творчості Остапа Вишні. Джерельною базою дослідження стали «Мисливські усмішки» автора.

Фразеологія як наука – порівняно молода галузь. Досі існує розбіжність у поглядах мовознавців щодо предмету фразеології, її обсягу. Ось чому саме від з'ясування таких понять, як зміст фразеологічної одиниці, її найсуттєвіших диференційних ознак залежить вивчення фразеології в цілому, а також окремих її аспектів. Ідею про необхідність створення фразеології як самостійного розділу лінгвістичної науки обґрунтував ще у 20-х роках ХХ ст. Є. Поливанов, який вважав, що цей розділ «займе відособлену і стійку позицію (подібно до фонетики, морфології тощо) у лінгвістичній літературі майбутнього, коли

в послідовній постановці різноманітних проблем наша наука буде позбавлена випадкових прогалин» [3, с. 61].

У лінгвістиці відомо понад двадцять визначень фразеологічної одиниці, але жодне з них не знайшло загального визнання. Деякі вчені вважають, що визначення фразеологічної одиниці таке ж складне, як і визначення слова. Наприклад, О. Шахматов називав фразеологізми нерозкладними сполуками, які складаються з двох або кількох слів, становлять собою граматичне ціле, але виступають у такій формі, що виключає можливість визнати їх взаємну залежність і не дає також можливості визнати яке-небудь із них самостійним членом речення [1, с. 9].

О. Білодід дає таке визначення: «Фразеологічною одиницею, звичайно, називають лексико-граматичну єдність двох і більше нарізно оформлених компонентів, граматично організованих за моделлю словосполучення чи організованих за моделлю словосполучення чи речення, яке, маючи цілісне значення, відтворюється в мові за традицією, автоматично» [5, с. 44]. На думку М. Жовтобрюха, фразеологічними одиницями слід називати стійкі словосполучення, що сприймаються як одне ціле, як єдиний вислів або мовний зворот, неподільний на окремі частини без втрати його значення [5, с. 45].

Предметом вивчення фразеології, на думку Л. Скрипник, є стійкі сполучення двох і більше слів, що створюють семантичну цілість і відтворюються у процесі мовлення як готові словесні формули» [4, с. 50]. Поділяючи повністю думку Б. Ларіна про те, що в основі кожної фразеологічної одиниці лежить метафоризація, Г. Шило підкреслює: «Фразеологічна одиниця, або фразеологізм – це таке стійке словосполучення, яке виникає в результаті його метафоризації – семантичного оновлення його компонентів» [1, с. 42]. Отже, основною ознакою фразеологізму визначається метафоризація, поява нового значення, що часом не має нічого спільного із значенням складових слів-

компонентів виразу. Отже, фразеологізм – це відтворюване, цілісне за значенням, стійке за складом і структурою словосполучення.

На думку відомого поета М. Рильського, Остап Вишня – «справжній мисливець, і притому поет полювання». Особливість таланту письменника, що розкрилася в оповіданнях, усмішках, фейлетонах циклу «Мисливські усмішки», полягає в умінні поєднати гострий сарказм і м'який гумор з глибоким ліризмом, поетичністю в осягненні світу, ніжністю у ставленні до природи.

Слід підкреслити, що видатний гуморист Остап Вишня широко використовував у своїх творах багатство української мови, зокрема фразеологічні одиниці. Лексичні повтори та фразеологізми – дуже поширені й улюблені мовні засоби Вишні. Особливо насиченими фразеологізмами є «Мисливські усмішки» Остапа Вишні. Письменник вживає такі фразеологізми, як: *робити стойку, сидіти на хвості, брати на мушку, стояти нагону, піднімати звіра, вечірня зоряка, стояти на тязі*.

Розмовну лексику і фразеологію можна вважати основою творів неперевершеного майстра українського гумору й сатири Остапа Вишні. Вона є органічним компонентом мовної палітри письменника і одним з важливих чинників незрівняної гумористичної сили творців цього видатного українського майстра слова. Для ілюстрації сказаного наведемо такі приклади: *От подивіться і скажіть, який із цих колгоспів матиме сало, а який із них, замість сала, плямкатиме губами, дивлячись, як перший їстиме сало?* («Кукурудза і сало»); *Що ж вам іще сказати? Знайти найголовніш «Не святі горшки ліплять», «Захочете навчитися писати фейлетони, навчитесь, бо, ще раз підкреслюю, навчитися можна!»* («Отак і пишу»).

Переважна більшість фразеологізмів вживається у творах відомого українського гумориста в переносному значенні, але разом з тим вони зберігають і пряме значення.

Нижче розглянемо детально окремо взяті фразеологічні одиниці, які представлені у творах цього письменника.

Фразеологізм *Подумаєш – Америка!* вживається автором на позначення «відкриття». В даному випадку чітко прослідковується своєрідна насмішка автора з тієї ситуації, про яку йде мова.

Іншою фразеологічною одиницею є *Це вам не «фунт ізюму»*. У значення цього фразеологізму закладений зміст «не дрібничка».

Слід відмітити, що Остап Вишня неодноразово використовував у своїх гумористичних творах навіть фразеологізми – ситуації-прислів'я та приказки. Прикладами такого виду фразеологічних одиниць можуть служити зокрема наступні: *І дома, мовляв, і замужем; Гуртом, панове товариші, добре й батька бити; Обіцянка, як кажуть, цяцянка, а дурневі радість*. Особливістю цих трьох фразеологізмів, які одразу виступають в якості ситуацій-прислів'їв, є те, що письменник до їхнього складу ввів вставні слова та звертання такі, як: *мовляв, панове товариші, як кажуть*. Введення до складу усталених фразеологізмів таких слів та словосполучень інтегрує фразеологічні мовні одиниці до розмовного мовлення. При цьому подібні прислів'я краще сприймаються читачем і, водночас, достатньо влучно передають прагматичне навантаження, закладене письменником у творі.

До вищезазначеного типу фразеологізмів належить також наступна фразеологічна одиниця: *Що ж ми, в бога теля з'їли, чи що? І ми на конкурс!* До цього типу відносимо також фразеологізм *«Поспішиши – людей насмішиши»*, який зустрічається у творах Остапа Вишні.

Слід також зазначити, що доволі часто письменник у своїх творах навіть змінює фразеологізми, пристосовуючи їх до ситуації, тоді виникає каламбур: *...волосся подралося дубом, не трать, куме, сили, сидить уже на дні*.

У багатьох випадках письменник змінює і пристосовує ситуацію фразеологізму до визначеного контексту твору. Так, приказку *Дивні діла твої, господи!* зустрічаємо у таких варіантах: *Дивні діла твої, хіміє, Дивні діла африканські*.

Крім того, Остап Вишня досить часто зміщує прислів'я у контексті, вдається до повного перефразовування фразеологізмів: *Краще сім раз горіти, як один раз удівіти, А далі ми собі лежимо, а справа йде, як біля бабиного воза.*

В одному з творів письменника зустрічаємо також наступний вислів: *Був сторож, і його як язиком злизало.* До його складу входить усталений фразеологізм *як язиком злизало*. Майстер гумору надає нового звучання і крилатим висловам, змінюючи їх відтінки у значення: *Голос народу – голос божий, Вашими устами глаголить сама істина, Людина – я! Вільна! З усіма рівна. Не тіль забутих предків, а людина.*

Остап Вишня доволі часто вживав фразеологічні одиниці, надаючи їм своєрідного гумористичного відтінку. Викликають сміх рядки гуморески про формування «класової свідомості», особливо вживання автором суспільно-політичних термінів поряд з просторічним фразеологізмом: *Правда, неясна якась ще тоді була в мене класова свідомість. З одного боку – цілував барині ручку, а з другого – клумби квіткові їй толочив. Чистий тобі лейборист. Між соціалізмом і королем вертівся, як мокра миша.*

Письменник, досконало володіє усіма засобами творення комічного. Це змішування «високого» та «низького» стилів; використання займенників середнього роду та дієслів у третій особі однини стосовно людини; іронія, вульгаризми, жартівливі народні прислів'я та приказки, комічні ситуації та події; застосування політичних та наукових термінів для зображення побутових явищ, повтори, підтекст. Наприклад, жартівливі прислів'я, приказки, фразеологізми: *яка тебе лиха година... потягла, куди дірка дівається, як бублик їдять, як муха дише, велика... цабе, роззявити рота, хай воно йому сказиться!, собача тропка, душа в штанях, як мокра миша і подібні.*

У творі письменника «Усипка, утечка, усушка й утруска» зустрічається поняття – *утечка*, яке пояснюється Остапом Вишнею дуже дотепно, через омонімічні корені слів *тікати* і *текти* (*витікати*), приказки та фразеологічні звороти (*конем не наздоженеш, лиха личина, собака-цукач не наздожене*) та інші комічні засоби.

Іншим твором Остапа Вишні, в якому представлені фразеологічні одиниці, є «Зенітка». Неповторний народний колорит гуморесці надають часто трансформовані автором фразеологізми, прислів'я та приказки: *по вітру розвіяв, щоб і сліду не було, один як палець, за хазяїна правити, чоловіче божий, війна – ... рідне дело, медом частувати, іродові душі, царство небесне і подібні.*

Також в Остапа Вишні зустрічаємо усталений фразеологізм *триста років* у наступному уривку з твору «Пісочок»: *Ми триста років і внутрішніх і зовнішніх... триста років под нозі всякого врага і супостата.* Можемо відзначити, що використання цього фразеологізму вжито для того, щоб підкреслити вагомий вік особи, про яку йде мова у конкретному творі. Досить часто у своїх творах Остап Вишня вдавався до обігрування фразеологічних мовних одиниць. Це може проілюструвати побудована на обігруванні фразеологізму і його компонентів усмішка Остапа Вишні «Ой ви, коні, коні воронії». Ось деякі контексти: *Далі, коли наблизились вибори., в справу «вплутались» вороні коні-огоні, на яких з висвистом і прокатили виборці Петра Сидоровича!; Вороні коні – то нещастя!; – Хай бере вороних!.. Його тепер до обиради обрали! Хай бере!*

Із вищезазначених прикладів видно, що базою фразеологізмів, які зустрічаються у творах Остапа Вишні, є усталені національні та навіть фольклорні звороти, які він піддавав обробці, додаючи введені фрази або навіть перефразовуючи. В одних випадках має місце лише зміна графічної чи фонетичної форми, а в інших навіть зміна семантичної структури разом з зміною відтінків значень. Крім того, Остап Вишня сам створив ряд комічних виразів таких, як: *дідів прогноз, самостійний смітник, екіпіровка мисливця, доісторичний інструмент* та багато інших. Деякі з них навіть стали вживатися в певних колах суспільства.

Отже, фразеологізми – це невичерпні мовні джерела, які живлять мовлення будь-якої стильової зорієнтованості. Фразеологізми наповнюють мовлення глибинною свіжістю, надають йому художнього звучання, лексичної й синтаксичної витонченості, довершеності. Вони фіксують

найтонші відтінки думок, почуттів, найрізноманітніші якості мовлення людей, надають йому виразності, національного колориту. Скарбниця фольклору, що, за влучним визначенням Максима Рильського, є «вірним дзеркалом народного життя, правдивим; літописом історичних подій», зберігає великий фразеологічний фонд, викликаний до життя певними історичними обставинами, вікопомними подіями.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Авксентьев Л. Г. Сучасна українська мова. Фразеологія : Навч. посібник для студ. філолог. фак-тів / Л. Г. Авксентьев. – 2-е вид., доп. і перероб. – Харків : Вища шк., 1988. – 134 с.
2. Вишня О. Мисливські усмішки / О. Вишня. – Донецьк : БАО, 2008. – 288 с.
3. Сучасна українська літературна мова. Лексика і фразеологія / Ред. І. К. Білодід. – Наукова думка. – К. : Наукова думка, 1973. – 439 с.
4. Ужченко В. Д. Українська фразеологія : Навч. посібник / В. Д. Ужченко, Л. Г. Авксентьев. – Харків : Основа. – 1990. – 167 с.
5. Щербань Н. П. Про один із засобів контекстуального перетворення фразеологізмів / Н. П. Щербань // Мовознавство. – 1975. – № 4. – С. 41–45.

Ю. Ю. Жуков

(*научн. рук. – доктор филол. наук, проф. И. А. Герасименко*)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘ЗАКОН’ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Термин *концепт* пришёл в лингвистику, культурологию, а затем и лингвокультурологию из логики и математики. Лингвокультурный концепт является ключевой единицей современной лингвокультурологии.

Согласно исследованиям В. И. Карасика, жизненный опыт в коллективном и индивидуальном сознании систематизируется в соответствии с

определенными ориентирами, которые обусловлены личной и совокупной деятельностью, направленной на освоение внешнего и внутреннего мира. Язык при этом выполняет роль концентрата информации. Содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код – систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание. Единицами лингвокультурного кода являются концепты [4, с. 149–150].

Исследования, изучающие взаимообусловленность языка и культуры, исходят из того, что в отношении друг к другу язык и культура прежде всего представляются факторами взаимного развития и существования. Под культурой в данном случае понимается «широкое социальное естество общества, отражающее в своём зеркале все поверхностные и глубинные процессы, происходящие в данном обществе» [8, с. 6]. Культура может выступать одним из мотивирующих факторов как развития, так и существования языка. С другой стороны, и сам язык выступает в качестве мотивирующего фактора существования, развития культуры в широком понимании этого слова [8, с. 4].

Лингвистическая теория концептов активно разрабатывается в современной науке о языке. Можно говорить, что в ней получает развитие теория семантики и лексико-семантических полей. В рамках этой теории реализуются два важнейших направления – лингвокогнитивное и лингвокультурологическое. С точки зрения лингвокогнитивного подхода выявляются способы языкового представления переживаемого опыта, в рамках второго направления в поле зрения исследователей оказывается этнокультурная или социально-групповая специфика осмысления такого опыта.

Изучение лингвокультурных концептов направлено на выявление характеристик языкового освоения действительности. Концепт представляет собой квант переживаемого знания, соединяющий в себе

индивидуально-личностные и культурно-групповые смыслы [6] и включающий понятийное, образное и ценностное измерения [3].

Для исследования конкретной культуры целесообразно выделить важнейшие ее концепты, которые составляют ядро и отражают определенный способ восприятия и отношения к явлениям окружающей действительности [6]. Конечной целью таких исследований должно стать систематическое представление о порядке мироздания глазами представителей лингвокультуры, составление полной когнитивной картины мира. В нашем исследовании описывается концепт 'Закон' в русской лингвокультуре с его особенностями в смысловом наполнении и передача этих смыслов средствами языка.

Концепт 'Закон' является культурной константой, постоянно присутствующим, относительно устойчивым ментальным образованием. Релевантными признаками концепта 'Закон' в русской лингвокультуре выступают: 1) согласие, 2) кодифицированная норма поведения, санкционированная государственной властью, 3) неписаная, но строго соблюдаемая норма поведения, продолжающая вековые традиции, 4) запрет, 5) обязанность, 6) дозволение, 7) источник права. Отличия наивно-языкового представления концепта 'Закон' в западноевропейском (английском, немецком) языковом сознании заключаются в понимании закона как гаранта свободы, установленной нормы, в русском языковом сознании – как предела, ограничителя свободы.

'Закон' является одним из значимых концептов, который влияет на мировосприятие человека как носителя лингвокультуры и регулирует его социальное поведение. В сознании людей концепт ассоциируется с идеей нарушения закона и оценкой его соблюдения (недостаточное, чрезмерное соблюдения закона; ср.: *следовать букве закона, закон не писан*). Также важным моментом является функционирование закона, как бы самостоятельно, «отдельно» от людей, которые заботятся о его вступлении в силу и дальнейшем исполнении. Эта особенность закреплена в языке и реализует-

ся, например, в сочетаниях *закон требует, закон обязывал, закон якобы ограничит свободу слова, закон четко определяет клевету, в России действует антитабачный закон, на практике закон часто не работает* и т.д.

Анализ семантики и этимологии имени концепта может также дать представление о его смысловом наполнении. В словаре В.И. Даля слово *закон* понимается как «предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти» [2]. В соответствии с данными этимологического анализа в русской лингвокультуре слово *закон* восходит к *конь* – «начало» и «конец», сначала, вероятно, *кол, столб* (который служит, например, для разграничения земельных участков). От того же корня **kon-* // **ken-* происходит «возникать, начинаться; начинать, положить начало чему-либо» и глагол *seti* «начать», который путем префиксальной трансформации отразился в русском глаголе *на-чать* [7, с. 75]. Как видим, этимология и внутренняя форма отсылают к идее о законе как об ограничении свободы.

Следует отметить, что концепт 'Закон' существует в трех различных сферах, в силу чего семантика его имени имеет три основных компонента: закон юридический (об уголовном, административном правонарушении); закон моральный либо духовный; закон науки, природы. В силу своей социокультурной значимости нас интересуют способы вербализации первого компонента данного концепта и его взаимосвязь со вторым компонентом [6, с. 427].

Государственные законы в значительной степени опираются на нормы морали, то есть на некодифицированную форму регулирования социокультурных отношений. Нормы морали находят отражение в поступках людей и реакции на них. При этом типичные реакции закрепились в виде пословиц, афоризмов, фразеологизмов и других устойчивых выражений, а также в сжатой форме отобразились в значениях слов [5, с. 81]. Анализ лексикографических и справочных источников по русскому языку показал, что фразеологизмы, в форме которых зафиксировано имя исследуемого

концепта, в большей степени получают негативную эмоциональную окраску: *закон не писан; закон, что дышло; драконовские законы* [1, с. 233–235]. Такое отношение может быть связано с традиционно низким уровнем исполнения законов, их несовершенством и несоответствием современным условиям жизни. Однако, с другой стороны, в русской лингвокультуре закрепились также образцы почтительного и уважительного отношения к законам: *неписанный закон, по закону, закон есть закон* [6; с. 165].

Наибольшей почитаемостью обладают правовые нормы, которые основываются на нормах морали, закреплённые в памяти, сознании народа. В качестве примера репрезентации концепта ‘Закон’ выступает сфера регулирования супружеских отношений. Вступление в брак обозначается выражением *принимать / принять закон*, развод – сочетанием *разбить закон*, прожить жизнь в одном браке – *жить в одном законе* [5, с. 242–243]. То есть, законом регулируются почти все межличностные и гражданские отношения. Такие противоречия могут быть признаком неоднородности, а порой и несовершенства законных норм и требований. С другой стороны, вариативность отношений к такому социальному явлению, как закон свидетельствует о постоянном развитии общества, об изменениях в национально-культурном и общественном сознании носителей русского языка.

Анализируя тексты публицистического стиля, можно сделать выводы о функционировании исследуемого концепта в современной русской речи, в современной лингвокультурной ситуации (ЛКС). Следуя за В. М. Шаклеиным, под ЛКС мы будем понимать совокупность экстра- и интралингвистических факторов развития лингвокультуры на определенном этапе [8]. Полученные данные позволяют сказать, что в современной речи имя концепта ‘Закон’ не часто используется в составе фразеологизмов и поговорок. Этому может способствовать то, что чаще всего речь идет о государственных законах. Употребление имени концепта связано с его возникновением и функционированием: *принятые законы, поправки в*

закон, подписать закон, придерживаться закона. Отдельно следует отметить большое количество примеров, в которых лексема *закон* функционирует в составе активных залоговых конструкций: *закон не позволяет, новый закон убьет незаконный игорный бизнес, вступает в силу закон, закон ... затрагивает лишь малую часть этой проблемы, закон не запрещает.* Эти примеры использования активных конструкций демонстрируют осмысление закона, как ограничителя, как предела определённого действия, т.е. так, как это закреплено во фразеологии и паремиологии, только в пределах других коллокаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ : Хранитель, 2007. – 926 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа : <http://slovar-dalja.ru>.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 428 с.
5. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. – Т. 2 (Е–Муж) / М. Фасмер / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.

8. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация в современной России: монография / В. М. Шаклеин. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 156 с.

Ж. В. Зданович

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

РУССКИЕ ПАРЕМИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Интерес к паремиям в современной филологической науке обусловлен, на наш взгляд, многими причинами и в том числе попытками ученых выявить особую национальную специфику мировосприятия того или иного народа через его национальный язык. Паремии, под которыми мы понимаем народные речевые клише (пословицы и поговорки), в этом аспекте, без сомнения, представляют собой сокровищницу мудрости русской нации. Следует заметить, что проблема соотношения языка, действительности и сознания относится к самым сложным вопросам не только общего языкознания, но и философии, психологии, а также логики. Современными учёными в научный обиход вводятся такие понятия, как *паремиологическая картина мира* или *провербиальная картина мира* (от лат. *proverbium* – поговорка), под которой понимается реальность, фиксируемая человеком в виде определённой системы образов и объективируемая в паремиях. «Это совокупность различных по времени происхождения и различных по степени востребованности в современной речевой практике народных изречений, различающихся структурными и семантическими особенностями и объединенных рядом специфических признаков» [1, с. 244]. Паремиологическая картина мира рассматривается как инвариант языковой картины мира, который отражает синтезированную информацию и клишированные представления народа об окружающей действительности, предстает сжатым отражением социально-культурного опыта народа. Она исторически обусловлена, возникает в сознании

носителей отдельного языка и представляет собой своего рода следствие познания действительности, основываясь на сумме знаний представителей определенной нации. Паремиологическая картина мира – совокупность концептуальных знаний о реалиях окружающего мира и сумма ментальных клише (клише – «готовые, воспроизводимые единицы языка» [7, с. 213]). В. Н. Телия отмечала, что «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [8, с. 215]. В образности паремий проявляется культурная семантика; через образ можно изучать культуру, так как благодаря ему (т.е. образу) она проникает в пространство языка, и, наоборот, образ – «это своеобразное окно, через которое можно изучать культуру» [12, с. 115]. Можно утверждать, что культура служит своеобразным способом организации и развития деятельности, формируется в конкретных условиях, воспринимаемых в связи с особенностями национального менталитета. Такие представления формируют языковую и отдельно паремиологическую картину мира, которые обуславливают «не только специфику культуры, но и философских понятий, их многомерный, многоуровневый, подвижный характер, специфику логической структуры» [5, с. 284]. Представитель неогумбольдтианского направления в языкознании Л. Вайсгербер, например, считал, что в каждом отдельном языке представлен исключительный, своеобразный взгляд на мир. В работе «Родной язык и формирование духа» языковед отмечал, что язык «позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [3, с. 71]. Л. Вайсгербер выделяет пять существенных признаков языковой картины мира, присущих также и паремиологической

картине мира как её инварианту: а) словоцентризм (вербализация мира); б) системность (каждый язык отражает мир по-своему, соответственно системные связи одного языка отличаются от системных связей другого, однако целостность восприятия мира – особенность человеческого языка в целом); в) своеобразие; г) изменчивость (изменение членимости мира, либо переосмысление какого-то фрагмента восприятия мира в прошлом и настоящем. Количество слов увеличивается постоянно, и это связано с изменением и расширением знаний людей о мире); д) действенность (отношение языковой картины мира к познавательной и практической деятельности людей). По мнению американского лингвиста Б. Л. Уорфа, работавшего над вопросами соотношения языка и мышления, мы «расчлениаем природу <...> в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они <...> самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [10, с. 174]. На первых этапах жизни паремиологическая картина мира помогает носителю ориентироваться и адаптироваться в реальности, ведь современный человек осваивает уже существующую, созданную предшественниками картину мира, а не формирует её сам. С одной стороны, она навязывает носителям языка исторически сложившееся восприятие реальности, с другой же, – включает отражение их актуальных представлений. Актуальное представление человека о мире в наибольшей степени отражается в лексическом строе языка, который является самым подвижным и постоянно изменяющимся. В лексике отражается знание о том, как мир дискретизирован (лексика – универсальное средство дискретизации и передачи знания о дискретизации, лексическое значение отражает способность человека вычленять в своем практическом опыте новые свойства и связи

предметов, называть их своими именами). Основная единица в этом процессе – слово (поэтому Л. Вайсгербер выделяет словоцентризм в списке существенных признаков), словарный состав отражает результат членения предметной реальности в сознании человека. То, что вошло в человеческое сознание, в итоге связывается со словом. В первую очередь в номинативных значениях отражаются первичные знания об объектах физического мира, пространственных и временных характеристиках. Это – ядро языковой (и проverbsиальной) картины мира. В словах это представление сосредоточено в корневых морфемах, поэтому корневая морфема по праву считается основной «идееносной» морфемой. П. Я. Черных проводит интересную аналогию изменения словарного состава языка с подобием движения солнечной системы: «Центром притяжения и источником бытия лексической системы является основной фонд с его ядром – корневыми словами, с доисторическим словарным фондом. Разнообразные группы слов и лексические пласты, находящиеся за пределами основного словарного фонда, можно было бы сравнить с планетами» [11, с. 19]. Слова, как правило, многозначны. Наличие в слове семантических компонентов разных видов, то есть его семантическая структура, отражает представление носителей языка о связях референтов. «Ввиду того, что одна и та же реальность (ситуация) может быть обозначена разными языковыми средствами, нельзя говорить на языке, зная только его систему, – но знать нормы применения этой системы, согласно ситуациям и контекстам» [4, с. 79–80]. Усвоение семантической структуры слова неотделимо от формирования представлений о связях между референтами, знание о которых, об их осмыслении передается через различные связи слов и родо-видовые отношения, что свидетельствует об иерархичности мышления носителей языка. На формирование паремиологической картины мира существенно влияют семантические поля (ученые считают, что человек запоминает слова не по отдельности, а парадигмами и полями,

которые формируют у носителей языка представление о связях в мире между референтами), экспрессивные и модальные слова. Русский язык обладает богатым арсеналом лексических средств выражения языковой (и, в частности, паремиологической) картины мира, её своеобразия (безэквивалентная лексика, различие внутренних форм, называющих одни и те же реалии, неполные совпадения семантической структуры слов, соотносимых в своих исходных значениях, несовпадение коннотаций и др.). Паремиологическая картина мира находит отражение в грамматических категориях, это наиболее общее членение мира на предмет и признак, основное отражение отношений выявляется через грамматические категории частей речи (падеж, число; в глаголе – отношение субъекта и действия). В словообразовательных значениях выявляется классифицирующая и организующая деятельность человеческого сознания, которая отражается в объединении референтов в типы и классы, в производных словах находит отражение то, как был осмыслен и понят обозначаемый объект через связь с другим объектом. Словообразование создает известные стереотипы для обозначения каких-либо новых реалий, выделенных сознанием путём включения этой реалии в уже существующий раздел, помогает соединить новый опыт со старым (старый опыт – в производящем, новый опыт – в производном словах), помогает хранить опыт, зафиксированный внутренней формой слова, передавать его благодаря мотивированности производных слов.

В феномене паремиологической картины мира существует целый ряд проблемных вопросов. Исследователи, работающие в области паремиологии и фразеологии, отмечали, что, несмотря на оригинальность русских паремий, большая часть которых свойственна только данному языку и непереводаема дословно на другие, схожие единицы встречаются не только у родственных, но и очень дальних народов. Г. Л. Пермяков писал: «При всей своей специфичности сборники пословиц и поговорок самых разных

народов очень сходны друг с другом. Какой бы из них ни попал к вам в руки, стоит только его открыть, как вы тут же наткнетесь на знакомое изречение. При более внимательном чтении такие находки учащаются и наконец перейдут в систему» [6, с. 19]. Исследователи объясняют данный факт по-разному. В. Н. Телия видела в этом процессе влияние христианства [9, с. 7], Г. Л. Пермяков пояснял «сходство пословиц и поговорок этническим и языковым родством народов» [6, с. 19]. Не стоит, наверно, забывать и о различного рода заимствованиях, которые были обусловлены экономическими и культурными контактами представителей разных наций и общностей в разное историческое время. Важно понять главное, которое заключается в том, что паремиологическая картина мира определяет мировосприятие членов каждого «лингвокультурного» сообщества и что значения, выражаемые в языке, объединены в целостную систему взглядов, которые имплицитно присущи всему лингвокультурному кругу. И, как утверждал В. П. Аникин, клише, создаваемые веками, «не исчезнут, пока будет звучать русское слово» [2, с. 53].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособ. для учителя / В. П. Аникин. – М. : Учпедгиз, 1957. – 240 с.
3. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
4. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В. Г. Гак // Семантическая структура слова: психологические исследования. – М. : Наука, 1971. – С. 78–96.

5. Культура, человек и картина мира : сб. статей / АН СССР, Ин-т философии; отв. ред. А. И. Арнольдов, В. А. Круликов. – М. : Наука, 1987. – 349 с.
6. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
7. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 240 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
9. Телия В. Н. Что такое фразеология? / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 86 с.
10. Уорф Б. Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление [текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вступ. ст. и сост. В. А. Звегинцев. – М. Издательство иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 169 – 182.
11. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период: Учебное пособие. Изд. 2-е. / П. Я. Черных – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 242 с.
12. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – 144 с.

Д. О. Исмаилова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ «НЕИСТИННЫЙ» И «ПОХОЖИЙ НА...» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Актуальность исследования. Функциональный подход в лингвистике имеет давние традиции. В русском языкознании он берет начало в исследованиях А. М. Пешковского, М. М. Покровского, А. А. Потебни,

Л. В. Щербы, и находит дальнейшее развитие в концепциях А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, Б. А. Серебренникова, Ю. С. Степанова. Стержневыми понятиями функциональной лингвистики являются понятия семантической категории и функционально-семантического поля. По мнению В. П. Мусиенко, «функциональная лингвистика в наши дни – это преимущественно лингвистика семантических полей» [4, с. 5].

Возможность представления лексики в виде объединения частных систем слов обсуждалась уже в лингвистических трудах XIX века, например в работах М. М. Покровского. Элементы отдельного семантического поля связаны регулярными и системными отношениями. Семантические поля могут пересекаться или полностью входить одно в другое. Этим обстоятельством построения лексической системы в виде связанных семантических полей объясняется возросший интерес лингвистов к теории семантического поля (В. П. Абрамов, Л. М. Васильев, М. В. Всеволодова, Ю. С. Караулов, Н. Ф. Клименко, А. М. Кузнецов, Л. А. Новиков, А. В. Петров).

Объектом исследования является семантическая категория «неистинный». **Предмет** исследования составили средства выражения семантического инварианта «неистинный», который взаимодействует с семантическим инвариантом «похожий на...».

Цель исследования – изучить словообразовательные средства вербализации семантических инвариантов «неистинный» и «похожий на...», которые пересекаются в русском языке.

Научная новизна работы состоит в комплексном исследовании словообразовательных средств выражения семантического инварианта «неистинный» в русском языке и установлении его связи с инвариантом «похожий на...».

Функционально-семантическая категория подобия имеет полевою структуру. Средства выражения категории подобия зависят от принадлежности производного слова к той или иной части речи [5].

Так, в сфере имён прилагательных исследователи выделяют форманты *-подобный, -видный, -образный*, суффиксы *-оват-/-еват-, -овит- / -евит-, -ист-*, у наречий, например, конфикс *по- ... -ски-* [3; 5]. В именах существительных активными являются форманты *лже-, квази-, псевдо-* и др. [1; 2].

Препозитивные элементы *лже-, квази-, псевдо-*, соединяясь с именами существительными, сообщают им семантику неистинности, мнимости, фиктивности с оттенком отрицательной экспрессии: *лженаука, лжеискусство, псевдоучёный, квазизвезда*. Е. А. Земская отмечает особую активность этих аффиксов в языке конца XX века: «Актуальна для эпохи перемен и разрушения старого семантика неистинности, ложности, “ненастоящести”. Её выражает ряд формантов. Это прежде всего приставки *псевдо-* (греч. – лживый, мнимый) и *квази-* (лат. – якобы, будто), которые в ряде случаев сближаются по семантике, так как обозначают нечто ненастоящее... Русская приставка *лже-* наименее продуктивна в этой группе» [2, с. 115–116]. Однако свою активность форманты *лже-* и *ложно-* проявляют в терминологии. А. В. Петров отмечает взаимозаменяемость данных аффиксов и возможность появления их в одних и тех же позициях: *ложнолиственница* и *лжелиственница, ложнолопатонос* и *лжелопатонос* и др.

В период XIX–XX веков происходила конкуренция между префиксоидами *лже-, псевдо-, квази-* в сфере естественнонаучной и технической терминологии: между семантикой их производящих основ наблюдаются различия: формант *лже-* тяготеет к существительным, являющимися преимущественно терминами ботаники и зоологии (*лжеромашка, лжеяйцо*), а *псевдо-* – проявляет активность по отношению к существительным, называющим понятия из области медицины и химии (*псевдожелтуха, псевдоглухота, псевдокислота, псевдораствор, псевдожидкость*).

Большинство лингвистов считает перечисленные форманты префиксами. Так, Е. И. Голанова пишет: «Эти морфемы названы префиксами, так как они отвечают тем критериям, которые, на наш взгляд, определяют этот тип препозитивных единиц. К разряду именных префиксов мы относим независимо от происхождения (оно не существенно с синхронной точки зрения) препозитивные единицы с обобщенно-абстрактным значением, которые при образовании нового слова не меняют семантику производящей основы, а лишь уточняют её. Рассматриваемые морфемы (*лже-*, *квази-*, *псевдо-*) обладают указанными признаками» [1, с. 164]. Нас интересует употребление производных слов с данными формантами в сфере терминологии, где эти единицы передают значение подобия, пересекающиеся с категорией неистинности (*лжеакация*, *лжелиственница*, *лжетычинка*). Словообразовательное значение форманта можно сформулировать следующим образом: «похожий по внешним признакам на то, что названо мотивирующим словом».

Несмотря на семантическую близость формантов *лже-*, *квази-* и *псевдо-*, сфера их употребления значительно различается. Е. И. Голанова отмечает, что «первоначально (XVIII в.) морфема *лже-* встречалась в составе слов (преимущественно греческих калек), относящихся к узкому кругу церковной тематики. Позднее эта морфема закрепляется в естественнонаучной терминологии... и выступает как перевод элемента *псевдо-*, сообщая значение “похожий по внешним признакам”» [1, с. 172].

Сфера употребления префиксов *квази-* и *псевдо-* значительно шире. Е. И. Голанова объясняет это тем, что увеличивается в XX веке интернационализация терминологии наук (химии, физики, лингвистики, медицины и др.).

В начале 1990-х гг. отмечается активность форманта *псевдо-*. Несомненно, этому способствуют социальные причины: необходимость в обозначении неистинных, ложных, поддельных явлений, процессов, лиц, предметов. Производные с *псевдо-* выходят за пределы терминологии,

с помощью форманта начинают образовываться слова, преимущественно имена существительные, из сферы общекнижной лексики.

В заключении можно отметить, что морфемы *лже-*, *псевдо-* и *квази-* обнаруживают высокую продуктивность. Возможность использования данных морфем с одними и теми же основами говорит о тождественности их семантики. Рассмотренный материал показал близость семантики формантов *псевдо-*, *квази-* и *лже-* с инвариантами «неистинный» и «похожий на...». Характерной особенностью всех трёх препозитивных морфем является большая свобода в соединении с конкретным или отвлечённым именем, а также с именем лица для выражения подобия и неистинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голанова Е. И. Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке (на материале имен существительных с префиксами *квази-*, *лже-*, *псевдо-*) / Е. И. Голанова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М. : Наука, 1975. – С. 160–174.
2. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.
3. Лапшина О. А. Семантическая категория подобия в современном русском языке / О. А. Лапшина // Русская филология. Украинский вестник. – 2009. – № 2 (39). – С. 14–21.
4. Мусиенко В. П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке / В. П. Мусиенко. – М., 1997. – 249 с.
5. Петров А. В. Адъективные деривационные парадигмы с архисемой *похожий на ...* в русском языке / А. В. Петров // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – № 1–2. – Донецк, 2010. – С. 83–91.

Н. В. Козак

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)

**МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОНОМИНАЦИЙ ЛИЦА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА Н. В. ИСАЕВОЙ
«НОВЫЕ ЛИЦА НА РЫНКЕ ТРУДА»)**

Тот факт, что язык по своей сути динамичен, не оставляет сомнений. Естественным способом его существования является способность к развитию, которая помогает языковой системе совершенствоваться и обогащаться. Как известно, такие изменения особенно интенсивны и наглядны на лексическом уровне. Совершенствование лексики происходит в русле двуединого процесса архаизации и обновления словарного состава языка. Данная работа посвящена специфике обновления словарного состава языка.

В современном русском языке функционирует достаточно большой слой новообразований, называющих лиц по профессии, специальности или должности. Такие слова чаще всего используются в печатных СМИ, а также в сети Интернет, в частности на сайтах поиска работы. В объявлениях о поиске и предложении работы такие неонаименования лица появляются, адаптируются к грамматической системе принимающего языка и, таким образом, закрепляются в лексиконе. **Актуальность** выбранной нами темы обусловлена в первую очередь появлением большого числа неонаименований лица по профессиям, постоянным обновлением этой группы неонаименований, а также необходимостью изучения способов образования таких слов.

Объектом изучения настоящей статьи являются неонаименования лица, зафиксированные в словаре-справочнике Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» (М., 2012) [5]. Следует отметить, что данный словарь-справочник был разработан автором на основании анализа текстов рекламных объявлений, размещенных в печатных СМИ и на просторах

сети Интернет. Словарь включает 424 единицы, представляющие собой новые наименования лица по профессиям, специальностям и должностям.

Предметом анализа предлагаемой статьи являются денотативные типы и модели образования неономинаций лиц по профессиям, специальностям и должностям, зафиксированных в указанном лексикографическом источнике и являющихся или заимствованиями, или же дериватами на базе заимствованных слов или основ, но при помощи исконных аффиксов.

Для решения данной цели нами были поставлены такие конкретные исследовательские задачи:

1) установить, какие денотативные и словообразовательные типы лексики представлены в рассматриваемом словаре-справочнике и какова наполняемость этих типов (количественная и качественная);

2) методом сплошной выборки языковых единиц из словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда» сформировать фактическую базу исследования;

3) выявить в пределах анализируемого материала основные словообразовательные модели неономинаций лиц по профессиям;

4) провести анализ частотности употребления каждой из рассматриваемых неономинаций лица по профессии, специальности или должности путем установления их словоупотребления в русскоязычном фрагменте поисковой системы «Яндекс».

Как уже отмечалось, рассматриваемый словарь-справочник содержит 424 неономинации лица, которым дается толкование в рамках словарных статей. Все приведенные в анализируемом нами лексикографическом источнике слова можно разделить на 3 группы:

1. Неономинации лица, образованные от исконно русских корней или основ с помощью исконных аффиксов, а также неономинации, образованные с помощью семантической деривации на базе уже известных языку слов или словосочетаний (*заправщик*, *кукольник* “человек в специальном

костюме, привлекающий внимание покупателей”, *упаковщик на кассе, семейная пара* “персонал для работы в загородных домах, коттеджах, как правило, супружеская пара”). Таковых меньше всего – 29 слов, что составляет 7% от общего количества зафиксированных в словаре неономинаций лица.

Например: *Наибольшим спросом у молодежи пользуются следующие вакансии: промоутер, оператор ПК, курьер, упаковщик, продавец-консультант, сотрудник ресторана, сотрудник в офис, секретарь и др.* (Известия, 01.06.2006).

Например: *Семейные пары в дом для ведения домашнего хозяйства – это профессия в домашнем персонале, востребованная, прежде всего, москвичами, которые являются не только счастливыми обладателями недвижимости, но и обременены проблемами, неминуемо возникающими в процессе эксплуатации дома, усадьбы и т.п.* (<http://rabotniki-dom.ru/articles/useful/skolko-stoyat-uslugi-semejnoj-pary/>).

2. Неономинации лица, образованные на базе заимствованного слова, но с помощью исконно русских аффиксов (*пирсингист, парковщик, сушист, неонщик, маникюристка*). В словаре содержится 89 таких слов, что составляет 21%.

Например: *Японский деликатес сушист готовил из одной рисинки, а сверху укладывал микроскопический кусочек лосося* (Комсомольская правда, 01.08.2013).

Он должен тщательно проанализировать вашу анатомию, поэтому никогда не обращайтесь к пирсингисту, который будет подходить к вам, исходя из общих стандартов (<http://www.womenclub.ru/cosmetology/3261.htm>).

3. Заимствованные неономинации лица (*рерайтер, социобилдер, сейлз-ассистент, стартапер, фуд-стилист*). Заимствования составляют 72% (306 слов).

Например: *И одна из самых востребованных профессий в Интернете – профессия рерайтера* (<http://analytika.org/?p=1465>).

Вообще, если говорить коротко, то **фуд-стилист** – фотограф, «моделью» у которого является самая разнообразная еда (<http://www.vkuysno.ru/polesnoe/2750-fud-stilisty-obman-ili-iskustvo.html>).

Материалом настоящей статьи послужили 70 слов, полученных путем сплошной выборки из словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда», при этом для анализа в данном случае мы отобрали примеры, которые относятся ко 2 и 3 группам (42 единицы). Известно, что в русском языке существуют такие способы словообразования, как: суффиксация, префиксация, суффиксально-префиксальный способ, сложение основ, аббревиация, усечение основы. В ходе работы были выделены 2 группы слов, соответствующие наиболее употребительным словообразовательным моделям:

1) слова, образованные с помощью суффиксации (11 неонаминаций, что составляет 26%). Это такие неонаименования лиц по профессиям, как, например, *кальящик, рецепшионист, флаерщик, стендистка*.

Например: *Основная обязанность кальящика, конечно же — вкусно и быстро приготовить кальян* (http://pikabu.ru/story/o_rabote_kalyanshchika_922011).

Быть рецепшионистом не столь легко, как это кажется. Рецепшионист должен быстро делать несколько вещей одновременно (http://www.klinsky.ru/iandworld/objazannosti-recepshionista_2387.html).

2) слова, образованные путем сложения основ (31 слово, 74%). В качестве примера можно привести такие неонаименования лица, как *бизнес-тренер, бьюти-редактор, социобилдер, тревел-фотограф*.

Например: *Сегодня бьюти-редакторы продолжают делиться своими историями о том, как они попали на эту работу, что в этой работе есть такого, о чем сложно подумать изначально, и кем бы они, возможно, были, если бы не работали в бьюти?* (<http://time4beauty.biz/17277-beauty-talk-beauty-editor-story-part2/>).

Фактически **социобилдер** — это маркетолог, проводящий все время в сети: по заказу крупных компаний он создает на их сайтах — или на

каких-нибудь отдельных площадках — сообщество, скажем, любителей собак, сходное с ЖЖ-комьюнити, которое ненавязчиво спонсируется и контролируется производителем собачьего питания (http://pisarenko.at.ua/publ/neobychnye_professii_sovremennosti/5-1-0-47).

Также нами был проведен анализ частотности употребления слов из картотеки, который осуществлялся при помощи русскоязычного фрагмента поисковой системы Яндекс. Из собранного нами материала наиболее частотными являются такие неонаименования лиц по профессиям, как *блогер* (255 млн словоупотреблений), *клиент-менеджер* (67 млн), *линк-менеджер* (59 млн), *арт-директор* (38 млн), *тайм-менеджер* (36 млн). Все они относятся к заимствованным словам и пришли в наш язык из английского. Такая частотность неонаименований лиц по профессии указанного типа обусловлена экстралингвальными факторами: на употребительность того или иного слова влияет популярность и востребованность обозначаемой им профессии.

Например: *Mediajobs.ru попросил популярных блогеров Рунета рассказать о том, что представляет из себя работа блогера, считают ли они ее профессией, является ли она источником основного дохода, чем она отличается от работы журналиста, и что необходимо для того, чтобы сделать карьеру блогера* (<https://mediajobs.ru/expert-opinion/rabota-blogera-perspektivnaya-professiya-biznes-proekt-ili-svobodnoe-tvorchestvo>).

Три ведущих арт-директора поясняют, что представляет собой эта профессия, и предлагают несколько советов, как стать арт-директором самому (<http://virink.com/post/73259>).

Проведенный анализ позволяет сделать выводы об особенностях образования новых слов, а именно неонаименований лица по профессиям, в современном русском языке. На данном этапе развития лексической системы в этой денотативной сфере функционируют заимствованные неонаименования лица (и их большинство), слова, образованные на базе заимствований, но с привлечением русских аффиксов, а также исконно

русские слова. Однако частотность их употребления разная – наиболее распространены именно заимствованные неонаименования лиц, что еще раз подтверждает тенденцию к созданию межнационального лексического фонда в рамках межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосociологический аспект ; под ред. Г. Г. Инфантовой / О. Э. Бондарец. — Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2008. — 144 с.
2. Григоренко О. В. Неономинии лиц в аспекте современной лексикографии и неографии / О. В. Григоренко // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2010. – № 2. – С. 99–107.
3. Дащенко О. И. Лексические инновации в современном русском языке и их источники / О. И. Дащенко // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. – Днепропетровск, 2005. – С. 121–124.
4. Земская Е. А. Новое в лексике – новое в словообразовании / Е. А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Елец, 2001. – С. 6–9.
5. Исаева Н. В. Новые лица на рынке труда: словарь-справочник / Н. В. Исаева. – М. : Флинта, Наука, 2012. – 194 с.
6. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 142–161.
7. Лопатин В. В. Рождение слова: Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
8. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Учпедгиз, 1968. – 290 с.

Т. В. Королёва

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. В.И. Супрун)

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ АНТРОПОНИМОВ
(НА ПРИМЕРЕ Х. ЗИМНЯЦКОГО СЕРАФИМОВИЧСКОГО
РАЙОНА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Имена, отчества, фамилии, прозвища и псевдонимы называют антропонимами [2]. Они являются «ядром русской онимии» [7, с. 7]. Именно антропонимы, по мнению Л. М. Щетинина, наиболее полно отражают общественное сознание социума в разные периоды его развития в языке [8]. Антропонимия любого этноса, в том числе и субэтноса донского казачества, несёт в себе обширные сведения о разных сторонах и сферах его жизни.

Ономастическую систему донского казачества, как и русскую ономастическую систему, можно назвать трёхимённой: официально принятая система «имя + отчество + фамилия», выработанная при составлении официальных документов. В живой речи таковой её можно назвать условно, потому что в такой языковой ситуации казаки, равно как и другие группы русского народа, «пользуются различными одноимёнными и двуимёнными системами, сильно отличающимися от единой официальной» [6, с. 175].

При описании антропонимии донского казачества мы опираемся на классификацию фамильных антропонимов, представленную в книге Л. М. Щетинина «Русские имена (Очерки по донской антропонимии)». Личные имена у донского казачества включают в себя «традиционные имена старых календарей и месяцесловов, имена, заимствованные из других языков, а также новые имена» [8], которые были созданы в советский период. Фамилии, в отличие от личных имён, «располагаются в околядерном пространстве с разной степенью отдаления от ядра

в сторону периферии» [7, с. 8]. Они, как и другие виды онимов, обладают своей семантикой. Особенности этимологической семантики донских фамилий зачастую обусловлены происхождением от лексических диалектизмов [7].

Хутор Зимняцкий – старинный казачий хутор, ранее относившийся к Глазуновскому юрту Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского. Ныне он является муниципальной единицей Серафимовичского района Волгоградской области, расположен к северо-западу от областного центра. По данным сельского совета, его население сейчас составляет около 2 тыс. жителей. Антропонимы для анализа выбраны из телефонного справочника по Серафимовичскому району Волгоградской области и методом сбора в полевых условиях.

Среди донских казачьих фамилий можно выделить группы по семантике слов, от которых они произошли. Ряд донских антропонимов восходят к топонимам, говоря тем самым о том, откуда пришли на Дон переселенцы: *Подольский*, *Донецков*. Некоторые оттопонимические прозвания отражают историю переселения казаков в другие станицы и хутора Области Войска Донского. Так, фамилия *Кумылганов* говорит о том, что её носитель переселился из ст. Кумылженской либо из других населённых пунктов, расположенных рядом с р. Кумылгой. Отметим, что эта фамилия происходит от гидронима, образованного от тюркских слов *кум* ‘песок’ и *елга / илга* ‘влага, река’ [3].

Можно выделить фамилии-топографические ориентиры, которые привязывали своего первого носителя к каким-либо местным предметам, объектам. К примеру, *Забазнов* (от *баз* ‘скотный двор’ [4]).

Казачьи антропонимы отражают пёстрый этнический состав переселенцев, проживающих на Дону: *Мордовин*, *Калмыков*.

Донская антропонимия отражает социально-экономическую структуру Подонья в профессионально-должностных фамилиях. Занятия донских казаков, связанные с их мирной, гражданской жизнью,

в х. Зимняцком проявляются в таких фамилиях, как *Рожнов* < *рожон* ‘брус рожнатых саней’ [1] < *рожны* ‘приколы у саней’ [4], *Копылов* < *копыл*, *копылья* ‘бруски, вдолбленные в санные полозья’ [4], т.е. так именовались люди, изготавливавшие на продажу эти детали саней.

Издавна одним из основных промыслов казаков являлась охота. Охотников, которые жили в камышах и ловили добычу капканами и тенетами, называли *камышниками*, отсюда антропоним *Камышников* [8]. Перейдя к осёдлому образу жизни, казаки стали заниматься животноводством [8]. Прозвище *быкодор* ‘мясник’ послужило основой для образования фамилии *Быкодоров* [4].

От диалектных названий животных были образованы следующие фамилии: *Бирюков* от *бирюк* ‘волк’ или ‘сверчок’ [4; 5/1; 8, с. 24], *Ветютнев* < *витютень* ‘дикий голубь’ [4], *Чепурков* < *чапура*, *чепура* ‘цапля’ [4], *Дудаков* < *дудак* ‘птица дрофа’ [4], *Корсаков* < *корсак* ‘порода лис’.

О наличии группы фамилий, произошедших от прозвищ, основы которых восходят к диалектным наименованиям растений, вероятно, свидетельствует сохранившаяся в х. Зимняцком фамилия *Ситников* (от *ситники* ‘камышёвое растение’ [4]).

Некоторые антропонимы восходят к прозвищам, данным его носителю за какие-либо особенности внешности, поведения, характера. В донском казачьем антропонимиконе существуют фамилии-характеристики внешности: *Брунилин* < *брунеть* ‘жужжать (о мухе)’ [1], мы предполагаем, что прозвище было дано по сходству манеры речи его носителя с жужжанием насекомого; *Репников* < *репный* ‘с шероховатой, бороздчатой поверхностью’ [1], *Харахоркин* < *харахориться* ‘наряжаться’ [4], *Беляков* < *беляк* ‘светловолосый человек’ [1], *Чепурков* < *чепуриться* ‘наряжаться, прихорашиваться, наводить красоту’ [5/6]. В антропонимиконе х. Зимняцкого обнаруживаются прозвища и фамилии, которые характеризуют человека по внутренним качествам, особенностям харак-

тера, поведения, способностей. К этой группе можно отнести и следующие антропонимы: *Ветютнев* < *витючень* ‘неповоротливый человек’ [4], *Чепурков* < *чепура* ‘неловкий, неповоротливый человек’ [4], *Мызгин* < *мызгать* ‘бегать, ходить взад и вперёд без дела’ [5/3], *Толмачёв* < *толмач* ‘бестолковый человек’ [1], *Думчев* < *думчивый* ‘задумчивый, невесёлый’ [1], *Брёхов* < *брехать* ‘о людях – лгать, болтать пустое’ [4], а также ‘веселить, смешить, рассказывать забавные истории’ [5/1], *Тужилин* < *тужить* ‘жалеть’ [4].

В антропонимиконе х. Зимняцкого отмечена фамилия, которая по семантике связана с названием предмета гардероба, специфичного для изучаемого региона: *Кожухов* < *кожух* ‘овчинная шуба’ [4]. Судя по всему, этот предмет занимал большое место в жизни носителя фамилии, став изначально поводом для получения соответствующего прозвища [8]. На метонимической основе также возникла фамилия, произошедшая от местных названий домашней утвари: *Рогачёв* < *рогач* ‘ухват’ [4].

Не менее ценны для изучения проявлений этнокультурных особенностей донской казачьей ономастики антропонимы, восходящие к лексемам, называющим блюда местной кухни: *Калачёв* < *калач* ‘белый пшеничный хлеб вообще, обычно круглой формы’, ‘баранка, бублик’ или ‘витой хлеб из сдобного теста’, а также ‘хлеб, с которым идут свататься или подают во время свадебного пира’ [5/3], *Ковригин* < *коврига* ‘хлеб целый’ [4]. Вероятно, такие фамилии могли получить люди, занимавшиеся изготовлением и продажей названных кулинарных изделий.

Рассмотрим фонетические особенности донской казачьей антропонимии. В системе консонантизма донских казачьих фамилий функционирует следующая фонетическая черта, свойственная местным диалектам, – фрикативный [γ]: *А[γ]ацов*, *А[γ]афонов*, *Горбатов*, *Гордеев*, *Горина*, *Гри[γ]орьев*, *Коври[γ]ин*, *Мандры[γ]ин*, *Гуцин*, *Ро[γ]ожина*, *Сер[γ]еев*, *Гудков*, *И[γ]умнов*, *Пичу[γ]ин*, *Ла[γ]утин*, *Е[γ]оров*, *Гу[γ]няева*, *О[γ]нёва*, *Тор[γ]ашков* и проч.

Донские казачьи антропонимы характеризуются такой акцентологической особенностью, как перенос ударения на последний слог в фамилиях на *-ов*, например, *Давыдо́в, Игнато́в, Гаврило́в, Рудо́в, Дьяко́в, Кожухо́в, Дико́в, Корсако́в, Крупно́в, Фроло́в, Калмыко́в, Осетро́в, Панфило́в*.

В целом словообразовательная структура донских фамилий не обладает значительными отличиями от общерусской системы форм антропонимов, но, тем не менее, и здесь можно выделить некоторые особенности. По подсчётам Л.М. Щетинина, более 90 % донских фамилий образованы от прозвищ путём прибавления к нему формантов *-ов, -ев, -ин, -ын* [8]. Примеры антропонимов с такими формантами регулярно наблюдаются и в х. Зимняцком: *Автомонов, Евсеев, Бармин, Синицын* и др. Единичны случаи образования антропонимов на *-ий, -ый, -ой*, омонимичных прилагательным [8]. В рассматриваемом нами населённом пункте существуют фамилии, образованные только посредством прибавления форманта *-ий* – *Зарецкий, Подольский* и проч.

Характерными для донской деривационной структуры являются фамилии, образованные посредством форманта *-ск-* с добавлением фамильного суффикса *-ов* [8]: *Боярсков, Етерсков, Етеревсков*.

Отдельно выделяется группа фамилий, возникших в результате словосложения и антропонимической деривации [8]: *Белоусов, Быкадоров, Белоглазова, Карнаухов, Любибогов, Сухоруков*.

Таким образом, в антропонимиконе х. Зимняцкого чётко прослеживаются этнокультурные особенности семантики, фонетики и словообразования донских казачьих фамилий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. Словосочетаний / В. И. Дегтярев и др. – М. : Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. – 608 с.

2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : Учеб. пособ. / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Долгачёв И. Г. Язык земли родного края / И. Г. Долгачёв. – Волгоград : НВКИ, 1986. – 141 с.
4. Миртов А. В. Донской словарь : Материалы к изучению лексики донских казаков / А. В. Митров. – Ростов-на-Дону : ИИМСК, 1929. – 416 с.
5. Словарь донских говоров Волгоградской области / Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун. – Вып. 1–6. – Волгоград : Изд-во ВГИПК (ВГАПК) РО, 2006–2009.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
7. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : Монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.
8. Щетинин Л. М. Русские имена. (Очерки по донской антропонимии) / Л. М. Щетинин. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та, 1975. – 256 с.

М. П. Котенко

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

**РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИТИКИ КАК ЭЛЕМЕНТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)**

Среди многочисленных проблем, связанных с проведением целостного анализа художественного произведения, остаётся открытым вопрос о значении, цели и задачах осуществления лингвистического анализа, который становится особенно важным при установлении роли языка как «материала искусства слова» [2, с. 68]. Оценивая любое произ-

ведение с точки зрения единства формы и содержания, большинство исследователей утверждают, что под художественной формой скрывается языковое мастерство писателя, которое позволяет ему, «технически» оформляя речевой строй своего произведения, наполнять его жизненным смыслом и правдой. В результате читатель получает тот «знак мысли», то сцепление идей, которое должно лежать в основе настоящего художественного произведения [2, с. 102]. Без сомнения, важную роль в этом процессе играют языковые средства и приёмы, используемые автором, – они очень важны, когда язык становится материалом искусства слова. Но при этом «надо спрашивать не о том, какие приёмы применяются, а о том, *что значит* данный элемент художественной формы целого, какое конкретное содержание он воплощает» [2, с. 67], поскольку вне этого целого такой элемент не имеет смысла. Таким образом, важность лингвистического анализа художественного текста для понимания его художественных особенностей является первостепенной. «Ведь для того, чтобы изучить содержание какого-нибудь произведения, его художественные особенности, отличающие его от других произведений, для того, чтобы правильно воспринять художественное произведение как информативное и образное целое <...> надо это произведение просто прежде всего правильно понимать», – отмечал Н. М. Шанский [7, с. 6]. Без верного, однозначного понимания литературного текста не может быть никакой речи ни о его анализе с идейной точки зрения, ни о его филологической оценке в ряду иных. Именно такое понимание художественного текста как той или иной информации, выраженной определёнными языковыми средствами, и даёт нам его лингвистический анализ. По своему характеру, глубине и объёму этот анализ, естественно, может быть самым разным в зависимости от времени написания произведения, от его жанровой принадлежности, индивидуальных художественных особенностей языка писателя, его литературной школы и т. д.

Одной из форм возможного анализа литературного произведения является анализ речевого строя, который способствует пониманию содержательной основы художественного текста, а значит – раскрытию характера изображаемого (в том числе человека) «в единстве его прошлого, настоящего и будущего» [2, с. 67]. В этом плане заметен определенный интерес исследователей к изучению речевых характеристик, которые с разной степенью мастерства представлены в художественных произведениях писателей, к числу которых, без сомнения, относится И. С. Тургенев. Выделяя четырех наиболее значительных русских прозаиков XIX века, Г. О. Винокур называет классиком только И. С. Тургенева, объясняя свой выбор таким определением этого понятия: «Классик, – пишет он, – это писатель, у которого нужно учиться образцовой речи, произведения которого представляются наиболее совершенным воплощением практических языковых идеалов, существующих в данной общественной среде» [1, с. 236]. Говоря о своеобразии идиостиля И. С. Тургенева, следует отметить, что язык его художественных произведений действительно является своего рода идеалом. Богатство лексических и фразеологических средств, эпитетов, сравнений, метафор, заключенных в художественной ткани его произведений, позволяет говорить о несомненном мастерстве этого писателя. Это можно сказать и об умении И. С. Тургенева использовать речевые характеристики как средство индивидуализации созданных им образов, которые становятся узнаваемыми и запоминаются не только по причине каких-либо положительных или отрицательных действий и поступков, но и по особенностям их речи.

Как правило, под речевой характеристикой персонажа подразумевают содержание его высказываний. При этом остается важным не только то, *что* он говорит, но и *как* он это делает. Речевой портрет персонажа и создается именно этим *как* – манерой речи, её стилистической окраской, характером лексики, построением интонационно-синтаксических

конструкций и т.п. Речевая характеристика – это важное средство художественного изображения действующих лиц, в задачи которого входит подбор автором для каждого из них специальных слов и выражений [5, с. 239]. Существует несколько способов создания речевых характеристик, среди которых можно выделить два основных: косвенный, связанный с содержанием авторских ремарок и диалогов, и прямой, когда маркером внутреннего мира и образа жизни действующего лица произведения становится его речь.

Известно, что обычно каждый персонаж любого произведения существенно отличается от других действующих лиц в отношении его языка и что речевая характеристика является одной из главных средств создания внутреннего облика героя. Можно согласиться с мнением Ю. Набоковой о том, что «нет скучнее героев разного возраста, разного рода занятий и темпераментов, которые говорят одинаковым языком» [4]. Опираясь на современный литературный материал, молодая писательница сделала попытку определить набор возможных функций, которые выполняют речевые характеристики в художественном тексте, но не смогла закончить этот перечень, предлагая включиться в работу всем желающим. Опыты Ю. Набоковой представляются очень интересными и, без сомнения, могут быть продолжены.

При создании речевых характеристик из всех возможных языковых средств одинаково важное место занимают и лексические, и морфологические, и синтаксические единицы. В конечном итоге, всё зависит от таланта автора и от его умения использовать потенциальные средства русского языка, чтобы украсить текст таким важным штрихом, как яркая, выразительная речевая характеристика персонажа. Самым главным элементом в этой системе является лексический пласт, поскольку, анализируя речь героев произведения, мы прежде всего обращаем внимание на слова, которые они употребляют, а это – и архаизмы, и неологизмы, и диалектизмы, и иностранная лексика, и профессионализмы, и жаргонизмы, и просторечия, и вульгаризмы, использование которых говорит о многом в

определении, например, социального статуса героя, его политических убеждений, уровне образования, происхождении и т. п. Именно лексические и стилистические средства рассматриваются и анализируются сегодня в составе основного приёма создания речевых характеристик, за которым в порядке убывания степени использования можно назвать скорость (или громкость) речи, её дефекты, повторы (или другие особые построения фраз) и т. д. [4].

Всё это лексическое богатство русского языка в речи персонажей не находится в состоянии покоя, а движется, развивается по определённым законам, которые диктуются автором и помогают ему достичь поставленных целей.

Сделаем попытку проследить это на примере речевой характеристики Евгения Базарова – главного героя романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», который чаще других персонажей употребляет в своей речи пословицы и поговорки, идиоматические выражения и просторечные слова. Это объясняется тем, что он старается говорить без всяких вычурностей и прикрас (как это делает, например, аристократ Павел Петрович Кирсанов) в силу того, что он более свободен и демократичен в своих взглядах. Базаров остро чувствует свою связь с землей, гордится этим и считает себя одним целым с русским народом: *Мой дед землю пахал, – с надменною гордостью отвечал Базаров. – Спросите любого из ваших же мужиков, в ком из нас – в вас или во мне – он скорее признает соотечественника. Вы и говорить-то с ними не умеете* [6, гл. X]. Отсюда такое обилие в его речи пословиц, поговорок, просторечий. Его речь прямо-таки пестрит ими, что делает её ещё более образной и красочной: *На своём молоке обжёгся, на чужую воду дует* [6, гл. VII]; *Русский мужик бога слопаёт* [6, гл. IX]; *«Сперва надо азбуке выучиться и потом уже взяться за книгу, а мы ещё аза в глаза не видали* [6, гл. VI]; *От копеечной свечи, вы знаете, Москва сгорела* [6, гл. X]; *«В тихом омуте... ты знаешь!* [6, гл. XIV]; *Там хорошо, где нас нет* [6, гл. XVIII]; *Много будешь знать, состареешься* [6, гл. XIX]; *Не богам же, в самом деле, горшки*

обжигать! [6, гл. XIX]; *Да полно тебе Лазаря петь* [6, гл. XX]; *До свадьбы заживёт* [6, гл. XXI]; *Шила в мешке не утаишь* [6, гл. XXIV]; *Мёртвый живому не товарищ* [6, гл. XXVII]; *Чем бы дитя не тешилось...* [6, гл. XXVII]; *Днём с огнём не сыскать* [6, гл. XXVII] и др. Из приведённых примеров мы видим, что Базаров хорошо знает русский фольклор, умело и творчески пользуется народным языком, который хорошо знает с детства. Только в одном случае он употребляет иностранную (испанскую) поговорку: *Мужчина должен быть свиреп* [6, гл. XIX], что лишний раз говорит о его начитанности и эрудированности. Базаров очень часто прибегает к идиоматическим выражениям, когда высказывает свои собственные мысли и суждения, например: *У твоего отца, видно, губа не дура* [6, гл. IX]; *Твой отец добрый малый, но он человек отставной, его песенка спета* [6, гл. X]; *Решился всё косить – валяй и себя по ногам!* [6, гл. XXI]; *Так ты задумал гнездо себе свить?* [6, гл. XXVI]; *Всё равно: вилять хвостом не стану* [6, гл. XXVII] и др. Следует отметить, что идиоматические выражения сохраняет в своей речи и автора, что помогает ему точнее охарактеризовать своего героя: *Базаров побледнел при одной этой мысли; вся гордость его так и поднялась на дыбы* [6, гл. XXIV].

Речь Базарова очень сильно отличается от речи других персонажей, она очень часто отходит от норм литературного языка, поэтому в ней так много просторечных и фамильярных слов и выражений, например: *Как, бишь, её зовут?* [6, гл. IX]; *По-моему, Рафаэль гроша медного не стоит...* [6, гл. X]; *Я завтра к батьке уезжаю* [6, гл. XIX]; *Мы вели бродячую жизнь; больше всего по городам шлялись* [6, гл. XXI]; *...я намерен немедленно улизнуть* [6, гл. XXIV]; *А ты не тараторь...* [6, гл. XXV]; *Нет, я ещё долго на свете маячить буду* [6, гл. XXIV]; *Ну, это дудки* [6, гл. XXVII]; *А что? разве стариной тряхнёшь?* [6, гл. XXI] и др. Он регулярно употребляет такие слова, как *баста*, *бишь*, *вишь* и др. При этом мы видим, что Базаров прекрасно знает не только русский язык во всем его

разнообразии, но и владеет иностранными языками, в частности – латинским языком, что вполне понятно в связи с его профессией. Поэтому иностранные слова и выражения в его устах звучат как необходимая принадлежность научного языка, как терминология естествовника-медика, например: *Dytiscus marginatus* (водяной жук – лат.) [6, гл. VI]; *Vastus externus* (мускул – лат.) [6, гл. XXIV]; *Bene* (хорошо – лат.) [6, гл. IX]; ...я ведь понимаю, что значит: *jam moritur* (уже умирает – лат.) [6, гл. XXVII] и др. Он часто использует иностранную лексику и в полемических целях, когда, например, искусно высмеивает французманию Павла Петровича Кирсанова и других дворян: *Он человек, стоящий на высоте современного образования, и исполнит свою роль со всем необходимым в подобных случаях комильфо* (как подобает – фр. *comme il faut*) [6, гл. XXIV]. Не случайно Базаров употребляет латинское выражение именно после французского изречения Павла Петровича Кирсанова *A bon entendeur, salut!* (Имеющий уши да слышит!) [6, гл. XXIV]. Базаров объясняет Павлу Петровичу, почему он говорит по-латински: *О! я не сомневаюсь в том, что мы решились истреблять друг друга; но почему же не посмеяться и не соединить *utile dulci* (полезное с приятным)? Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни* [6, гл. XXIV]. Мы видим, что в этом случае Базаров использует иностранную лексику для подпитки той едкой своей иронии, которая возникает как следствие его разговора с не очень приятным для него оппонентом.

Особенностью речи Базарова можно назвать использование им слов с уменьшительными суффиксами, при помощи которых передается или ироническое, или явно пренебрежительное отношение к предмету разговора: *Тут у вас болотце есть* [6, гл. VI]; *Прикажите только мой чемоданишко туда стащить, да вот эту одежонку* [6, гл. IV]; *Дрянь, аристократишко* [6, гл. X].

Кроме того, Базаров в определённых случаях очень удачно вводит в свою речь образные сравнения, при помощи которых он дает очень

меткие характеристики тем, кто находится рядом с ним, или когда хочет дать оценку действиям или поступкам окружающих: *Я всё смотрел: этакие у него удивительные воротнички, точно каменные...* [б, гл. IV]; *Пока я лежал, мне всё казалось, что вокруг меня красные собаки бегали, а ты надо мной стойку делал, как над тетеревом* [б, гл. XXVII]; *Люди, что деревья в лесу...* [б, гл. XVI]; *Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеёк журчит* [б, гл. XXIII]; *Тогда пришлось бы задушить его, как котёнка* [б, гл. XXIV]; *Видишь ли, человеку иногда полезно взять себя за хохол и выдернуть себя вон, как редьку из гряды...* [б, гл. XXV] и др.

Краткий экскурс в художественную мастерскую И. С. Тургенева позволяет нам убедиться в том, что речевая характеристика Евгения Базарова действительно является значимым элементом не только для оценки главного персонажа романа, но и для характеристики идиостиля писателя в целом. И. С. Тургенев вводит в русскую литературу сложный образ нового человека второй половины XIX века, новый тип личности, не похожий на других представителей социума этого времени – образ демократа-разночинца, нигилиста, «лишнего человека». Речь Базарова является главным характерологическим средством, создающим представление о нём как о выразителе демократической идеологии, как о борце против невежества и суеверия, как о борце за подлинную науку. Базаров – естественник-материалист, для которого «природа не храм, а мастерская, а человек в ней – работник», и только искренняя любовь способна расставить всё по своим местам и показать: всё в мире не так однозначно. Создавая словесный образ своего героя, автор параллельно с этим раскрывал перед читателем и свой собственный внутренний мир, и свою душу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Г. О. Винокур / Избранные работы по русскому языку. – М. :

Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1969. – 492 с.

2. Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория и практика анализа : Учеб. пособ. / М. М. Гиршман. – М. : Высшая школа, 1991. – 160 с.

3. Маймин Е. А. Опыты литературного анализа. Книга для учителя / Е. А. Маймин. – М. : Просвещение, 1972. – 207 с.

4. Набокова Ю. Речевая характеристика. Как разнообразить речь персонажа / Ю. Набокова. – Режим доступа : <http://yulushka.livejournal.com/109389.html> (дата обращения 20.03.2016).

5. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1986. – 399 с.

6. Тургенев И. С. Отцы и дети [Электронный ресурс] / И. С. Тургенев. – Режим доступа: http://royallib.com/read/turgenev_ivan/ottsi_i_deti.html#0 (дата обращения: 19.06.2016).

7. Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста : Учеб. Пособие / Н. М. Шанский. – Л. : Просвещение, 1990. – 616 с.

М. В. Кочеткова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ИНВАРИАНТА «ТРУДОЛЮБИВЫЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В. И. ДАЛЯ)

Актуальность исследования. Современная лингвистика уделяет значительное внимание полемому исследованию лексики русского языка. В этой работе важным является обращение к толковому словарю В. И. Даля, который представляет собой сокровищницу народного слова и по праву считается настоящей энциклопедией русского быта. Вопрос о семантическом поле, его структуре и специфике семантического

инварианта изучался многими учёными, такими, как В. П. Абрамов, Р. М. Гайсина, В. Н. Денисенко, Ю. Н. Караулов, Л. А. Новиков, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева, Г. С. Щур.

Цель исследования – на материале Словаря В. И. Даля выявить средства выражения семантического инварианта «трудолюбивый» в русском языке.

Задачи статьи:

1. Определить языковые средства выражения семантического инварианта «трудолюбивый».
2. Проанализировать словарные статьи лексических единиц.
3. Смоделировать семантическое поле с семантическим инвариантом «трудолюбивый».

Как утверждал Г. С. Щур, только применяя инвариантный принцип, мы можем выделить группы, обладающие статусом поля [6, с. 160]. Такой принцип группировки элементов дает возможность отразить парадигматические, внутриклассные отношения элементов, изучение которых непосредственно связано с проблемой семантической структуры лексических единиц [1]. Семантические поля – это компоненты языковой картины мира, они представляют собой «лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» [5, с. 138]. Поле строится на основе семантического инварианта, который остается постоянным как для всего поля, так и для каждого его члена, Н. М. Минина утверждает, что семантический инвариант в поле выполняет функции стержня, обеспечивая прочные связи между элементами, при этом допуская широкую амплитуду колебаний этих связей [3].

Базой для построения поля является понятие, которое выступает в качестве инварианта, то есть имени поля. Им может быть как однословное имя, так и устойчивое словосочетание. Под лингвистическим инвариантом понимается то общее, что объективно обнаруживается

в классе относительно однородных предметов и явлений. По мнению В. М. Солнцева, «инвариант есть идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного класса предметов и любого предмета, входящего в этот класс. Инвариант – это то, что существует в вариантах как общее в отдельном» [4, с. 214].

Рассмотрим средства выражения семантического инварианта «трудолюбивый» на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля.

Лексемы *трудолюбивый/трудящий*, то есть «прилежный, работающий, не терпящий праздности» входят в синонимический ряд, представленный следующими единицами: *безленостный* «не ленивый, не предающийся лени; прилежный, тщательный, усердный, рачительный, ревностный, работающий, усидчивый, трудящийся, трудолюбивый», *казнодей* «твер. человек оборотливый, трудолюбивый, наживающий и сберегающий», *каюра* «вят. дюжий работник, усердный и трудолюбивый, вероятно то же, что пск. каюра», *прилежный, работуха* «работающая, трудолюбивая женщина», *старательный* и *страдающий* «работающий, трудолюбивый».

Метод ступенчатой идентификации позволил выделить незначительное количество лексем (8), которые так или иначе характеризуют трудолюбивого человека. Среди них – *работяга* «работающий человек», *ревностный* «самый усердный, прилежный, заботливый, предавшийся всей душой делу», *ретивый* «усердный, горячий, пылкий на дело, старательный, ревностный, ражий духом», *старатель* «кто старается о чем-либо; усердник, рачитель, прилежатель, заботник, ревнитель, попечитель», *усердный* «рачительный, старательный, ретивый, прилежный, заботливый, берущийся за дело всем сердцем» и др.

В словарных дефинициях проявляются дополнительные семантические признаки, например: «усидчивый» (*корпелка, корпека*), «измученный» (*ломаный, труженник*), «батрак, служитель» (*рабочий, робливый, служитель, трудник, страдник*), «опытный» (*служака*).

Производные слова образуются преимущественно при помощи суффиксации (*делать* – *делатель*; *стараться* – *старатель*, *старательный*; *страдать* – *страдник*; *труд* – *трудоющий*, *трудник*, *трудоовой*, *трудоженник*; *усердие* – *усердный*; *ломать* – *ломаный*; *корпеть* – *корпека* и т. д.). Большинство слов образуется способом сложения (*казнодей*, *страдалюбный*, *трудолюбивый*). Приводим также пример с чередованием в корне слова (*прилегать* – *прилежать*) и сочетания (*злой работник* «пск., калужск. старательный, ретивый, способный, ловкий»).

Словарные дефиниции демонстрируют тесную связь с:

- 1) действием (*делать*, *прилегать*, *стараться*, *страдать*, *корпеть*, *ломать*, *пыхтеть*, *служить*, *ревновать*);
- 2) процессом (*работа*, *труд*, *усердие*, *роба*);
- 3) признаком (*безленостный*, *ретивый*, *усердный*, *старательный* и т. д.);
- 4) сравнением (*лошадь*, *пчела*, *раб*);
- 5) атрибутом (*казна*).

В сравнениях наблюдаем связь с животными и насекомыми (*лошадь* «Он работает как лошадь, т. е. усердно»; *пчела* «работяща, как пчела»).

Зафиксировано производное женского пола (*работуха*).

Так как словарь В. И. Даля является сокровищницей диалектного языка, то среди множества лексических единиц выделяются те, которые употребляются преимущественно на отдельных территориях России: тверской (*казнодей*), вятской (*каюра*), псковской и калужской (*злой работник*), новгородской (*трудники*).

Инвариант «трудолюбивый» демонстрирует яркий и полный предикатный фрагмент, выраженный избытком префиксальных производных от глагола *трудиться*. Например, *затруднить* «причинять помеху, препятствие, делать трудным, мешать» (*Затруднил я тебя*), *оттрудиться* «кончить работы, все дела, перестать трудиться» (*Оттрудился на старости*), *потрудиться* (*Потрудись подать мне книгу*), *перетрудиться*

(*Всех перетрудил*), *притрудиться* (*Притрудились руки, голова моя, привыкли, притерпелись*), *протрудиться* (*Протрудился век, а все пути нет*), *утруждать* «причинять труд, беспокоить, тревожить, затруднять, просить о чем» (*Утруждать кого просьбами*); также лексемами *прилежать* или *быть прилежным* «трудиться усердно, ревностно заниматься, старательно работать, особ. умственно»; *работать* «делать, трудиться; производить что руками, телесной силой и умением, а иногда и умственно; упражняться, заниматься чем, образовать что, трудиться над чем, потеть, стараться», отглагольным существительным *работа* «труд, занятие, дело, упражненье, деланье»; *стараться* «о чем, старываться, тщиться, усердствовать, прилежать, силиться, стремиться, усиленно трудиться, заботиться, хлопотать, делать со рвением, усердно, прилагать все средства»; *страдать* «усильно трудиться, работать, сев. робить, южн. робить, собств. о летних полевых работах: жать и косить»; *корпеть* «над чем (кропать), усидчиво заниматься, безвыходно сидеть; копаться, недосыпать над чем»; *пыхтеть* «дышать коротко, отрывисто, вслух, запыхавшись, или трудясь над чем».

Ядро семантического поля «трудолюбивый» представлено двумя синонимическими инвариантами: *трудолюбивый* и *трудящий*. В лексических значениях приведенных дефиниций преобладает положительная оценка. При анализе других значений мы видим, что *трудолюбие* разграничивается по воле или неволе, когда человек трудится для своего блага, старается чего-то добиться, либо он трудится из-за отсутствия другого выбора, под чьим-то давлением.

Мировоззрение русских людей, их культура и быт, положенные в основу словаря, проявляются в устойчивых словосочетаниях (*злой работник* «пск. калужск. старательный, ретивый, способный, ловкий»), сравнительных оборотах (*пчела, лошадь, раб*) и в связях с окружающей действительностью, с миром животных (*лошадь*) и насекомых (*пчела*), с миром мифологических представлений. Иллюстративный материал,

представленный в виде пословиц, позволяет глубже увидеть и понять картину мира русского человека того времени (*Много трудился, а толку не добился. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает*).

Перспективой исследования является моделирование Словаря В. И. Даля с точки зрения средств выражения того или иного семантического инварианта, а также с точки зрения дихотомических инвариантов, например, ленивый/трудолюбивый, худой/толстый, бедный/богатый и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова Л. И. Лексико-фразеологическое поле с общим значением «порицать» в современном немецком языке : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» / Л. И. Антропова. – М., 1978. – 25 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. – М. : Терра, 1995.
3. Минина Н. М. Семантические поля в практике языка : Пособие по лексике немецкого языка / Н. М. Минина. – М. : Русский язык, 1973. – 140 с.
4. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование: монография / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971. – 292 с.
5. Уфимцева А. А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М. : АН СССР, 1961. – С. 30–63.
6. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике : монография / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 256 с.

К. В. Ладнова

(наук. керівник – канд. філол. наук, доцент Н. Є. Касьяненко)

ПОЛІТИЧНА МЕТАФОРА СУЧАСНИХ УКРАЇНСЬКИХ ДРУКОВАНИХ ЗМІ ЯК ЗАСІБ ІНФОРМАЦІЙНОЇ ВІЙНИ

Події останніх двох років в Україні знову спричинили вибух інтересу до такого явища, як інформаційна війна. Перш за все, цей феномен висвітлюється в різних суспільствознавчих дослідженнях. Дуже важливим є й вивчення мовного аспекту протиборства такого типу, а саме тих засобів, за допомогою яких воно ведеться, бо, на думку Л. Коцюбинської, метою інформаційної війни є «внесення змін в когнітивну структуру для того, щоб в подальшому отримати зміни в поведінковій структурі» [2, с. 95].

Об'єктом нашого дослідження є політична метафора в сучасних українських публіцистичних текстах, предметом – особливості її функціонування як засобу ведення інформаційної війни.

Довгий час у мовознавстві домінуючим був порівняльний погляд на метафору. Він передбачає, що в основі метафори лежить демонстрація схожості або аналогії. Визначальною подією в еволюції розуміння цього мовного явища стала поява книги американських вчених Дж. Лакоффа і Д. Джонсона «Метафори, якими ми живемо» [3]. На думку цих дослідників, метафора виступає не тільки як фігура мови, але й як фігура мислення. Вона тісно пов'язана з навколишньою реальністю, тому жодну метафору не можна адекватно осягнути без урахування її емпіричних підвалин. За цією теорією, «суть метафори – це розуміння і переживання сутності (thing) одного виду в термінах сутності іншого» [3, с. 27]. Так, елементи сфери-джерела структурують менш зрозумілу сферу-мішень унаслідок однобічної проекції. Е. МакКормак зауважував, що метафори «функціонують як посередники між людським розумом і культурою. Нові

метафори змінюють повсякденну мову, якою ми користуємося, і одночасно міняють засоби нашого сприйняття й осягнення світу»[4, с.360].

Політична метафора – особливий тип метафори, що слугує для створення позитивного чи негативного іміджу тих чи інших політичних суб'єктів, формування громадської думки і, як результат, для маніпуляції свідомістю громадян. Політичні метафори знаходяться між індивідуальним світобаченням і колективним. В них, на думку російських дослідників А. Чудинова та Е. Будаєва, незалежно від чиїх-небудь симпатій та антипатій, відображається стан національної свідомості на певному етапі розвитку [1, с.8]. Кожна епоха має свою метафоричну домінанту, що визначається зовнішніми чи внутрішніми політичними обставинами.

Політичні метафори, що зустрічаються на сторінках українських газет і журналів у 2014-2015 роках, можна за розділити на декілька груп. Розглянемо найпоширеніші з них.

Фізіологічні метафори – досить поширена і загалом традиційна група у політичному дискурсі. Аналогії між дещо абстрактними процесами, явищами та функціонуванням живого людського організму дуже зрозумілі для широкого загалу:

- *Радянщина, яка кістлявими пальцями все ще тримається за горло України, міцно вкорінилася в донецьких преріях (Д. Казанський, «Український тиждень», №35, 4.09.2014).*

У морбіальних метафорах знаходить відображення модель «Політичний суб'єкт – хворий організм». А. Чудинов зазначає, що метафори такого типу «носять переважно емотивний характер, тобто вони створюються перш за все для того, щоб перенести ставлення, що є у читача до поняття-джерела, на поняття, яке концептуалізується метафоричним значенням слова» [5, с. 69]:

- *На жаль, за весь час центральна влада в Києві так і не вжила заходів і для боротьби зі збудниками вірусу сепаратизму (Д. Казанський, «Український тиждень», №51, 18.12.2015).*

Цікавим є моделювання образу Росії як хворого організму. Сучасний стан Росії, таким чином, презентується як порушення функціонування «здорового державного організму» :

- *Цей «хворий Євразії» задихається в міазмах «імперської величі» (В. Примост, «Український тиждень», №51, 24.12.2015).*

Кримінальні метафори також здебільшого націлені на формування негативного образу. На жаль, для пострадянських країн вирази такого типу стали традиційними. Витоки цього процесу треба шукати в умовах буття народу: криміногенна ситуація значно погіршилася за роки державної незалежності, злочинність перестала дивувати громадян, стала чимось звичайним. Кримінальні метафори загалом акцентують увагу на несправедливості явищ, спрямовані на те, щоб збудити у свідомості читача засудження:

- *Однак сьогодні пропаганда Москви, поєднана з нахабним геополітичним шантажем, успішно актуалізувала західні фобії зразка 1991 року, що паралізують волю Заходу (І. Лосєв, «Український тиждень», №12, 26.03.2015).*

Вживання мілітарних метафор особливо поживалося після початку бойових дій на сході країни. Сучасна дійсність через такі образи осмислюється як війна, що пронизує усі сфери життя. Суспільні конфлікти постають більш загостреними, а їх розв'язання шляхом компромісу – майже неможливим.

- *Коли ж від імені Донбасу промовляють ватажки терористів – це, хоч як дивно, зрозуміло. У них така робота: сформувати образ огидного люду, щоб на віки вічні закласти **мінні поля розколу і розбрату** (О. Стяжкіна, «Український тиждень», №14, 9.04.2015).*

Через спортивні метафори також створюється уявлення про політичне життя як про боротьбу. Але ця боротьба вже відбувається за певними правилами, без надмірної жорстокості. У політичних «змаганнях» звичайним громадянам, таким чином, відводиться роль пасивних глядачів;

суб'єктами, що творять майбутнє, за канонами такої моделі демократії виявляються великі «гравці»:

- *Тож, на жаль, слід очікувати локального **реванишу команди Януковича**, а за ними, цілком імовірно, і наступного рецидиву антиукраїнського путчу на звільнених територіях Донбасу (Д. Казанський, «Український тиждень», №22, 4.06.2015).*

Деякі вирази відтворюють модель «Політика – це гра». Цікавим є приклад, у якому мирні переговори представлені як азартна гра:

- *Тільки на таких умовах **переговори** про повернення невід'ємної частини України будуть конструктивними, а не **грою новачка з шулером** (Д. Крапивенко, «Український тиждень», №29, 23.07.2015).*

Так, серйозна подія (а саме перемовини між державами) в свідомості читачів постає як забавка.

Метафори зі сферою-джерелом «Мистецтво» значно оживлюють мовлення, створюючи досить цікаві образи. Активне звернення до цієї теми спричинене активізацією політичного життя в Україні після розпаду СРСР, «карнавалізацією» процесів, які відбуваються у владній верхівці. До того ж, проведення аналогій між політикою та театром, навіть цирком натякає на лицемірство, брехню тих чи інших діячів:

- *Насправді, це дуже вигідна партія: нічого не зрозуміти про себе і про події на Майдані, ні за що не вибачитися, нічого не навчитися, а знову **взяти кремлівські ноти й співати по них** про «захист» людей, які мають право на особливий статус (О. Стяжкіна, «Український тиждень», № 21, 28.05.2015).*

Осмислення політичного життя через людські стосунки – явище також не нове. Зараз такі метафори набувають нового значення: вони окреслюють нові пріоритети політики України, наголошуючи на штучності старих «родинних зв'язків» з Росією і підкреслюючи «кровну близькість» з країнами ЄС.

- *Як не крути, аби вирватись із замкнутого кола братніх обіймів «руського міра», ми таки мусимо повернутися до своїх європейських родичів* (Р. Малко, «Український тиждень», №21, 28.05.2015).

Зооморфна метафора в сучасних газетах і журналах часто пов'язана з поширеними національними стереотипами. Тому зовсім не дивно, що Росія в текстах українських журналістів замальовується як ведмідь, – в уяві авторів, істота хижа, дика й агресивна за своєю природою:

- *Сценарій «Донбас за будь-яку ціну» є ще віроломнішим, ніж ведмежа хода «руської весни» південно-східними регіонами нашої держави півтора роки тому* (Д. Крапивенко, «Український тиждень», №29, 23.07.2015).

Привертають увагу й звернення авторів до історичного минулого і їх не завжди вдалі намагання провести аналогії між сьогоденням і подіями далеких років. Поширений прийом – осмислення політики сучасної РФ через сили, які в нашій свідомості постають як уособлення гноблення, зла, навіть дикої жорстокості:

- *Московська орда прагне спалити найстаріше місто Східної Європи, тільки за 9 століть значно змінилися методи* (Б. Логвиненко, «Український тиждень», 11.06.2015).

Метафори зі сферою «Монархія», зважаючи на сучасне розуміння власного історичного минулого, в російському політичному дискурсі звучать доволі позитивно. На українському ґрунті вони ж стають засобом створення негативного образу не тільки Росії як держави, але й її президента, як людини авторитарної, схильної до політичного волюнтаризму. Часом такі метафори звучать досить іронічно:

- *Вирішуватимуть свої бізнесові питання інші «достойники», які, може, домовляться, а може, і ні з московським «ханом»* (І. Лосєв, «Український тиждень», №48, 3.12.2015).

Звернення до сакральної сфери часто обумовлене необхідністю показати ірраціональність і безглуздість певних політичних ідеологій, тенденцій. Наприклад, досить традиційний прийом – називати пам'ятники діячам радянської доби ідолами. Однак цікавий той факт, що майже не зустрічається намагань осмислити те чи інше явище через поняття традиційної для України релігії – православного християнства.

- ***Тоталітарні ідоли на вулицях вказують, що в нас ще немає Української держави й ми далі живемо в совку*** (Р. Малко, «Український тиждень», №47, 25.11.2015). ***Усілякі мантри про децентралізацію і федералізацію припинити на десятиліття*** (І. Лосєв, «Український тиждень», №3, 23.01.2015).

Метафори механізму, хоч нині і не є найпоширенішими у пресі, зустрічаються доволі часто. Пояснити вживання подібних виразів можна тим, що на даному етапі розвитку українського суспільства наука стала домінуючою формою суспільної свідомості. Цікаво, що держава, представлена в таких метафорах як певний механізм, осмислюється як щось ламке, не вічне, те, що потребує постійного догляду, спеціального обслуговування:

- ***Це (Майдан) своєрідні запобіжники, які оберігають мережу під назвою «Україна» від остаточного перегріву і вибуху*** (Д. Крапивенко, «Український тиждень», №48, 3.12.2015).

Будівельна метафора у політичному дискурсі не нова (згадаємо лише марксистські поняття, що позначають первинні і другорядні структури суспільства – базис і надбудова). Поняття «дім» добре підходить для творення на його основі метафоричного виразу. Воно позитивно забарвлене з емоційного плану, бо зазвичай дім – це комфортне для кожної людини середовище, де вона може почувати себе природно. Але в пресі будівельні метафори не завжди мають позитивне звучання. Якісь явища, що оцінюються офіційною владою як небезпечні, можуть мати міцний «фундамент»:

- *Фундаментом донецького сепаратизму стала солідарність шахтарів (Д. Казанський, «Український тиждень», №51, 18.12.2014).*

Нерідко зустрічаються в тестах журналів і метафори, які асоціюються, перш за все, з радянською добою:

- *Топка революції, хоча революцією вона так і не стала, вже гуде (Б. Буткевич, «Український тиждень», 6.08.2015).*

З першого погляду, вживання виразів такого типу може здаватися дивним, особливо, якщо зважати на той факт, що редакція журналу «Український тиждень» описує свою цільову аудиторію як освічених людей 21-55 років, що належать до т.зв. «середнього класу» (тобто тих, хто найменше за всіх має почувати ностальгію за минулим). Однак, той факт, що такі метафори використовуються у статтях про Майдан, який українські журналісти намагаються змалювати як революцію, може дати ключ до розуміння такого феномену.

Логіка деяких статей будується цілком на метафоричних моделях. Це, наприклад, стаття Д. Крапивенка «Життя з «підселенням» («Український тиждень», №29, 23.07.2015). Донбас із населенням, яке у своїй більшості має проросійську політичну орієнтацію, представлений тут підселенцем у спільному українському домі, чужорідним елементом, що руйнує «ділію»:

- *Нав'язаний на утримання Україні вороже налаштований Донбас стане просто нестерпним «підселенцем», який завжди матиме під подушкою наган, гранату і скаргу до Москви про «утиски російськомовного населення».*

Отже, бачимо, що метафори у текстах сучасних українських ЗМІ – це явище досить частотне. Сучасні умови життя не дозволяють розглядати метафору лише як елемент прикраси тексту. Вона, перш за все, націлена на формування певного образу (найчастіше негативного) чи відображає вже дійсний стан національної свідомості на цьому історичному етапі.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев Э. В. Зарубежная политическая метафорология: Монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – 330 с.
2. Коцюбинская Л. В. Понятие «информационная война» в современной лингвистике: новые подходы / Л. В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4 (54). – С. 93–96.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак; пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – С. 358–387.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

А. Ю. Лазуренко

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ ПИКАПА

*Бывает оскорбление под маской комплимента, но может быть
невольный комплимент под «маской» оскорбления.*

И. Н. Шевелев

Сегодняшний день требует от общества новых коммуникативных умений, а именно, создавать прочные взаимоотношения между людьми и быстро завязывать новые знакомства. Такого рода общение может быть оформлено разнообразными способами организации речи. Пикапу, как непрямому жанру речи, среди них отводится особое место. Речевые жанры непрямого типа не всегда узнаваемы, но их можно часто встретить в нашей

речи, т.к. множество элементов вторичных жанров мы используем неосознанно. Поэтому, несмотря на все старания соблазнить противоположный пол, используя множество методов и приёмов, пикаперы попадают в ситуацию коммуникативной неудачи. В данной статье представляется анализ элементов пикапа, которые позволят представить и отобразить причины коммуникативных неудач. Исходя из вышесказанного, актуальность работы заключается в получении знаний о коммуникативных неудачах пикапа.

В лингвистике используется большое количество определений коммуникации. Она трактуется как «сообщение, общение» [7, с. 287]; «...процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» [8, с. 14]. Под коммуникацией «в широком смысле понимаются и система, в которой осуществляется взаимодействие, и процесс взаимодействия, и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию» [11, с. 5].

Пикап принадлежит к числу фатических речевых жанров. Их основной целью является речевое воздействие ради установления и поддержания контакта. Термин «контакт» используется в значении «общение ради общения, обмен словами». Его целью является «установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, то есть проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [12].

В своей основе речь пикаперов строится на разговорных формах: здесь преобладает повседневная сфера коммуникации, поэтому она во многом отличается от всех остальных. Пикап – это всегда ситуации непринужденного общения в быту. При этом из-за доминанты разговорной речи снижается забота о форме используемых выражений. Непосредственность общения исключает возможность предварительного обдумывания речи, поэтому часто это устный, неподготовленный, спонтанный текст, который

содержит много неточностей, недоразумений, шероховатостей и может привести к затруднению общения. Такая речь обладает следующими признаками:

- 1) «устная форма выражения;
- 2) реализация преимущественно в виде диалога;
- 3) опора на внеязыковую ситуацию;
- 4) неподготовленность, незапланированность, самопроизвольность, спонтанность;
- 5) непосредственный контакт между коммуникантами» [4].

Воздействие таких признаков и сферы коммуникации требует от пикапера максимальной сосредоточенности на своей речи. Поэтому они часто строят её предельно шаблонно, пытаются копировать комплименты, которые заучили намеренно ранее. Но даже такой подход не исключает возникновения коммуникативных неудач. Ведь первым делом нужно обратить на внимание структуру своей речи.

Д. Л. Остин в структуре речевого акта представляет трёхуровневое единство, которое включает в себя следующие виды действий: локуция, иллокуция и перлокуция.

«Локуция (или *локутивный акт*; от англ. *locution* ‘оборот речи, речение’) – это непосредственно произнесение высказывания с помощью языковых средств.

Иллокуция (или *иллокутивный акт*; лат. *il-* < *in* ‘в, внутри’)– этап достижения коммуникативной цели намерения говорящего. Иллокуция тесно связана с локуцией и влияет на её дальнейшее развитие.

Перлокуция (или *перлокутивный акт*; лат. *per-* ‘посредством’) – реакция на речевое действие, то воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата» [3]. Результатом произнесения предостережения типа «На улице льет дождь» будет перлокуция – вывод: «не пойдем туда, там льет дождь».

Ф. С. Бацевич рассматривает коммуникацию как процесс, который «совершается под контролем сознания участников, поэтому он связан с деятельностью» [1, с. 31–32]. И вслед за Л. Выготским считает, что составными деятельности являются 4 этапа:

1) мотив как причина, толчок к началу деятельности (эквивалент локуции);

2) цель как сознательное представление о результате, которого необходимо достичь (эквивалент иллокуции);

3) действие как совершение чело-либо с конкретной целью, которая выплывает из общей цели;

4) операция как способ совершения действия, соотносится с условиями, достижением цели (местом, временем, окружением, внешними или внутренними влияниями и т.д.) [1, с. 31-32].

Важно понимать, что вышеупомянутые три частных акта совершаются *одновременно*, а не один за другим, и по отдельности существовать не могут: они всегда действуют вместе.

Речевой жанр пикапа предстаёт в первую очередь в синтезе актов иллокуции и перлокуции, поэтому пикаперу необходимо определить для себя цель и при помощи определенных приёмов дойти до стадии перлокуции. Чтобы достичь успеха, нужно для начала определиться с иллокуцией. Далее, прибегая к локуции, подобрав нужные методы и приёмы, ожидать от адресата положительной реакции, т.е. перлокуции. В случае соблюдения всех основных принципов коммуникации, их условий и правил, ожидается успех коммуникации, любые же нарушения «правил коммуникативного кодекса» отобразятся в коммуникативных неудачах. Акт иллокуции и перлокуции невозможны без локуции, ведь именно здесь допускается множество ошибок речевого характера, их называют коммуникативными неудачами.

Коммуникативные неудачи (далее – КН) – это недостижение инициатором общения акта иллокуции, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения [2]. Я.Т. Рытникова определяет КН так: «Полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего <...>, а также возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [10, с. 14].

В работах исследователей, которые занимаются проблемами эффективности коммуникации, можно встретить и другие обозначения КН: у В.В. Виноградова «коммуникативная помеха», «коммуникативно-речевая дисгармония» Р.И. Шалина, «коммуникативная ошибка» у Н.В. Захаровой и пр. Несмотря на разницу в обозначении явления КН, его содержания остается исходным. Это явления, затрудняющие коммуникацию и снижающие эффективность общения.

Существуют близкие к КН явления, но они не тождественны. Такими можно назвать речевые неудачи или речевые ошибки. Их определяют как нарушение речевых норм, неправильную речь или речевую неудачу. Шире понятия речевой неудачи понятие «коммуникативная неудача», которая помимо языкового, включает, также, прагматический аспект.

Как говорилось ранее, ошибки речевого характера возникают в локутивном акте, поэтому успех этапа перлокуции не достигается. Рассмотрим основные причины коммуникативных неудач:

1. Неуверенная и невыразительная речь или, наоборот, пикапер со слишком завышенной самооценкой: *Чтобы так хорошо выглядеть нужно пол жизни потратить, Вы прям так и маните сильный пол... Вот я и клюнул! / Простите девушка, скажите, я Вам симпатичен?... Пожалуйста, можете не отвечать, меня зовут Влад. Могу ли я узнать*

Ваше имя?/ У вас нет, случайно, листика и ручки? Можете записать мой номер телефона? / Простите, у меня совсем плохо с памятью, мы с Вами еще не знакомы, нет? Давайте же знакомиться! / А Ваша мама зятя не ищет?.. Ну, что ж тогда поделать? Поэтому я предлагаю пока так пожить, не расписываться (орфография и пунктуация оригинала здесь сохраняется).

2. Банальность, неоригинальность и избитость фраз: *Девушка, не видели моего белого коня, он минут пять назад здесь, случайно, не пробегал? / Ваша походка просто королевская, вы не английская принцесса?/ Это вы такая горячая или здесь так жарко?/ Боже мой, что с моими глазами... Я просто не могу их оторвать от Вас ни на секунду! / Я предлагаю Вам сыграть в спасателей! Ваша задача – начинайте якобы тонуть, а моя – Вас спасти, только утопающим делают искусственное дыхание, помните?! / Твои родители случайно не террористы? ...Нет? Тогда откуда у них такая бомба?*

3. Двоякость пикапа, имеющая скрытый намек или подтекст: *Вы для меня одна на миллиард* (если она для него одна на миллиард, а на Земле насчитывается около семи миллиардов людей, тогда помимо неё, у него еще около шести таких же «единственных») / *Мне говорили, что с кем поведешься, от того и наберешься* и я решил, что хочу набраться этого чего-то от Вас (фраза «с кем поведешься, от того и наберешься» употребляется часто в негативном смысле, поэтому желательно избегать такого рода комплиментов, они могут трактоваться двояко) / **Я работаю продавцом счастья. Не желаете купить по себестоимости?** (девушка посчитает, что вы и правду предлагаете ей что-то у вас купить) / **Моя любовь к Вам словно мигрень** – я не могу её сдерживать («он меня только что сравнил с мигренью?!»).

4. Глупая, сложная для понимания или запутанная фраза: *Вы такая отпадная, что я готов выпить после вас всю воду из ванной! / Господи,*

я уж подумал, что я буду всю жизнь геем, пока не встретил Вас! / В моей жизни не хватает мне лишь несколько вещей – волос и Вас! / Я только что вспомнил, что забыл свой номер телефона дома, не будете так Вы любезны, одолжить свой? / Девушка, вы случайно не подскажете, если ли немцы в городе? ...А русские?

5. Фразы, выходящие за грань этикета, имеющие пошлый, оскорбительный, пейоративный или бранный характер: *Быть может, я и не самый лучший из всех, но являюсь единственным, кто сейчас с Вами разговаривает, Вы не желаете познакомиться? / Вы не будете против, если я укроюсь от солнца в тени Вашей великолепной фигуры? / Девушка, почему вы за мной следите?! Я Вас заметил уже пору сотен раз, Вам что-то нужно от меня? Я Вас уже полгода вижу во снах, но до сих пор не знаю Вашего имени. Может быть пора бы уже и познакомиться? / Хотите сыграть в игру «Весы»?... Вы присаживайтесь ко мне на колени, а я угадаю Ваш вес / Мадам, Вы очень привлекательны, а привлекательных мадам, мадам нужно размножать / Это ничего, если я к Вам с таким умным видом? / Ваше платье великолепно смотрится на Вас, но еще великолепнее оно будет смотреться в моей спальне на полу.*

Могут быть варианты пикапов, которые совмещают в себе сразу несколько причин неудачи: *Привет! А почему ты мне не звонила, не писала? Ведь знаешь, как грустно осознавать то, что ты никому не нужен.* В данном примере наблюдается нарушение этикетной нормы, двойственность смысла и сложность понимания пикапной формулы.

Разновидности КН множественны и причины их неудач разнообразны. КН невозможно рассматривать в «чистом» виде. Она всегда представляется сложным элементом, в ней переплетаются правила вербального и невербального общения, этикет, особенности речи коммуникатора и т.д., поэтому пикаперу нужно хорошо постараться, чтобы его пикап был успешным и осуществил цель, заданную его создателем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацевич Ф.С. Основы комунікативної лінгвістики / Ф.С. Бацевич. – К. : Академія, 2004. – 342 с.
2. Борзунова А. К. Коммуникативные неудачи как следствие нарушения речевого этикета / А. К. Борзунова // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – С. 79–83.
3. Вечкина О. В. Прагматика коммуникативных неудач / О. В. Вечкина // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. – Ч. III. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. Вып. 10. – С. 48–51.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 240 с.
5. Культура русской речи / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяева. – Режим доступа : <http://www.textologia.ru/russkiy/kultura-rechi/razgovornaya-rech/prichini-kommunikativnih-neudach/871/?q=463&n=871&p=1> (дата обращения: 25.03.2016).
6. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. Теория речевых актов. Под ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – 423 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
8. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2001. – 656 с.
9. Ермакова О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании : Коммуникативно-прагматический аспект / Ред. Т. Г. Винокур и др. – М. : Наука, 1993. – 345 с.
10. Рытникова Я. Т. Семейная беседа как жанр повседневного общения / Я. Т. Рытникова // Жанры речи. Сборник статей. – Саратов : Колледж, 1997. – 212 с.

11. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации / Ф. И. Шарков. – М. : Перспектива, 2002. – 246 с.
12. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм – «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

В. Б. Мазуренко

(науч. рук. – доктор филол. наук, проф. В. М. Калинин)

АНТРОПОЭТОНИМИЯ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА

«ЖЕНЫ АРТИСТОВ» КАК СРЕДСТВО ИГРЫ

В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

Рассказ «Жены артистов», написанный в 1880 году, позднее был включен в первый сборник рассказов «Сказки Мельпомены», вышедший в 1884 г. Все шесть рассказов, вошедших в эту книгу, – «Он и она» 1882 г., «Трагик» 1883, «Барон» 1882, «Месть» 1882, «Два скандала» 1882, «Жены артистов» 1880 – связывает одна тема: театр, его фасад и кулисы, будни и праздники [1].

Рассказ «Жены артистов» имеет смысл рассматривать в контексте трёх литературных традиций: литературной мистификации, бурлеска и литературной пародии. Обратившись к литературоведческому словарю, можно узнать, что: 1) литературная мистификация – это текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному; литературная мистификация противоположна плагиату; 2) бурлеск – вид комической пародийной поэзии и драматургии; характеризуется нарочитым несоответствием между темой произведения и ее языковым воплощением; 3) литературная пародия – произведение искусства, намеренно повторяющее характерные черты другого, обычно широко известного произведения или группы произведений определенного автора, причём в форме, рассчитанной на создание комического эффекта [5].

Пародийный перевод – (от др.-греч. *Παρά* «возле, кроме, против» и др.-греч. *ὥδή* «песня») – литературно-художественное произведение, имеющее целью создание у читателя комического аффекта за счёт намеренного повторения уникальных черт уже известного произведения в специально изменённой форме. Говоря иначе, пародия – это «произведение-насмешка» по мотивам уже существующего известного произведения. Пародийный же «перевод», не имея отношения к конкретному произведению, в шуточной форме воспроизводит наиболее характерные черты стиля и языковых штампов либо группы произведений какого-нибудь литературного направления, либо, как это представлено в анализируемом рассказе Чехова «Жены артистов», окарикатуривает характерные этнолингвистические свойства национальной онимии.

Свои произведения Чехов начал писать еще в юности, сотрудничая в часто выходивших юмористических журналах и газетной периодике. Анекдоты, «мелочишки», пародии, сатирические рассказы стали на некоторое время основными жанрами его творчества. Сам Чехов говорил: «Писал я прозой, писал стихами, писал на всякие меры, манеры и размеры», любил подшучивать над уже известными собратьями по перу такими как: Виктор Гюго, Жюль Верн, Альфонсо Доде. Рассказ «Жены артистов» Антоша Чехонте выдал за перевод с португальского, хотя, как известно, переводами писатель не занимался.

Впервые Чехов написал «роман из иностранной жизни», когда ему было двадцать два года. Это была повесть «Ненужная победа», автор сочинил ее на спор с редактором «Будильника» А. Д. Курепиным.

Имена героев рассказа как составная часть языка писателя служат целям художественной характеристики и являются одним из средств создания образов. Автор использует массу художественных приемов, но умение придавать имени и фамилии персонажа поистине «говорящую» функцию, другими словами «сгустить типическое», является наиболее

интересным. А. П. Чехов не только «забавы ради» прибегает к псевдопереводу, не ради введения читателя и критиков в заблуждение, но для достижения специфического эстетического эффекта. И делает это очень умело, несмотря на молодость и ещё недостаточный литературный опыт.

Портретные описания героев, имена собственные и просторечная лексика, используемая в рассказе, является тем минимальным набором средств, воспользовавшись которым юный писатель добился художественного результата. Рассказ «Жены артистов» в определенном смысле можно считать имеющим образец для пародирования. Одноименное произведение А. Доде, написанное в 1882 г., основная идея которого, показать взаимоотношения семейных пар, где мужья существуют за счет своих жен, несомненно, повлияло на рассказ Чехова. Однако, если А. Доде представляет сюжет с трагической стороны, то Чехов эту тему раскрывает комически.

Рассказ представляет собой «перевод» с португальского, но даже читатель, не знающий языка, сразу может понять, что никакого перевода с португальского не было. Автор как бы «играет» с именами, конструирует их на «португальский» манер, взяв за основу имена или просто слова, не зафиксированные ни в одном реальном именнике. Можно предположить, что Чехов таким образом хотел придать тексту легкий, юмористический характер, чем-то напоминающий бурлеск. На фоне псевдо-аристократичности, порожденной то какафонической звучностью, то двойной фамилией или объединением обоих средств (*Дон Барабанд-Алимонд*, комичными предстают носители этих имен, совершающие поступки отнюдь не аристократические.

Детальное рассмотрение онимии рассказа позволяет выявить и другие средства комического, использованные Чеховым.

Главному герою рассказа, писателю-романисту, А. П. Чехов дал имя **Альфонсо Зинзага**. Понятно, что выбор был не случайным. Во-первых, имя Альфонсо намекает на французское слово «альфонс» (*Alphonse* –

‘любовник, находящийся на содержании у женщины; жиголо’). Во-вторых, оно совпадает с именем героя комедии А. Дюма-сына «Мосье Альфонс» (1873 г.), ставшим нарицательным для обозначения этой разновидности проходимцев. Можно предположить, что протооним «альфонс» не единственный. Чехов также соотносит имя «Альфонсо» с именем французского писателя Альфонса Доде, автора образца, на который мы указывали выше. Фамилия главного героя – Зинзага. У читателя могут сразу возникнуть ассоциации с русским словом *зигзаг*, которое Чехов взял за основу, возможно, этим он хотел подчеркнуть непостоянство персонажа, но в тексте также встречаются Зунзуга и Занзага. Таким образом, в онимном ряду *Зинзага-Зунзуга-Занзага*, прослеживается фоносимволическое обыгрывание фамилии, что также обогащает атмосферу смешного. Несерьезность, ничтожность и мелочность поступков персонажа усиливает сатирическую линию в изображении и «великого» писателя Альфонсо Зинзаги, и героев его произведений.

Имя **Амаранты**, жены Альфонсо Зинзаги, Чехов «сконструировал» из *греч.* *Maríaine* – ‘вянуть’ + отриц. частица *-a-* ‘неувядаемая’. Имя относится к категории реальных имен, зафиксированных в словарях. А как поэтоним несет смысловую нагрузку, как бы обязуя Амаранту стойко переносить все тяготы. Но вот парадокс: в конце рассказа она все-таки «вянет», жертвуя собой ради мужа. В образе Амаранты сталкиваются противоположности: этимология имени не соответствует реальным качествам персонажа.

Фердинанд – германское мужское имя, обозначает смелость, власть. На португальском звучало бы Фердинандо. Чеховская ирония проявляется в оксюморонном виде. Героизм и смелость Фердинанд проявляет только перед женой. Контраст имени и характера его носителя в контексте сюжета представляются оправданными и вызывают смех. Автор в блестящей манере раскрывает проблему и одновременно высмеивает её. Фамилия **Лай** – ещё одна смешная деталь: «португальское» имя и фамилия, образованная от русского слова «лай». *Лаять*, по Далю, –

отрывисто вскрикивать, рывкать по-собачьи, брехать, гавкать [2]: «С самого утра горло дерет и никому жить не дает...». Поистине – «говорящее» имя. Автор показал, что действия героя вполне соответствуют его имени. Чехов также передал это еще и с помощью контрастного сравнения Лая с Оффенбахом – одним из одареннейших композиторов XIX в. «Будущий португальский Оффенбах», талант которого является чистейшей воды вымыслом, получает еще одну убийственную характеристику за счет эффекта онимной аллюзии.

В рассказе встречается имя, отличающееся особой причудливостью – **Софья-Фердрабантеро-Неракрутц-Розга**. Эта соединение иностранных и русских слов с финальной **Розгой** (от *русск.* «розги» – ‘ветвь, ветка древесная, которую использовали для телесного наказания’) звучит нелепо. Возникший диссонанс усиливается за счет многократного повтора в структуре имени звука **р**, одновременно создавая иллюзию «португальского» звучания. В рассказе эта героиня сама себя наказывает, что не может не вызвать ассоциаций с гоголевской «унтер-офицерской вдовой».

Подобный же комический прием акцентирования звука **р** встречается в имени **Петр–Петрученцо–Петрурио**. Имя Петр является широко известным в русском языке, но в сочетании с трехкомпонентной структурой в нём появляется оттенок «португальскости». То же можно сказать и относительно имени **Франческо Бутронца**. Но его фамилию Чехов дополнительно мотивирует словом «трон»: ... *Франческо Бутронца, в шляпе à la Vandic и в костюме Петра Амьенского, стоял на табурете, неистово махал муштабелем и гремел. Он был более чем ужасен.*

Антропоним **дон Барабант Алимонда** в сочетании с высоким титулом: ... *У нас осталось еще немного денег, которые выручил он на любительском спектакле у графа Барабанта-Алимонда,* – производит комическое впечатление и одновременно “уничжает” носителя фамилии

Модифицированный фонетически поэтоним – **Иван Ивановитш** (русский маркиз) – ещё один пример сочетания несочетаемого, оксюморонности. Маркиз – французский титул, который к русскому имени никакого отношения иметь не может. Ивановитш произносится с заменой **ч** на **тш**, что характерно для галльского и португальского произношения.

Вывод. Краткий анализ антропоэтонимов рассказа Чехова дает самое общее представление об искусстве великого русского писателя, умении характеризовать персонаж и свое отношение к нему одним словом, что наиболее заметно в выборе фамилий. Так возникает миниатюрный но чрезвычайно выразительный портрет героя. Фамилия вполне заменяет пространную характеристику и нагромождение подробностей. Чехов был блестящим мастером художественной антропоэтонимии. Чехов пользовался массой приемов для юмористического изображения жизни персонажей рассказов. Но можно отметить, что комизм Чехова не был «гневным приговором» действительности без широкого использования образных возможностей собственных имен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов М. П. Примечания / М. П. Громов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1974–1982. – Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880–1882. – М. : Наука, 1974. – С. 547–603.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Том I. А–З / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 700 с.
3. Словарь литературоведческих терминов / Ред. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
4. Суперанская А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Сулова. – М. : Наука, 1984. – 176 с.
5. Чехов А. П. Избранные сочинения в двух томах / А. П. Чехов. – Том 1. – М. : Художественная литература, 1986. – 702 с.

В. В. Максимова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. В. М. Калинин)

**К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПОЭТОНИМОВ-КОНТАМИНАНТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА А. ВОЗНЕСЕНСКОГО
«ПАРАБОЛА»)**

Термин *парабола*, выбранный А. Вознесенским для заглавия одного из первых сборников стихотворений, со временем стал «официальным символом» его творческой индивидуальности. Даже премия, учрежденная к 80-летнему юбилею поэта, получила то же название.

Особый интерес в сборнике представляет нетрадиционное использование поэтонимов, омонимичных историко-культурным именам. В «Параболической балладе» Поль Гоген, участник «Салона отверженных»¹, становится символом *Художника всех времен*, воплощением бунтарского духа в искусстве. Смысловой доминантой имени французского импрессиониста метафорически выступает необыкновенная «траектория» его судьбы: *Чтоб в Лувр королевский попасть из Монмартра, он дал кругая через Яву с Суматрой!* [2, с. 27] А. Вознесенский использует имя *Гоген*, но переосмысливает широко известную историко-культурную информацию о его референте: *Жил огненно-рыжий художник Гоген, / богема, а в прошлом – торговый агент* [2, с.27]. Реальный Поль Гоген был жгучим брюнетом. Огненно-рыжим был его друг Ван Гог, придавший в своей живописи мистическое звучание оранжевым тонам.

Вознесенский никогда не был прост для восприятия: его стихи отличались глубиной и орнаментальностью образного письма. Попробуем добраться до «скрытымным»² – сердцевины его многослойной

¹ «Салон отверженных» – выставка, на которой были представлены забракованные авторитетными судьями работы.

² Вознесенский сравнивал свои стихи с кочаном капусты, обернутым множеством листьев-смыслов: «Сначала все понимают первый слой, половина – следующий венец листьев <...> суть, кочерыжку (скрытымным) порой понимают лишь на расстоянии» [цит. по 5].

метафорики в «Параболической балладе». Преднамеренная «деформация» исторической реальности – не ошибка Поэта, не «авторская глухота», а свидетельство глубокого понимания творчества Гогена, считавшего автопортрет «Христос в Гефсиманском саду» своим лучшим произведением. На нём художник представил себя в образе Иисуса, но с огненно-рыжими волосами, что противоречит сакральной традиции, по которой рыжеволосым изображался Иуда. Автопортрет Гогена выражает одиночество и душевные страдания художников-мучеников, не понятых современниками, живших в нищете. Одновременно «огненно-рыжие» волосы Христа намекали на Ван Гога, alter ego Гогена. А. Вознесенский обыгрывает частичное звуковое совпадение фамилий художников. В контексте «Параболической баллады» благодаря способности историко-культурного имени аккумулировать энциклопедическую информацию антропоним *Гоген* сочетает в себе представления о двух референтах. В результате рождается обобщенный, обозначающий многих Творцов образ, выразительность которого умножается.

В корне не соответствующее ожиданиям читателей, а потому особенно сосредоточивающее на себе их внимание расхождение между семантическим потенциалом репрезентативного поэтонима *Гоген* и контекстом, воспроизводящим имя другого известного импрессиониста – *Винсента Ван Гога*, кроме уже обозначенных функций, указывает и на первостепенность метафорического значения колоратива *огненно-рыжий* для формирования собирательного образа «Художника всех времен». Конечно же, в понимании разрушающего привычные представления об искусстве молодого поэта-эстрадника А. Вознесенского истинный «прораб духа» непременно должен был быть «рыжим». Именно в 60-е годы, когда в искусстве возрождается феномен эзопова языка, складываются особенные отношения между «зрителем» и Творцом: читатель как бы вступает в общество понимающих, владеющих тайным языком людей.

Это во многом объясняет вынесение поэтом в название сборника полисемантического слова *парабола*, одним из значений которого является как раз «иносказание».

В сборнике «Парабола» А. Вознесенского есть еще одно произведение с поэтонимом-контаминантом. Это самое экспрессивное стихотворение сборника «Лобная баллада» (1961). Сюжет баллады – казнь одной из двух наиболее известных фавориток Петра I. Это событие вошло в историю жуткой зрелищностью и запомнилось невероятным поступком царя, поцеловавшего в окровавленные уста отрубленную голову возлюбленной: *Пальцы в щеки впились, как клещи, / переносицею хрустя, / кровь из горла на брюки хлещет. / Он целует ее в уста.* [1, с. 31] Далее в стихотворении обозначается имя казненной: «*А-а-анхен!..*» [1, с. 31] Протонимом *Анхен* в «Лобной балладе» является имя фаворитки Петра I Анны Монс. В «Лобной балладе» поэт показывает трагедию монарха, вынужденного казнить любимую женщину: *Царь застыл – смурной, малахольный, / царь взглянул с такой меланхолией, / что присел заграничный гость / точно вбитый по шляпку гвоздь* [1, с. 32]. Сюжет этого стихотворения отличается от реальных исторических событий: Анна Монс умерла от чахотки в 1714 году, а в марте 1719 состоялась казнь другой фаворитки Петра I – детоубийцы Марии Гамильтон.

Ономастический эксперимент поэта похож на нестандартный прием Поля Гогена, использованный им при создании портрета «Яванка Аннах» (1893). Свою возлюбленную, экзотическую монмартскую танцовщицу Аннах, Гоген изображает нагой, сидящей в кресле, с любимой обезьянкой у ног. На холсте художник выводит странную эпатирующую фразу на ломаном таитянском языке, переводящуюся как «Женщина-ребенок Юдифь еще не проколота» [4]. Юдифью звали юную дочь соседей Гогена. Появление на портрете имени европейки, по мнению исследователей творчества Гогена, свидетельствует о том, что художник не раз сближал и противопоставлял двух девушек мысленно в фантазиях.

Библейский антропоним *Юдифь* наполнен определенной историко-культурной информацией: это имя персонажа ветхозаветной книги, еврейской вдовы, которая обезглавила спящего Олоферна, ассирийского полководца, очарованного ее красотой и поэтому забывшего о безопасности. Собственное имя *Юдифь* имеет как героические, так и эротические коннотации: наряду с ‘кротостью’, ‘правосудием’, ‘мужеством’ и ‘целомудрием’ имя актуализирует семы ‘чувственность’, ‘соблазн’, ‘лукавство’, ‘предательство’, т.к. история Олоферна считается аллегорией несчастья мужчины, оказавшегося в руках замышляющей коварство женщины. Имя на картине устанавливает связь между образами яванки и библейской *Юдифи*. *Аннах*, как и *Анхен*, оказывается вовлеченной в сюжет обезглавливания.

Определение баллады «лобная» делает ключевой составляющей стихотворения на всех уровнях слово «казнь». В таком контексте наказание осуществляется через имя: героиню карают не только отсечением головы, ее наказывают, нарекая именем соперницы. Детоубийце, носящей самое священное материнское имя, отказано в имени. Однако учитывая приобретающую особую значимость в «лобном» окружении внутреннюю форму звучащего в стихотворении собственного имени *Анхен* (с древнееврейского «милость», «благосклонность»), подмену имени можно трактовать как прощение героини.

Собственное имя *Анна* обладает широким кругом ассоциаций в историко-культурном окружении. Для А. Вознесенского периода «Параболы» это имя связано прежде всего с Анной Ахматовой. Стихотворение является одним из «зеркал» поэтессы. В балладе поэтоним *Анхен* рифмуется со словом «ахнет». Междометие «ах», часто встречающееся как в стихотворениях самой Ахматовой, так и в произведениях, посвященных поэтессе, является ее своеобразной визитной карточкой: *Ах, матовый ангел на льду голубом! / Ахматовой Анне пишу я*

в альбом. М. Цветаева сравнивает имя Анны Ахматовой, «музы плача», со вздохом: <...> и глухое: *ох!* – / *Сотысячное – тебе присягает: Анна / Ахматова! Это имя – огромный вздох <...>*. А. Вознесенский продолжает “игру в придыхания”, имя *Анхен* звучит как стон: *Только Красная площадь ахнет, / тихим стоном оглушена: «А-а-анхен!..»* [1, с. 31]. Главный мотив «Лобной баллады», мотив декапитации, является «навязчивым», возвращающимся, в поэзии Ахматовой [6]. Например, в «Прологе» (1942) ее героиня уподобляет себя веренице женщин, причастных к сюжету обезглавливания: <...> *То я голову твою несла. Оттого, что был моим Орфеем, Олоферном, Иоанном ты*. Можно предположить, что в стихотворении А. Вознесенского есть отзвуки ахматовской «Юдифи» (1922), где «оживает» отсеченная голова *Олоферна*. Стихотворение Николая Гумилева «Заблудившийся трамвай» (1920), которое Ахматова считала «эхом» её взаимоотношений с поэтом, содержит мотив срезанной головы. Строка «*Где же теперь твой голос и тело*» является аллюзией на ахматовскую «*Мое тело и голос мой*» («Умирая, томлюсь в бессмертье», 1912). Разделение образа героини на «голос» и «тело» тоже подводит к мотиву декапитации. В своих воспоминаниях А. Вознесенский писал, что его «поразила и унесла траектория «Заблудившегося трамвая»» [цит. по 3]. Интересно, что в стихотворении Гумилева, которое, по мнению большинства литературоведов, посвящено его жене, Анне Ахматовой, фигурирует антропоним *Машенька*, позволяющий, по-видимому, отдельным исследователям утверждать, что в «Заблудившемся трамвае» поэт подразумевает музу-соперницу Ахматовой – Марию Кузьмину. По всей видимости, «Лобная баллада», где пребывающее в подтексте имя *Мария* можно аллюзивно связать с именем Машеньки Кузьминой, представляет собой своеобразную реминисценцию стихотворения Гумилева. Если учитывать, что в антропониме *Анхен* содержится намек на Анну Ахматову, то казнь героини, являющаяся модификацией традиционного сюжета об обезглавливании, согласно

которому головы обычно лишается мужчина, укрепляет параллель между именами *Ахматовой* и родоначальника поэзии мифического *Орфея*.

Написанная в 60-е годы «Лобная баллада» воспринималась современниками А. Вознесенского прежде всего как аллегория, в которой обезглавленная *Анхен-Ахматова* символизировала не только поэзию, но и искусство, и творчество в целом. При таком прочтении стихотворения особое развитие получает поэтика умолчания имени. Легко узнаваемая и сейчас характерная аллюзия на Сталина – «державные усы» (*Я дрожу брусничной кровиночкой на державных твоих усах* [1, с. 32]), которыми поэт наделяет монарха, в реальности носившего, скорее, усики, – в те времена считывалась буквально: главный герой баллады – это вовсе не Петр I, ради государственных интересов казнящий любимую женщину, это другой, советский, правитель, приносивший «Державе» иные жертвы, среди которых была и столь желанная и необходимая А. Вознесенскому свобода творчества.

Подходить к анализу поэтонимии художественных произведений с теми же мерками, по которым характеризуется реальный ономастикон, недопустимо. Особенностью поэтонимосфер художественных текстов является то, что они функционируют в виртуальных мирах, живущих по собственным законам, имеющим лишь опосредованное отношение к реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вознесенский А. А. Лобная баллада / А. А. Вознесенский // Вознесенский А. А. Собрание сочинений. В 3-х тт. [вступ. ст. Л. Озерова]. – М. : Худож. лит., 1983. – Том 1. – С. 31–32.
2. Вознесенский А. А. Параболическая баллада / А. А. Вознесенский // Вознесенский А. А. Собрание сочинений. В 3-х тт. [вступ. ст. Л. Озерова]. – М. : Худож. лит., 1983. – Том 1. – С. 27–28.

3. Воронин Л. Антенна «сдвинутых времен» : загадки «Лобной баллады» / Л. Воронин // Знамя. – 2014. – № 5. – С. 194–203.
4. Даниелльсон Б. Гоген в Полинезии / Б. Даниелльсон. – Москва : Искусство, 1973. – 278 с.
5. Калинин В. М. Поэтика онима. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
6. Марченко А. М. Ностальгия по настоящему (заметки о поэтике А. Вознесенского) / Марченко А. М. // Вопросы литературы. – 1978. – № 9. – С. 66–94.
7. Тименчик Р. Д. К описанию поэтической мифологии Ахматовой / Р. Д. Тименчик // Анна Ахматова и русская культура начала XX века. Тезисы конференции. – 1989. – С. 24–25.

В. І. Немченко

(*наук. керівн. – канд. філол. наук, доц. Н. О. Ярошенко*)

**СИНОНІМІЧНІ ВІДНОШЕННЯ МІЖ КОМПОНЕНТАМИ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОЇ ГРУПИ ДІСЛІВ ПОЧУТТІВ
В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ**

Коли постає завдання виявити внутрішні зв'язки у межах семантичної системи мови, визначити специфічні смислові зв'язки, то ми звертаємось до розгляду лексико-семантичних груп слів [5, с. 137].

Лексико-семантична група – це об'єднання слів однієї частини мови із загальним основним компонентом значення [6, с. 525]. Для дослідження в межах групи ми використовуємо слово (як основну одиницю мови) в її різноманітних смислових зв'язках у системі мови [5, с. 138].

Найбільш показною ознакою лексико-семантичної групи є *синомічний зв'язок*. Синонімічний ряд – ідеальна лексико-семантична група або, принаймні, мінімально необхідне ядро: у ній відмічається близькість семантики, загальна сполучуваність, однакові граматичні ознаки слів тощо [4, с. 23].

Як відомо, для опису семантичного аспекту значеннєвих мовних одиниць найефективнішим є метод компонентного аналізу. *Компонентний аналіз* – це система прийомів лінгвістичного вивчення значень слів, сутність якої полягає в розщепленні значення слова на складові компоненти, які називають семами, семантичними множниками, маркерами. За цими ознаками (компонентами) лексичні одиниці різняться між собою або об'єднуються. Виділення в лексичній одиниці складових елементів здійснюється шляхом зіставлення її з іншими одиницями, які мають з нею семантичну спільність. Оскільки число компонентів є меншим від числа значень слів, то опис лексичних значень за допомогою даного аналізу є компактним та зручним. Необмежену кількість словесних значень можна описати і систематизувати у вигляді обмеженого числа тих самих компонентів [2, с. 245].

Об'єктом дослідження пропонованої роботи є лексико-семантична група дієслів почуттів в українській мові. У той час як **предметом** вивчення виступають синонімічні відношення між компонентами зазначеної лексико-семантичної групи (далі – ЛСГ).

Матеріал дослідження був дібраний методом суцільної вибірки з «Великого тлумачного словника сучасної української мови» за редакцією В. Т. Бусела (2005) [1]. Додатково була проведена вибірка значень із «Словника української мови» в 11 томах за ред. І. К. Білодіда [3]. Загальний обсяг картотеки становить 342 лексеми. Під час аналізу кожне значення багатозначної одиниці будемо вважати окремою одиницею аналізу.

У межах фактичного матеріалу, як свідчить аналіз, нараховується сім значень, за якими компоненти ЛСГ дієслів почуттів вступають у синонімічні відношення).

Зазначимо, що компоненти досліджуваної ЛСГ вступають між собою у відношення як семантичної (ідеографічної), так і стилістичної синонімії.

Наприклад, за значенням **‘перебувати в стані неспокою, хвилювання’** вступають у відношення семантичної синонімії 13 лексем: *бентежитися, зворушуватися, знервуватися, клопотатися, насторожуватися, непокоїтися, переживати, печалитися, піклуватися, схвилюватися, тривожитися, турбуватися, хвилюватися*; у відношення стилістичної синонімії – 23 лексеми: *баламутитися, буритися, гризтися, закуйовдитися, збурюватися, здригатися, каламутитися, колотитися, ментрежитися, метатися, мордуватися, пектися, полахатися, порушуватися, потрясатися, розбурхуватися, розколихуватися, рунтатися, суятися, тремтіти, троскатися, убиватися, уболювати*.

За значенням **‘виявляти гнів, злість; сердитися’** 9 лексем вступають у відношення семантичної синонімії: *гніватися, дратуватися, злитися, злоститися, злютовуватися, лютитися, озлитися, розізлитися, сердитися*; і 37 лексем – у відношення стилістичної синонімії: *біснуватися, бунтуватися, бушувати, буюти, денервуватися, дрочитися, дусатися, знавісніти, іритуватися, казитися, кріпити, навісніти, наїжачуватися, обрушуватися, озвіріти, оскаженіти, оскалюватися, оциряться, паленіти, пасіювати, пінитися, прихати, прогнівлятися, поприндитися, посатаніти, решетитися, розпикатися, розходитися, розшалітися, роз’юшитися, роз’яратися, скаженіти, скипати, спалахувати, шаленіти, юртуватися, ярувати*.

За значенням **‘відчувати страх, побоювання’** 6 лексем перебувають у відношеннях семантичної синонімії: *боятися, лякатися, злякатися, налякатися, побоюватися, страхатися* і 17 – стилістичної синонімії: *дрижати, жахатися, залякуватися, зжахнутися, леденіти, лихоманити, наполохатися, настрахатися, перепудитися, полахатися, потерпати, помаркотніти, сахатися, тіпатися, тремтіти, тушуватися, харпудитися*.

Лише дві лексеми за значенням **‘перестати хвилюватися, заспокоїтися’** вступають у відношення семантичної синонімії: *байдужні-*

ти, заспокоюватися; у той час як у відношення стилістичної синонімії – 13 лексем: гамувати, обвикати, охолонути, перебіситися, перегніватися, перекипати, пересичуватися, потішатися, притишуватися, полегшуватися, притухати, укоїтися, холонути.

За значенням **‘почуття смутку, журби’** у семантичній й стилістичній відношення вступає майже однакова кількість лексичних одиниць: семантична синонімія – 12 лексем: *горювати, журитися, засмучуватися, знудитися, нажуритися, нудитися, нудьгувати, печалитися, пожалувати, розстроюватися, скучати, тужити;* стилістична синонімія – 14 лексем: *банувати, гнітитися, згіркнути, зітхати, каятися, киснути, крушитися, набідуватися, нидіти, померкнути, побиватися, потуманіти, смутитися, уболівати.*

Три одиниці перебувають у відношеннях семантичної синонімії за значенням **‘мучитися від душевних переживань’**: *мучитися, печалитися, страждати;* а 24 лексеми – у відношеннях стилістичної синонімії: *гибіти, гнітитися, гризтися, догасати, зв’ялитися, згнічуватися, згризатися, з’їдатися, каратися, катуватися, конати, мліти, мордуватися, намлітися, перенити, поневірятися, потерпати, розпинатися, розшарпуватися, спалюватися, сохнути, тліти, томитися, умлівати.*

Невелику групу в аналізованому матеріалі становлять слова-синоніми за значенням **‘відчуття радощів’**. Так, у відношеннях семантичної синонімії перебувають 5 лексем: *зрадіти, обрадуватися, порадіти, порадуватися, радіти;* а у відношеннях стилістичної синонімії – 3 лексеми: *веселитися, ликувати, тішитися.*

Отже, проаналізувавши синонімічні відношення між компонентами лексико-семантичної групи дієслів почуттів української мови (на основі «Великого тлумачного словника сучасної української мови» за редакцією В. Т. Бусела, а також «Словника української мови» в 11 томах за ред. І. К. Білодіда), можна зробити такі основні висновки:

1. З-поміж компонентів ЛСГ дієслів почуттів української мови значно переважає стилістична синонімія. Під час дослідження виявлено 50 семантичних синонімів та 131 стилістичний синонім.

2. Одна й та ж лексема за різними значеннями може вступати в синонімічні відношення з різними словами цієї ж самої ЛСГ. Наприклад, лексема *потерпати* може означати: а) відчуття страху; б) муки від переживань; лексема *тремтіти* – а) хвилювання; б) відчуття страху; лексема *мучитися* – а) душевне переживання; б) почуття смутку; лексема *уболівати* – а) хвилюватися; б) сумувати тощо. Це свідчить про складну систему синонімічних відношень як в межах аналізованої ЛСГ, так і в мові загалом.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бусел В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К. : Іпринь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
2. Кочерган М. П. Загальне мовознавство / М. П. Кочерган. – К. : Академія, 2006. – 367 с.
3. Словник української мови : в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наукова думка, 1970–1980. – Режим доступу : <http://sum.in.ua>.
4. Судаков Г. В. Критерии выделения и особенности организации лексических групп / Г. В. Судков // Лексические группы в русском языке XI – XVII вв.: сб. ст. / под ред. Г. А. Богатовой, Л. Ю. Астахиной. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – 451 с.
5. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1962. – 286 с.
6. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езиковедски исследования в чест на акад. Стефан Младенов. – София : Бълг. акад. на науките, 1957. – С. 523–538.

А. Д. Панченко

(научн. рук. – ст. преп. В. Ю. Светличная)

ОСНОВНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

«Заберите у меня все, чем я обладаю.

Но оставьте мне мою речь.

И скоро я обрету все, что имел»

Даниэл Уэбстер

Профессиональное общение – это сложный многоплановый процесс развития контактов между людьми в служебной сфере, для достижения определенной цели. Для каждого общества существует система общепринятых норм, правил, определяющих степень этичности поведения человека в общении. От знания этих норм, умения и навыков их применения зависит успех общения, исследование этической подготовки диктуется современной социокультурной ситуацией.

Актуальность темы обусловлена тем, что современная эпоха демонстрирует расширение и усложнение социальной действительности, которая содержит новые, более эффективные коммуникативные технологии, продуктом которых становится профессиональное общение. Способности и личные качества дают наибольшую отдачу лишь при наличии соответствующей деловой репутации, которая складывается из умения общаться с партнерами по бизнесу, потребителями, конкурентами, государственными органами, средствами массовой информации и т.д. В последнее время возрастает интерес к культуре коммуникационной этики.

Объектом статьи является этика профессионального общения как социокультурный феномен. Предметом данной статьи являются виды и особенности развития этики дпрофессионального общения, его формирование.

Цель статьи – рассмотрение этических норм деловой коммуникации.

Достижение поставленной цели статьи требует решения следующих задач:

1. Рассмотреть основные понятия.
2. Проанализировать особенности официально-делового стиля.
3. Рассмотреть виды этических принципов.
4. Проанализировать существующую ситуацию в профессиональном общении.

Наблюдения этической культуры получили выражение и в таких памятниках мировой и отечественной культуры, как «Изречения» Конфуция, «Никомахова этика» и «Большая этика» Аристотеля, «Застольные беседы» Плутарха, «О дружбе» и «Об обязанностях» Цицерона, «Поучения» Владимира Мономаха. Исследованиям, посвященным этической стороне профессионального общения уделили внимание в своих научных трудах Р. Г. Апресян, Л. Е. Балашов, А. Н. Бродский, Г. П. Выжлецов, А. А. Гусейнов, Н. В. Голик, Е. Л. Дубко, В. Г. Иванов и др.

Человечество так устроено, что любое сообщество всегда «обрастало» ритуалами. Люди во время общения стремились выразить взаимное уважение и доверие, обозначить положение в обществе и готовность к сотрудничеству. Можно было поклониться, обменяться рукопожатием, потереться носами и прочее. В каждой этнической, возрастной или социокультурной группе существуют определенные правила «хорошего тона», которые регламентируют поведение людей [2, с. 2]. Общение является основной составляющей труда множества специалистов, например, менеджеров, юристов, психологов, бизнесменов. Поэтому владение общением, средствами вербальной и невербальной коммуникации необходимо для каждого делового человека [7, с. 3].

Этика – учение о морали, нравственности, нормах и требованиях, об упорядочении отношений людей. Термин введен Аристотелем как обозначение учения о нравственности. Нравственность выступает здесь ценностным выражением действий людей по отношению друг к другу,

определяемых обладанием всего, что обеспечивает жизнедеятельность по критериям человечности. Важнейшими категориями этики являются: «добро», «зло», «справедливость», «благо», «ответственность», «долг», «совесть» и многое другое. Немецкий философ И. Кант считал, что без этой науки невозможно руководить людьми. Деловая этика базируется на уважении интересов не только своей фирмы, но и партнеров, клиентов и общества в целом.

Этические нормы – это система ценностей и правил этики, соблюдение которых требуется от участников делового общения. Нормы выражаются в общих представлениях, как необходимо поступать [3, с. 33].

Общение – процесс взаимодействия общественных субъектов, социальных групп, общностей или личностей, в ходе которого происходит обмен информацией, опытом, способностями и результатами деятельности. Именно в процессе общения происходит специализация личности и ее самореализация. Общение выступает как способ бытия общества.

Профессиональное общение направлено на согласование и объединение усилий людей с целью налаживания отношений и достижения общего результата. В деловом общении человек ставит задачу убедить партнера принять конкретные предложения, побудить партнера предпринять конкретные действия, дать необходимую информацию, побудить собеседника учесть в своих действиях его интересы и т. д. [5, с. 8].

Понимание деловой этики – необходимое качество, которое нуждается в постоянном совершенствовании. Так, еще в 1937 г. Дейл Карнеги, в книге «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», отметил: «Успехи того или иного человека в его финансовых делах процентов на 15 зависят от его профессиональных знаний и процентов на 85 – от его умения общаться с людьми».

Нравственная жизнь человека и общества разделяется на два уровня: с одной стороны – то, что есть сейчас: нравы, фактическое повседневное поведение; с другой стороны – то, что должно быть: должное, идеальный

образец поведения. Нередко в деловых отношениях происходят столкновения с противоречиями между сущим и должным. С одной стороны, человек стремится вести себя нравственно, с другой – ему необходимо удовлетворить свои потребности, реализация которых часто связана с нарушением нравственных норм. Эта борьба между идеальным представлением и практическим расчетом создает конфликт внутри человека, который острее всего проявляется в этике деловых отношений, в деловом общении [8, с. 14-15].

Основополагающие принципы этического поведения в любой ситуации предложены еще в древности: владей собой настолько, чтобы уважать других, как самого себя, и поступать с людьми, как мы желаем, чтобы с нами поступали, «не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства», «не прелюбодействуй», «не желай ничего, что у ближнего твоего», «не делай себе кумира», «почитай отца твоего и мать твою».

Выше человеколюбия нет ничего, говорил Конфуций [3, с. 41]. Нормы и принципы делового общения, сформулированные Конфуцием, не потерявшие актуальности и сегодня:

- «Когда правитель любит справедливость, никто не осмелится быть непослушным, когда правитель любит правду, никто в народе не посмеет быть нечестным».

- «Благоговейно относись к делу и честно поступай с другими».

- «Держать два конца, но использовать середину».

- «Благородные мужи при разногласии находятся в гармонии; у малых же людей гармонии не может быть и при согласии».

- «Благородный муж ... когда глядит, то думает, ясно ли он увидел; а слышит – думает, верно ли услышал; он думает, ласково ли выражение его лица, почтительны ли его манеры, искренна ли его речь, благоговейно ли отношение к делу; при сомнении думает о том, чтоб посоветоваться; когда же гневается, думает об отрицательных последствиях; и перед тем, как что-то обрести, думает о справедливости».

Современные же взгляды на место этики в деловом общении определены таким образом:

– современный развитой капитализм на каждом шагу порождает человека с «рыночным характером», главные цели которого в деловом общении состоят в том, чтобы подороже себя продать;

– высокие нравственные принципы и ценности часто забываются, когда речь заходит о прибыли;

– в духовном общении часто утрачивается не только мораль, но и самоидентификация личностей (силы и возможности человека выступают как товар), отчуждающие от него;

– некоторые полагают, что в деловом общении и вообще в бизнесе этика сама по себе не нужна (нужно любыми доступными средствами максимизировать прибыль);

– вторая позиция по отношению между этикой и бизнесом состоит в том, что соблюдение этических норм в деловом общении признается важным не только с точки зрения ответственности бизнесменов перед обществом и самим собой, но и необходимостью для эффективного производства [4, с. 40-41].

Эмпирически фиксируемые практические трудности, свидетельствуют о дефиците различных аспектов воспитанности людей. Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали. Это и потребительский эгоизм, и всеобщий рост уголовных тенденций и политический терроризм. Первичная же причина асоциального поведения лежит во внутренней бездуховности человека. Это связано с переходом за грань разумных потребностей. Упорная работа личности и общества по возвышению потребностей может ограничить неразумные потребности в безудержной наживе, утилитаризме. Законное стремление человека к культуре быта должно согласовываться с его высшими духовными ценностями. В этой согласованности раскрывается гармония взаимоотношений людей. Жить в согласии с истиной – значит выйти на путь

осмысленного бытия и избранного дела, действовать в согласии с законами природы и общества и обрести уверенность в результате деятельности без ущерба для других и в полной гармонии с окружающим миром и собой [3, с. 47]. При этом, необходимо помнить следующее:

- в морали нет абсолютной истины и высшего судьи среди людей;
- когда идет речь об этических промахах других, не следует делать из «моральных мух» «моральных слонов». Когда речь идет о промахах своих, следует поступать наоборот;
- в морали следует хвалить других, а предъявлять претензии к себе;
- нравственное отношение окружающих к нам зависит конечном счете только от нас самих;
- когда речь идет о практическом утверждении норм морали, основной императив поведения – «начни с себя» [1, с. 45].

Таким образом, имеются два наиболее распространенных принципа построения этической аргументации – принцип утилитаризма и принцип нравственного императива. В соответствии с принципом нравственного императива моральные решения не должны зависеть от конкретного результата (любая взятка есть зло, обман одного клиента также аморален, как и многих). Согласно принципу утилитаризма действие считается морально оправданным, если оно приносит или имеет тенденцию принести максимальную пользу максимальному числу лиц. Суммарная польза сопоставляется с объемом причиняемого ущерба. И если он перевешивает, решение является неэтичным. Если же все альтернативные действия причиняют ту или иную степень ущерба, то выбирается «наименьшее зло» [5, с. 10].

Поэтому применительно к деловому общению основной этический принцип можно сформулировать таким образом: в деловом общении при принятии решения о том, какие ценности следует предпочесть в данной

ситуации, поступай так, чтобы твое желание было совместимо с нравственными ценностями других сторон, участвующих в общении, и допускало координацию интересов всех сторон [1, с. 46].

Основные принципы этики делового человека могут быть конкретизированы применительно к различным сферам профессиональной деятельности. Базовыми постулатами этического кодекса, в деловом общении, являются следующие:

- убеждение в полезности своего труда не только для себя, но и для других, для общества в целом;
- исход из того, что люди, окружающие хотят и умеют работать;
- признание необходимости конкуренции, но понимание и необходимости сотрудничества;
- уважение любой собственности, общественных движений, уважение профессионализма и компетентности, законов, оценка образования, науки и передовых технологий [6, с. 6].

Таким образом, соблюдение этических норм в деловом общении признается важным не только с точки зрения ответственности перед обществом и самими собой, но и необходимым для эффективности профессиональной деятельности. В этом случае этика рассматривается не только как необходимый нравственный императив поведения, но и как средство (инструмент), помогающее увеличить рентабельность, способствующее укреплению деловых связей и улучшению делового общения. Думается, что этот подход – более цивилизованный и, в конце концов, более эффективный, утверждая этические нормы общения у себя, это в то же самое время способствует их распространению и в социуме, окружающей социальной среде. А чем более благополучной становится этическая атмосфера в обществе, тем более благоприятная обстановка создается и для бизнеса. Вместе с тем неэтичное поведение и общение рано или поздно обернется если и не прямыми экономическими убытками, то, во всяком случае, социальными и нравственными издержками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова В. В. Деловое общение. Учебный курс [Электронный ресурс] : В. В. Борисова / Режим доступа: <http://bspu.ru/course/21138>.
2. Белоусова Т. В. Этикет. Полный свод правил светского и делового общения. Как вести себя в привычных и нестандартных ситуациях / Т. В. Белоусова. – М. : АСТ, Астрель-СПб, 2012. – 228 с.
3. Ковальчук А. С. Основы имиджеологии и делового общения. Учебное пособие для студентов вузов / А. С. Ковальчук. – Изд.3-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004. – 256 с.
4. Рева В. Е. Деловое общение : учебное пособие на электронном носителе / В. Е. Рева. – Пенза, ПГУ, 2003. – 240 с.
5. Узерина М. С. Этика делового общения : учебное пособие / М. С. Узерина. – Ульяновск : УлГТУ, 2004. – 72 с.
6. Фионова Л. Р. Этика делового общения / Л. Р. Фионова. – Пенза, ПГУ, 2010. – 96 с.
7. Шевчук Д. А. Деловое общение: учебное пособие / Д. А. Шевчук. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007. – 156 с.
8. Шеламова Г. М. Этикет делового общения: Учеб. пособие для нач. проф. образования / Г. М. Шеламова. – М. : Академия, 2005. – 192 с.

Д. А. Пожидаев

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. П. Борисова)

ФУНКЦИИ СЛАВЯНИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Н. М. КАРАМЗИНА

Среди известных деятелей русской культуры XVIII-XIX веков Н. М. Карамзин занимает самое почётное место не только как писатель и глава сентименталистского литературного направления, но и как реформатор художественной речи, как человек, внесший огромный вклад

в развитие русского литературного языка нового типа. Все возможные художественные средства, представленные в этом языке в то время, были использованы Н. М. Карамзиным для усиления образности и выразительности в рамках «полистилизма» русской литературы первой половины XIX века [4, с.15]. Новые принципы языкового строительства, разработанные писателем, нашли дальнейшее применение и были усовершенствованы в творчестве В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, а затем и А.С.Пушкина, которого по праву считают основоположником русского литературного языка. Н. М. Карамзин, без сомнения, был лингвистически одаренным человеком, и именно ему удалось успешно воплотить в жизнь те тенденции формирования нового русского слога, потребность в котором ощущалась еще с конца XVIII века.

Н. М. Карамзин считал необходимым сблизить книжный язык с разговорным. Под последним он понимал не общенациональный русский язык, а язык образованной части светского общества, сформированный на основе «изящного вкуса». Главным в эстетике сентиментализма становится понятие «чувствительность», которое закрепляется в языке произведений таких жанров, как повесть, элегия, сказка, послание и др., связанных по языковым установкам с основными характеристиками «среднего штиля». Установка на разговорное употребление, по мнению Н. М. Карамзина, требовала отказа от использования стиля «высокой» поэзии классицизма, отказа от книжных (архаизированных) норм литературного употребления, опиравшихся на церковнославянский язык.

Всё сказанное не означало, что Н. М. Карамзин объявлял войну всей системе церковнославянского языка, который в XVIII веке всё ещё занимал устойчивые позиции. Писатель предполагал избавиться от тех книжных языковых средств, которые в принципе не могли употребляться в разговорной речи. Его призыв «писать, как говорят, и говорить, как пишут» был ориентирован, прежде всего, на западноевропейскую

языковую ситуацию и был связан с желанием «новаторов» совершенствовать разговорную речь, которая должна была стать неотъемлемой частью всего литературного творчества. Прямо противоположного мнения придерживались «архаисты», сторонники старой традиции оформления художественного слога, ярким представителем которых был А. С. Шишков. Вместе с единомышленниками, решая проблемы укрепления и совершенствования литературного языка и языка художественной литературы своего времени, он призывал придерживаться путей их «славянизации» и соблюдения старых традиций с опорой на нормы церковнославянского языка. Являясь сторонниками разных направлений в области языкового строительства, «карамзинисты» и «шишковисты» обрушивались друг на друга с резкой критикой, и полемика вокруг споров «о новом и старом слоге» стала ярким явлением в истории литературного творчества XIX века.

Однако обвинения в адрес Н. М. Карамзина не всегда были справедливыми, поскольку он никогда не выступал против церковнославянского языка как прочной основы складывающегося литературного языка нового типа. Писатель был против неоправданного использования лишь отдельных книжных слов, которые, по его мнению, «обветшали», устарели и могли привести к «неровности слога». Его стремление поднять идеологический уровень русского литературного языка, усилить его художественно-выразительные средства, приблизить русскую художественную речь к лучшим западно-европейским образцам невольно заставляло писателя опираться на элементы разных языковых стихий. Н. М. Карамзин призывал единомышленников к заимствованию иностранных слов, к широкому использованию русских слов для выражения новых значений и понятий, к сохранению и обновлению церковнославянской лексики. Всё сказанное подтверждается творчеством писателя и его собственной манерой письма. Как показывает анализ, элементы церковнославянского языка Н. М. Карамзин использует очень активно. Среди

лексических единиц разного происхождения в его произведениях особое место занимают славянизмы. Понятие *славянизмы* по отношению к разным периодам развития литературного языка наполнено особым содержанием, но к началу XVIII века они представляли собой большую группу слов, генетически связанных с церковнославянским языком и к новому времени уже оформившихся в особую стилистическую категорию [2]. Элементы старого книжного языка, включенные в эту категорию, отбирались и использовались писателями и поэтами в начале XIX века как выразительные средства с новым стилистическим содержанием [3, с. 201].

Н. М. Карамзин в своем творчестве постоянно обращался к «необветшалым» славянизмам, которые употреблял в разных функциях в пределах «ровности слога», что соответствовало основному стилистическому требованию писателя. Традиционным было обращение автора к церковнославянской лексике тогда, когда он касался библейской, религиозной тематики или рассуждал о проблемных вопросах религии, веры, о нравах, гражданской позиции и т.п. Например: *«Уже великолепные храмы, единому Богу посвященные, возносились к облакам в странах ваших, но мы, во мраке идолопоклонства, приносили кровавые жертвы бесчувственным истуканам»* – «Остров Борнгольм»; *«Таким образом грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснить действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь»* – «История государства Российского». В более поздний период, отступая от традиций «нового слога», Н. М. Карамзин использует славянизмы для создания исторического колорита, описания военных событий и т.д.: *Олег, следуя за течением Днепра, возлюбил красные берега его и в благословенной стране Киевской основал столицу своего обширного государства; но Великий Новгород был всегда десницею князей великих, когда они славили делами имя русское* – «Марфа посадница, или

Покорение Новгорода»; *Дерзнув первые тревожить Римския владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства с гражданским просвещением, которая заключалась наконец гибелию последняго* – «История государства Российского». В тексте «Истории государства российского» обнаруживается неожиданно большое количество слов церковнославянского происхождения, которые автор активно использует при описании обычаев и нравов разных народов, при описании географических объектов, городов, зданий и сооружений, связанных с конкретными историческими событиями, военными действиями и т.д.: *Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам; Но вероятно, что славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам; вероятно и то, что Волохи, потомки древних Гетов и Римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю Готтам, Гуннам и другим народам, искали убежища в горах; Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду и под.* Славянизмы включаются автором в текст и с целью усиления исторического колорита описываемых эпох. Н. М. Карамзин с их помощью умело создавал торжественные, величественные образы зданий (например, монастырей), городов (например, Москвы) или целых государств: *Иногда на вратах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осажденного многочисленными врагами; тут образ богоматери обращает неприятелей в бегство* – «Бедная Лиза»; *Уже легионы Иоанновы приближались к великому граду и медленно окружали его: народ с высоких стен смотрел на их грозные движения. Уже белый шатер княжеский, златым шатром увенчанный, стоял пред вратами*

Московскими – и степенный тысяцкий отправился послом к Иоанну – «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода» и др.

Очень часто у писателя возникала необходимость использования книжных слов для придания слогу торжественности звучания (например, в его ранних переводах, где обнаруживаются такие архаизмы, как *аспид, дочь, кормило, лествица, обрящет, позорище, соделает, рамо, разверзает* и др.). Приводим отрывок перевода трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь»: *Взирая на язвы твои, которые разверзают немые и розовые уста свои, дабы испросить у языка моего силы произношения слов, следующее предсказываю: клятва соделает хромыми члены человеческие!; ...поднимает глаза к облакам и презирает нижняя ступени, по коим взошел; мы должны смотреть на мир, как на великое позорище, где добро со злом ведут кровавую брань»* и др. Заметна роль славянизмов как художественно-выразительных языковых средств стиля Н. М. Карамзина при описании чувств и переживаний его героев, для создания ощущения ими тревоги и волнения в критические моменты жизни, для создания речевых характеристик: *Хладный мир! Я тебя оставил! – Безумные существа, человеками именуемые! Я вас оставил – «Сиерра-Морена»; Безмолвие мужей и старцев в великом граде было ужаснее вопля жен малодушных – «Марфа Посадница»* и др. Славянизмы в языке произведений писателя (например, в повестях «Юлия», «Бедная Лиза», «Холодный и чувствительный» и др.) с конца 90-ых годов XVIII в. выполняют, по крайней мере, четыре важные функции: а) помогают создавать поэтические образы в конкретном микротексте, а в целом – формируют особый художественный стиль автора; б) способствуют формированию высокого слога (стиля) и передаче «высоких» понятий в произведениях разных жанров; в) помогают созданию исторического колорита и становятся выразительным средством исторической стилизации; г) используются в версификационных целях.

Таким образом, декларируя основные теоретические положения в пределах «нового слога», Н. М. Карамзин в ряде случаев на практике пересматривает многие его положения, в том числе и в отношении к элементам старого книжного языка: в произведениях разных жанров он неизменно использует большое количество славянизмов. При этом писатель нередко сохраняет традиционный подход к использованию этих выразительных средств, связанных, прежде всего, с языком «высоких» жанров русской литературы XVIII- начала XIX веков (здесь заметно влияние ломоносовской системы с разделением слога по жанрам [1, с. 6]). Но нередко славянизмы, отмеченные в языке Н. М. Карамзина, обретают новые, ранее не выполнявшиеся ими функции (например, как приём создания поэтических образов в повестях «Остров Борнгольм», «Бедная Лиза», «Сиерра-Морена»; или приёмы стилизации в «Истории государства Российского» и др.).

Сегодня имя Н. М. Карамзина включено в число самых талантливых и успешных реформаторов языка художественной литературы нового времени. Он оказался в числе тех, кто активно формировал, оттачивал и совершенствовал те языковые средства, которые лежат в основе образности и выразительности русской художественной речи, а также являются основой современного русского литературного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Проблема Карамзина в истории стилей русской литературы / В. В. Виноградов // Язык и стиль русских писателей: от Карамзина до Гоголя. Избранные труды. – М. : Наука, 1990. – 386 с.
2. Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке / Г. О. Винокур // Избранные работы по современному русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
3. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века / В. В. Замкова. – Л. : Наука, 1975. – 222 с.

4. Литература русского предромантизма : мировоззрение, эстетика, поэтика / Федосеева Т. В. и др. – Рязань : Ряз. гос.ун-т им. С. А.Есенина, 2012. – 492 с.

5. Источники: Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах / Н. М. Карамзин. – М.; Л. : Художественная литература, 1964. – Т. 1 – 805 с., Т.2 – 582 с.

Р. А. Пожидаев

(науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Л. Т. Сенчина)

ЯЗЫКОВОЙ КОМИЗМ В КОМЕДИЯХ А. П. СУМАРОКОВА

Известно, что А. П. Сумароков стоит у истоков формирования жанра комедии в русской литературе XVIII века. Традиционно комедийное творчество драматурга рассматривается в эволюции согласно концепции Г. А. Гуковского, разделяющего творчество Сумарокова на три периода [3, с. 149].

Всего Сумароков написал 12 комедий. Они были разделены на три группы в соответствии с временными рамками. В первую группу включены комедии 1750-х годов: «Тресотиниус», «Ссора мужа с женой» (позже переделанная в «Пустую ссору»), «Чудовищи» (первоначальное название «Третьейский суд»). Второй период (1760-е года). К этому периоду относятся пьесы «Лихоимец», «Опекун» и др.

Самый значительный период в творчестве А. Сумарокова (1770-е года) – это третий период, когда были написаны такие комедии, как «Рогоносец по воображению», «Мать, совместница дочери».

В ранних комедиях Сумарокова сцены связаны «механически». Действующие лица появляются один за другим, представляя какой либо порок и высмеивая его. Это комедии со слабо разработанным сюжетом, а действующие лица раскрывают свой характер преимущественно в монологах.

Первые комедии А. Сумарокова, как правило, посвящены осмеянию одного лица, главный персонаж – близкий друг драматурга. Так, первой «жертвой» А. Сумарокова стал известный теоретик литературы, поэт и переводчик Василий Кириллович Тредиаковский. Для того, чтобы зрители об этом могли догадаться, Сумароков использовал созвучие фамилии «подлинника» и его сценического двойника и ввел ряд деталей, недвусмысленно намекавших на В. Тредиаковского. Так, например, отдельные реплики главного персонажа Тресотиниуса в одноименной пьесе явно напоминают нам фразы из художественных произведений самого В. Тредиаковского, которые были хорошо известны современникам. В одной из сцен комедии, во время диалога Кларисы и Тресотиниуса проговаривается фраза: «Прекрасная красота, приятная приятность, по премногу кланяюсь вам», – фраза, которая напоминает нам песню Тедиаковского: «Приятное приятство...».

В комедии «Тресотиниус» читатель встречается с многочисленными насмешками над Тредиаковским. Осмеиваются не только его поэтические произведения, но и теоретические высказывания. Чаще всего обыгрывается трактат «Разговор об орфографии». Тресотиниус яростно спорит о правописании букв. В частности, отстаивает форму буквы «Т» – «твердј об одной ноге» – спорит о написании с «Зелом», то есть с буквой «S», а не «з»:

Тресотиниус: тут поставь зело.

Подьячий: ... у нас зела вприказах не пишут: ныне зела и в письменных азбуках нет.

Тресотиниус: я хочу, и действительно хочу, чтоб стояло зело, а не земля.

Намекает А. Сумароков на особую любовь Тредиаковского к междо-метиям, и употребления их без всякого на то основания. *Ах!* и *О!* Тресотиниус использует в речи там, где меньше всего это ожидает от него читатель. Таким образом, в репликах и монологах Тресотиниуса Сумароков фактически пародировал своеобразный стиль Тредиаковского. В итоге Тредиаковский был представлен в пьесе Сумарокова как смешной

педант, много и глупо рассуждающий и спорящий. Пьеса «Тресотиниус» – это своеобразный памфлет на В. Трелиаковского.

Ко второй группе относятся комедии, написанные Сумароковым в 1760-е годы: «Опекун», «Лихоимец», «Приданное обманом», «Ядовитый». Сохраняя памфлетный характер этих комедий, драматург добивается в них все же большей многогранности и глубины в осознании характеров действующих лиц. В центре каждой пьесы – один образ, который как бы «стягивает» действие комедии, а остальные герои только подчеркивают какую-либо черту главного персонажа. В комедиях второго периода явно усматривается описание быта, появляется критика государственных устоев общества. Но самое главное вырабатывается новый тип диалога, который как отмечают некоторые исследователи, получит развитие в последующей литературе, в частности в творчестве Николая Гоголя. Исследователь В. И. Глухов в статье «Сумароковский след», в «Мертвых душах Гоголя» отмечает: «Комедия „Лихоимец“ как это не покажется поначалу неожиданным – один из литературных источников двух глав гоголевской поэмы (о Собакевиче и Плюшкине)». Это дает основание взглянуть на Сумарокова-драматурга по-новому: его лучшие комедии куда более значительное художественное явление, чем это принято думать [2, с. 3–5].

Отметим и такую особенность комедии второго периода, как наличие индивидуализации речи персонажей. Все это свидетельствует об изменении жанра комедии в русской литературе XVIII века.

Последняя группа комедий была написана в 1770-е годы – «Рогоносец по воображению», «Мать, совместница дочери», «Вздорщица». Особенно интересна комедия «Рогоносец по воображению».

Главные персонажи в ней – чета провинциальных дворян с характерными именами – Викул и Хавронья. Фабульную основу действия пьесы составляет любовь богатого графа к бедной девушке, воспитываемой в провинциальной глуши у этих добрых, но

невежественных дворян. Необоснованная ревность Викула к своей жене порождает многочисленные комические ситуации, возникающие по ходу развития комедийного сюжета. В комедии «Рогоносец по воображению» отчетливо проявляется речевая характеристика героев: положительные персонажи говорят исключительно о духовных ценностях, о «высоком», о смысле жизни и т.п. Речь положительных героев почти сплошь состоит из абстрактных понятий (счастье, великодушие, достоинство, гордость и честь и т. д.). Отрицательные герои одержимы страстью к «материальному», их речь насыщена словами с предметным значением. Это, как правило, мотивы еды (свиные ноги, фрикасе из свинины, тертый горох и прочее). Эстетическое последствие такого разделения очевидно. Порочные персонажи сумароковских комедий как бы уплотняются, обретают телесный облик, формируют вокруг себя реальную бытовую среду. Положительные герои теряют прикрепленность к быту и все выше поднимаются в бытийные сферы «чистой» духовности. Как справедливо пишет исследовательница О. Б. Лебедева: «Мир вещей – действительная русская жизнь и мир идей – представления русских просветителей о ее идеальном должном облике, категорически не совпадали как в самой действительной жизни, так и в ее вторичной словесной модели – литературе» [4. с.31].

В комедии «Рогоносец по воображению» используется такой прием, как «языковой комизм», «сшибка» языков (определение И. Сермана) [5, с. 100]. Герои часто не понимают друг друга, каждый говорит о «своем» и не слышит другого. Характерный пример «языкового комизма» мы встречаем в сцене объяснения Викула и Хавроньи. Викул обвиняет жену в измене, а она очень удивлена такому повороту событий:

Хавронья: ...как это сказать людям, так они нахохочутся! Кстати ли ты это вздумал.

Викул: как того не опасаться, что с другими бывает людьми.

Хавронья: я уже баба не молодая, так чего тебе опасаться.

Викул: да есть пословица, что гром-аж гремит не всегда из небесной тучи, да иногда и из навозной кучи.

Хавронья: тупун бы тебе на язык; какая навозная у тебя я куча?
[1, с.45–46].

На лицо явное непонимание друг друга, что и создает комическую ситуацию, вызывает смех.

Как известно, главная цель Сумарокова в комедии «Рогоносец по воображению» – обличить невежественное дворянство. Однако в реальном воплощении замысла в пьесе это обличение уже не воспринимается как бесспорное. Викул и Хавронья у читателя вызывают явную симпатию. Они любят друг друга, они добры к людям, своей воспитаннице; они просты и открыты, порой наивны. Такой «переворот» в сознании читателя свидетельствует о глубокой разработке образов пьесы. Из комедии уходит однозначность в определении героев, столь характерная для предшествующих пьес драматурга. Таким образом, Сумароков-драматург создает жанровую модель русской комедии, которая в определенной степени способствовала развитию русской драматургии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сумароков А. П. Драматические сочинения / А. П. Сумароков. – Л. : Искусство, 1990. – 479 с.
2. Глухов В. И. Сумароковский «след» в «Мертвых душах» Гоголя / В. И. Глухов // Русская речь / – № 5. – 2000. – С. 3–5.
3. Гуковский Г. А. Русская литература / Г. А. Гуковский. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 453 с.
4. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века / О. Б. Лебедева / – М. : Высш. Шк.: Изд. центр «Академия», 2000. – 415 с.
5. Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира / И. З. Серман. –Л. : Наука, 1973. –286 с.

Н. Н. Ревчук

(научн. рук. – канд. филол. наук, доц. К. В. Першина)

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

В языке каждого народа есть группа слов, обозначающих родственные отношения между людьми – это так называемые термины родства.

Данная лексическая группа представляет собой важнейшую часть фонда исконных слов языка и давно привлекает к себе внимание языковедов. Еще в 60-е годы XIX ст. П. А. Лавровский проанализировал процесс формирования современной русской системы родства и заложил основы для дальнейших научных поисков [3]. В XX ст. исследование данной лексической группы продолжается, возникают новые аспекты анализа. Так, О. Н. Трубачев осуществил детальный этимологический анализ базовых терминов родства на широком славянском фоне [9]. А. И. Моисеев указал наиболее важные семантические особенности данных слов [5], а В. М. Крюков проанализировал их в сопоставительном аспекте [1; 2]. Н. И. Сумникова отграничила термины родства от терминов свойства [7]. Анализируются данные термины и в рамках антропоцентрической лингвистической парадигмы [8; 10].

Одним из важных аспектов исследования терминов родства является их функционирование в современном языке в разных стилях и речевых жанрах. Актуальность этого аспекта обусловлена тем, что семейно-родственные отношения продолжают сохранять свою важную социально-культурную роль в жизни восточных славян, с одной стороны, а с другой – подвергаются воздействию разнообразных разрушительных тенденций, порождаемых глобализационными устремлениями.

В данной статье представлен опыт анализа лексем *мать, мама, отец, папа и батя* и их производных, выступающих названиями кровных

родственников. Рассматриваются состав, словообразовательная структура и функционирование указанных терминов кровного родства в современном русском языке.

Источником фактического материала послужили тексты газетного, основного и поэтического корпусов «Национального корпуса русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru/>).

Проведенное исследование показало следующее.

Избранные для анализа лексемы регулярно используются в современной речи носителей русского языка. Термины родства *отец*, *мать*, *мама* входят в состав наиболее употребительных. Термин родства *отец* употреблен в 30 623 предложениях, термин родства *мать* – в 22 155, термин родства *мама* – в 18 181 предложении.

Для именованья *женщины по отношению к ее детям* используются следующие слова:

- *мать* (*Несчастливая семья, но не пропащая, если **мать** так цепляется за детей.* Эвелина Азаева. *Не дашь – проклинают* // Ком. правда, 2014. 07.15 – газетный корпус);
- *мама* (***Мама** говорила потом: «Он мне проходу не давал, ухаживал с утра до вечера»* (Анатолий Рыбаков, «Мокрый песок», 1975) – основной корпус);
- *матерь* (*Как бы дома побывать. Отца, **матерь** повидать.* Р. Б. Гуль «Конь рыжий»(1952) основной корпус).

Первые две номинации выступают как основные. Распределение употребительности по корпусам таково. Слово *мама* в основном корпусе встретилось в 4 304 документах, в газетном – в 13 533, а в поэтическом – в 344. Слово *мать* – в основном корпусе встретилось в 7 976 документах, в газетном – в 11 523, а в поэтическом – в 2656.

Лексическая форма *матерь* в основном корпусе встретилась в 8534 документах, в газетном – в 133, поэтическом – в 283. В основном корпусе

преобладает употребление номинации *мать*, в газетном – *мама*, в поэтическом *мать*.

В текстах всех трех корпусов встречаются производные первой и второй степени образования от слов *мама* и *мать*.

Мама. Производные первой степени – *мамочка, мамаша, маманя, маменька, маминька, мамынька, мамонька, мамушка, мамка, мамуля, мамуся, мамуня*; дериваты второй степени – *мамунька, мамуська, мамусичка, мамусинька, мамульчик, маманька, мамашка, мамашенька*. Общее количество производных, зафиксированных в указанных корпусах, – 20 единиц.

Мать. Производные первой степени – *матушка, маточка*. Общее количество дериватов – 2 единицы.

Лексическая форма *матерь* в словообразовательные отношения в анализируемом значении не вступает, поскольку является стилистическим вариантом лексемы *мать*.

Все дериваты характеризуются структурным единообразием: все они представляют собой суффиксальные производные. При создании производных первой степени образования использованы суффиксы *-очк-, -аш-, -ан-, -еньк-, -иньк-, -ыньк-, -оньк-, -ушк-, -к-, -ул-, -ус-, -ун-*. При создании производных второй степени использованы суффиксы *-к-, -ичк-, -иньк-, -еньк-, -чик-*.

Распределение выявленных производных между корпусами отражает таблица 1.

Таблица 1

Дериват		Количество употреблений			
		Основной корпус	Газетный корпус	Поэтический корпус	Всего в 3-х корпусах
От основы <i>мам-</i>					
1.	<i>мамочка</i>	694	435	30	1159
2.	<i>мамаша</i>	1278	435	45	1758
3.	<i>маманя</i>	101	15	2	118

4.	<i>маменька</i>	757	17	32	806
5.	<i>маминька</i>	19	-	-	19
6.	<i>мамонька</i>	38	1	1	40
7.	<i>мамушка</i>	113	-	-	113
8.	<i>мамынька</i>	55	-	19	74
9.	<i>мамка</i>	544	71	31	646
10.	<i>мамуля</i>	52	32	-	84
11.	<i>мамуся</i>	23	3	3	29
12.	<i>мамуня</i>	7	1	-	8
13.	<i>мамунька</i>	2	91	-	93
14.	<i>мамуська</i>	1	-	-	1
15.	<i>мамусичка</i>	1	-	-	1
16.	<i>мамусинька</i>	1	1	-	2
17.	<i>маманька</i>	24	-	-	24
18.	<i>мамашка</i>	29	8	1	38
19.	<i>мамашенька</i>	30	-	1	31
20.	<i>мамульчик</i>	110	-	-	110
От основы <i>мат`-/мат-</i>					
1.	<i>матушка</i>	2527	363	-	2890
2.	<i>маточка</i>	28	-	1	29
Всего:		6434	1473	166	8073

Из таблицы 1 видно, что такие производные, как *мамочка*, *мамаша*, *маманя*, *мамонька*, *мамка*, *мамуся* употребляются во всех корпусах, *мамынька*, *мамуля*, *мамуня*, *мамунька*, *мамусинька*, *матушка*, *маточка* – только в двух, а *маминька*, *мамушка*, *мамуська*, *мамусичка*, *маманька*, *мамашенька*, *мамульчик* – только в основном корпусе.

Для именованя мужчины по отношению к своим детям используются такие термины родства:

- *отец* (*Пьющий отец дарит квартиру одной из дочерей*. Е. Аракелян. Как я работал нотариусом // Ком. правда, 2014. 07.28 – газетный корпус);
- *папа* (– *Нет, папа, я выйду за него замуж, потому что люблю*. Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», 2002. – основной корпус);
- *батя* (*У нас дома не было телефона, на работу батя ездил на автобусе, где ему напрямую передавали письма и просьбы* (В.Вобленко. Теплая осень 1993 года // Ком. правда, 2013.10.04 – газетный корпус).

Первые две номинации являются основными.

Слово *отец* в основном корпусе встретилось в 13 443 документах, в газетном – в 15 626, в поэтическом – в 1 554. Слово *папа* в основном корпусе встретилось в 459 документах, в газетном – в 6 565, поэтическом – в 143. Слово *батя* в основном корпусе встретилось в 442 документах, в газетном – в 121, поэтическом – в 10.

Во всех трех корпусах наиболее употребительной является номинация *отец*. Производных от этого термина не зафиксировано.

Термин родства *папа*, в отличие от предыдущего, дает производные первой и второй ступеней образования, которые встретились во всех корпусах.

Папа. Производные первой ступени – *папочка, папонька, папенька, папилька, папик, папка, папаша*, папуля, производные второй ступени – *папчик, папульчик, папусик*.

При создании производных первой ступени используются суффиксы *-очк-, -оньк-, -еньк -, -иньк-, -к-, -аш -, -ик-, -ул-*, второй ступени – *-ик-/чик*.

Термин родства *батя* дает производные первой ступени *батька, батяня, батюшка*, образованные с помощью суффиксов *-к-, -ян-, -юшк-*, и дериват второй ступени *батянька*, образованный с помощью суффикса *-к-*.

Распределение этих производных между корпусами отражает таблица 2.

Таблица 2

Дериват		Количество употреблений			
		Основной корпус	Газетный корпус	Поэтический корпус	Всего в 3-х корпусах
От основы <i>пап-</i>					
1.	<i>папочка</i>	540	118	7	665
2.	<i>папонька</i>	2	-	-	2
3.	<i>папенька</i>	441	14	12	467
4.	<i>папилька</i>	14	-	-	14
5.	<i>папусик</i>	1	-	-	1
6.	<i>папульчик</i>	3	-	-	3
7.	<i>папчик</i>	3	-	-	3
8.	<i>папуля</i>	35	15		50
9.	<i>папаша</i>	1166	407	48	1621
10.	<i>папка</i>	-	32	-	32
11.	<i>папик</i>	45	22	-	67

Всего:	2250	608	68	2925
От основы <i>бат-</i>				
<i>бацька</i>	554	228	30	812
<i>батяня</i>	30	15	-	45
<i>батянька</i>	9	-		9
<i>батьюшка</i>	2679	688	119	3486
Всего:	2272	931	148	4352
Всего в корпусах:	5522	1539	216	7277

Как видно из таблицы 2, термины родства *папочка, папенька, папаша* встречается во всех трёх корпусах. Наибольшее количество употреблений представлено в основном корпусе. Слова *папуля, папик* встретились в основном и газетном корпусах; *папусик, папонька, папилька, папульчик, папчик, папка* встретились только в основном корпусе.

Термины родства *бадя, бацька, батьюшка* употребляются в трех корпусах, *батяня* – в основном и газетном, *батянька* – в основном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крюков М. В. Личное имя и термины родства / М. В. Крюков // Ономастика Востока. – М. : Наука, 1980. – С. 165–169.
2. Крюков М. В. Система родства китайцев / М. В. Крюков. – М. : Наука, 1972. – 327 с.
3. Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян / П. А. Лавровский. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.
4. Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства / Ю. И. Левин // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 48–49.
5. Моисеев А. И. Термины родства в современном русском языке / А. И. Моисеев // Филологические науки. – 1963. – № 3. – С. 120–132.
6. Попов В. А. Номенклатура родства и система терминов родства / В. А. Попов // Алгебра родства. – СПб. : МАЭ РАН. 1998. – Вып. 2. – С. 135–142.
7. Сумникова Н. И. Термины родства и свойства в современном русском языке / Н. И. Сумникова // Русская речь. – 1969. – № 2. – С. 117–123.

8. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) / С. М. Толстая // Категория родства в языке и культуре. – М. : Индрик, 2009. – С. 7–22.
9. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 210 с.
10. Юдина Н. В. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее) // [Электронный ресурс] / Н. В. Юдина. – Режим доступа : http://www.filologdirect.narod.ru/sra/sra_2006_40.html (дата обращения: 25.02.2016).

Н. А. Семикопенко

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

ИМЕННЫЕ РАСПРОСТРАНТЕЛИ КОННОТАТИВНЫХ ОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Актуальность исследования обусловлена обращением к образным средствам ономастики. Уникальным в лингвистической науке стал «Словарь коннотативных собственных имён» Е. С. Отина, который продемонстрировал, что «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имён нарицательных». В этом направлении выполнены исследования Е. Н. Белицкой, В. М. Калинин, Н. Е. Касьяненко, Г. П. Лукаш, В. Н. Михайлова, А. В. Петрова и других учёных.

Научная новизна исследования определяется тем, что предпринята попытка исследовать сочетание распространителей имён собственных, развивающих образное значение.

Цель работы – изучить лексическое окружение коннотативных имён собственных.

Поставленная цель обусловила решение следующих **задач**:

1. Проанализировать научные исследования в области имён собственных с коннотативными значениями.
2. Определить, какие части речи могут находиться в позиции атрибута при коннотативных онимах.
3. Наметить типологию прилегающих к именам собственным дистрибутивов.
4. Выявить грамматические ресурсы дистрибутивов.

С опорой на «Национальный корпус русского языка» было проанализировано 15 распространителей онимов с коннотативными значениями, а именно: имена прилагательные (лексема *чистый* и её синтетическая форма превосходной степени *чистейший*, лексема *настоящий* и её аналитическая форма превосходной степени *самый настоящий*, лексема *новый*); наречия (лексема *совсем* и наречное сочетание *в юбке*); местоимения (указательное *этот*, определительное *наш*, неопределённое *какой-нибудь*); числительное (порядковое *второй*); частица (*прямо*); составные предлоги, развивающие сравнительное значение (*в духе*, *в стиле*, *на манер*).

Семантическая деривация предполагает появление у слова нового значения в процессе более или менее длительного употребления. Актуализатором переносного значения онима выступает прилегающее слово или их сочетание, которые можно рассматривать как уточнители. Ведущая роль здесь принадлежит определениям, которые «дают нам ключ, помогающий проникнуть в природу номинации» [1, с. 308].

Богатство и гибкость синтаксических ресурсов русского языка проявляются, в частности, в сильно развитой системе средств выражения сравнительных отношений [4, с. 51]. Т. А. Тулина в статье «О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке» описывает логическую структуру сравнения, которая включает в себя четыре члена: показатель сравнения (*m*), основание сравнения (*C*) и предметные переменные данного отношения (*A* и *B*) [4]. Ср.: Например: *И тогда он (A) будет щедр (C), как (m) Ниагарский водопад (B)*.

В интересующем нас направлении выполнено исследование Е. Н. Белицкой «Характер определительных слов при коннотативных онимах». Автор утверждает, что важную роль в образовании переносного значения играют слова, выступающие при именных производных в качестве уточнителей [2, с. 171]. Исследователь рассматривает составные наименования с коннотативными онимами, в которых признаковым членом может являться прилагательное, числительное, местоимение, наречие, а также существительное в родительном падеже. Обращаем внимание на то, что в качестве уточнителей коннотативных онимов могут выступать форы превосходной степени имени прилагательного. Ср.: *Для него Антон принес настоящий черный парик и бакенбарды, а когда загримировал, так, если не смотреть вниз, на ноги, получается **самый настоящий Пушкин*** [Николай Дубов. На краю земли (1950)]; *Казалось, это был **самый настоящий Дон Кихот из Ламанчи**, но только женского рода* [Нина Фёдорова. Семья [автоперевод] (1952)]; *И небо перестает быть таким уж серым и девы столь уж чахлыми, и постоянные упоминания о сегодняшних громких преступлениях, в избытке украшающие путеводитель, заставляют вскричать: «Да это ж не Петербург, не умирающая Северная Венеция, это же **самый настоящий Северный Неаполь**, роскошный курортный город, в тоске, быть может, но и в блеске, там Невский, ночная жизнь, и удовольствия столь же разнообразны, как и цены* [Новые книги (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14].

Поскольку в лингвистике выделен список уточнителей-распространителей коннотативных онимов, в нашем исследовании акцентируется внимание на их сочетании, комбинировании. Прокомментируем этот аспект.

- *просто* + *чистый* + оним

*Месье Кер сообщает это доктору, а доктор (А) не может подняться на второй этаж – у него астма. Ну **просто чистый Мольер (В)**! Спивакова взяли на руки и снесли вниз к сельскому эскулапу* [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

- *какой-то* + *новый* + оним

А может, уже бродит и среди них свой (А), какой-то новый Гоголь (В)?.. [Л. Костюкова. О странах и народах. Рим на бегу и навсегда // «Вокруг света», 1995].

- *этот + новый + оним*

И не думает ли он (А) теперь, быть или не быть (С), – этот новый Гамлет (В) в поисках выхода из своего положения: несправедливо обиженный, брошенный, преданный, может быть, он все пытается кому-то объяснить что-то, все пишет в уме письма, вероятно, так: деточки, дети мои, быть или не быть? [Людмила Петрушевская. Новые Гамлеты (1998)].

Рассмотрим наречное сочетание *в юбке*. В «Словаре современного русского литературного языка» оно толкуется следующим образом: (шутл.) – в женском облике. – *Скоро оказалось, что она ревнива, как Отелло в юбке. Станюкович, В море!* В иллюстративной зоне наречное сочетание приводится в составе сравнительной конструкции, что является редким явлением для наречного сочетания. Приведём ещё контексты.

В общем, не зря Лидию Ланч называют Генри Миллером в юбке: она такая же заводная (С), сексуально раскрепощённая (С), поэтичная (С), талантливая (С) и отвязная (С), как скандальный автор «Трофика рака» [Ланч Лидия. Zhuka (2003) // «Хулиган», 2003.12.15]. Специфика контекста заключается в том, что в нём актуализирован компонент С, в данном случае компоненты С – основания сравнения.

В истории о плохом кардинале Мазарини и обиженной им девочке Блани (та выросла и стала Робин Гудом в юбке) снимались Лу Дуайон, Кароль Буке и Жерар Депардьё [Алексей Мокроусов. Снег. А ты еще не встала... (2002) // «Домовой», 2002.12.04].

В контекстах с сочетанием *в юбке* в роли компонента А (предмета сравнения) выступает всегда лицо женского пола, а компонентом В (образом сравнения) является лицо мужского пола. Ср. сочетание распространителей:

просто + оним + в юбке

– Так вот почему эта заботливая (С) «мать» (А) такая драчливая! Да ты **просто Ахилл (В) в юбке!** – обратилась мама к котёнку с разоблачением [М. С. Аромштам. Мохнатый ребёнок (2010)].

- *чистый* + оним + в юбке

Кого напоминает героиня (А)? Правильно: **чистый Чичиков (В) в юбке.** Кстати, Лилия Бурбон вызывает у читателя искреннюю симпатию, как и герой «Мёртвых душ» [Василий Пригодич. Очень весёлая книга, или Очень грустная книга (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.10.19].

- *прямо* + оним + в юбке

Жадная (С) она (А) – спасу нет. Прямо Гобсек (В) в юбке. Вера сообразила, что он шутит, и рассмеялась одновременно смущённо и озорно [Александра Маринина. Не мешайте палачу (1996)].

- *просто* + какой-то + оним + в юбке

Просто какой-то король Лир (В) в юбке, говорил... кто говорил это, автор (А) так, похоже, и не придумал, в рукописи пропуск, начинается следующая глава [Алексей Макушинский. Город в долине (2012)].

- *эдакий* + оним + в юбке

По мере продвижения к развязке возникает ощущение, что Воланд с его игрой в жизнь и вечность вовсе не инфернален, что Аннушка (А) – **эдакий Чаплин (В) в юбке** – пролила масло случайно, а булгаковского Мастера просто не существует, есть лишь его неврастеничный призрак-двойник [Юлия Кантор. Воланд, которого нет. Литовский спектакль «Мастер и Маргарита» обещал стать сенсационным. Не стал (2001) // «Известия», 2001.10.08].

- *какой-то* + оним + в юбке

А потом появилась Наталья Нордман (А), «дура с затеями – **какой-то (т) Манилов (В) в юбке**», как отмечал в дневнике Корней Чуковский [Юрий Безелянский. В садах любви (1993)].

В контекстах наблюдается лексическая замена компонента *юбка* лексемами, входящими в одну тематическую группу «Одежда» и имеющими

дифференциальные семы ‘для духовенства (католического/православного)’. Ср. *сутана* ‘верхняя длинная одежда католического духовенства, носимая вне богослужения’, *ряса* ‘верхняя длинная одежда в талию с широкими рукавами у православного духовенства’.

Это (А) *прямо какой-то Базаров (В) в сутане!* [Н. С. Трубецкой. Письма Р. О. Якобсону (1920–1938)].

С этой тайной в груди она (А) сигает в окно второго... нет, третьего этажа резиденции православного патриарха, сбивая с ног (этаким д’Артаньян (В) в рясе) проходящего мимо коптского монаха... [Дина Рубина. Окна (2011)].

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Лексическое окружение коннотативных онимов сигнализирует о развитии образного значения.

2. Лексическими распространителями онимов могут быть лексемы разных частей речи и их грамматические формы.

3. Лексическое окружение имён собственных выполняет оценочно-усилительную функцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
2. Белицкая Е. Н. Характер определительных слов при коннотативных онимах / Е. Н. Белицкая // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 5. – Донецк : Донеччина, 1999. – С. 171–179.
3. Петров А. В. Топоним в составе сравнительной конструкции русского языка / А. В. Петров // Реквием филологический. Памяти Евгения Степановича Отина. – Донецк, 2015. – С. 216–222.
4. Тулина Т. А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке / Т. А. Тулина // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51–62.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕСТОВ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕЛЯХ

Актуальность вопросов межкультурных коммуникаций подтверждается тем, что в условиях глобализации в процесс межкультурного общения вовлечены практически все страны, стремящиеся занять свое особенное, достойное место в мировом сообществе.

Возьмите любую сложную, потенциально нестабильную проблему – взаимоотношения в арабском мире, конфликт между сербами, хорватами и боснийцами, корпоративные решения или взаимоотношения между руководящим и исполнительным уровнями в международной корпорации, – в глубине любой из них скорее всего можно обнаружить коммуникативные ошибки и межкультурные недопонимания, которые препятствовали разрешению проблемы конструктивным путем.

Цель работы – выявить специфику невербальной коммуникации в процессе межкультурного общения, а также проанализировать использование основных жестов, их значения и различия в разных культурах.

Изложение основного материала. Исследования процесса коммуникации показывают, что речевое (вербальное) общение является основным видом человеческой коммуникации [6, с.164]. Специалистами по общению подсчитано, что современный человек произносит за день около 30 тысяч слов или примерно 3 тысячи слов в час [4, с.132].

Но эффективность любых коммуникационных контактов определяется не только тем, насколько понятны собеседнику слова и другие элементы вербальной коммуникации, но и умением правильно интерпретировать визуальную информацию, то есть взгляд партнера, его мимику и жесты, телодвижения, позу, дистанцию, темп и тембр речи. Ведь даже если язык является самым эффективным и продуктивным инструментом человеческого

общения, все же он не является единственным инструментом. Ученые установили, что с помощью языка мы передаем не более 70 % информации своим собеседникам [6, с.165]. Наряду с языком существует довольно большое число способов общения, которые также служат средством сообщения информации, и эти формы общения ученые объединили понятием «невербальная коммуникация». Альберт Мейерабиан установил, что передача информации происходит за счет вербальных средств (только слов) на 7 %, за счет звуковых средств (включая тон голоса, интонацию звука) на 38%, и за счет невербальных средств на 55%. Профессор Бердвиссл проделал аналогичные исследования относительно доли невербальных средств в общении людей. Он установил, что в среднем человек говорит словами только в течение 10-11 минут в день, и что каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунд. Как и Мейерабиан, он обнаружил, что словесное общение в беседе занимает менее 35%, а более 65% информации передается с помощью невербальных средств общения [1, с. 3].

Жесты, мимика, позы, одежда, прически, окружающие нас предметы, привычные для нас действия – все они представляют собой определенный вид коммуникации, получивший название невербальной коммуникации.

А. П. Садохин под невербальной коммуникацией в науке понимает совокупность неязыковых средств, символов и знаков, используемых для передачи информации и сообщений в процессе общения [6, с.165].

М. С. Андрианов дает следующее определение: «Невербальная коммуникация – это совокупность неречевых коммуникативных средств – система жестов, знаков, символов, кодов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности и играющих важнейшую роль в смысловом понимании людей друг друга» [2, с.12].

Ю. П. Тен в учебнике «Культурология и межкультурная коммуникация» определяет невербальную коммуникацию как систему «символов, знаков и жестов, заключающих в себе определенные сообщения с высокой степенью

точности, которая используется и развивается в целях коммуникации членами данной культуры» [7, с. 137–138].

Как видим, не смотря на различные интерпретации определения невербальной коммуникации, у них есть сходство. Все авторы определяют её как систему, или совокупность неязыковых, неречевых средств (символов, знаков жестов), используемых для передачи информации и сообщений в процессе общения. Также М. С. Андрианов и Ю. П. Тен уточняют тот факт, что невербальная коммуникация как система неязыковых средств, используется для передачи сообщений с наибольшей точностью, что помогает лучше понять друг друга.

Одним из основных элементов невербальной коммуникации является использование в процессе общения жестов. В результате многочисленных исследований было выяснено, что все элементы невербальной коммуникации культурно обусловлены, и что неправильное толкование некоторых жестов может привести к недоразумениям, особенно если не учитывать национальные особенности жестикулирующего собеседника.

Изучив особенности использования жестов людьми разных народностей, А. Пиз оформил свои наблюдения в книге «Язык телодвижений». Благодаря его исследованию мы можем понять смысл многих жестов, которые человек делает осознанно или неосознанно. Тем самым мы сможем лучше понимать, что собеседник хочет донести до нас. Однако не следует забывать о том, что не все жесты и знаки, используемые людьми разных национальностей, имеют одинаковое значение смысл. Некоторые из них существенно отличаются друг от друга. Поэтому часто случается так, что доброжелательно настроенный человек, воспринимается агрессивно, а иногда и враждебно. И чтобы не допустить таких ошибок, которые могут существенно испортить отношения между людьми разных культур, следует знать, когда и как можно употреблять эти жесты, а когда нет.

Во всем мире основные коммуникационные жесты не отличаются друг от друга. Когда люди счастливы, они улыбаются, когда они печальны – хмурятся, когда сердятся – у них жесткий взгляд. Кивание головой почти во всем мире обозначает, «да» или утверждение. Похоже, что это врожденный

жест, так как он также используется глухими и слепыми людьми. Покачивание головой для обозначения отрицания или несогласия является также универсальным, и может быть одним из жестов, изобретенных в детстве. Когда маленький ребенок наелся, он крутит головой из стороны в сторону, чтобы увильнуть от ложки, которой родители кормят его. Тем самым очень быстро он приучается использовать покачивание головой для выражения своего несогласия и отрицательного отношения. Проследить происхождение некоторых жестов можно на примере нашего первобытнообщинного прошлого. Оскаливание зубов сохранилось от акта нападения на противника и до сих пор используется современным человеком, когда он злобно усмехается или проявляет свою враждебность каким-то другим способом. Улыбка первоначально была символом угрозы, но сегодня, в совокупности с дружелюбными жестами, она обозначает удовольствие или доброжелательность.

Жест «пожимание плечами» является хорошим примером универсального жеста, который обозначает, что человек не знает или не понимает, о чем речь. Это комплексный жест, состоящий из трех компонентов: развернутые ладони, поднятые плечи поднятые брови.

Как вербальные языки отличаются друг от друга в зависимости от типа культур, так и невербальный язык одной нации отличается от невербального языка другой нации. В то время, как какой-то жест может быть общепризнанным и иметь четкую интерпретацию у одной нации, у другой нации он может не иметь никакого обозначения, или иметь совершенно противоположное значение. Например, рассмотрим разницу в интерпретации разными нациями таких трех типичных жестов, как кольцо из пальцев руки, поднятый вверх большой палец и V-образный жест пальцами.

Жест *O'Кей* или кружок, образуемый пальцами руки был популяризован в Америке в начале 19 века, главным образом, прессой, которая в то время начала кампанию по сокращению слов и ходовых фраз до их начальных букв. Существуют разные мнения относительно того, что обозначают инициалы *OK*. Некоторые считают, что они обозначали *all correct* – все правильно, но

потом, в результате орфографической ошибки, превратились в *Oll Korrect*. Другие исследователи настаивают на том, что это антоним к слову «нокаут», которое по-английски обозначается буквами К.О. Имеется еще одна теория, согласно которой эта аббревиатура от имени *oll Kinderhoor*, места рождения американского президента, использовавшего эти инициалы (О.К.) в качестве лозунга в предвыборной кампании. Какая теория из этих верна, мы никогда не узнаем, но похоже, что кружок сам по себе обозначает букву *O* в слове *O'key*. Значение *OK* хорошо известно во всех англоязычных странах, а также в Европе и в Азии, в некоторых же странах этот жест имеет совершенно другое происхождение и значение. Например, во Франции он означает *ноль* или *ничего*, в Японии он значит *деньги*, а в некоторых странах Средиземноморского бассейна этот жест используется для обозначения гомосексуальности мужчины. Поэтому, путешествуя по разным странам, следует подчиняться правилу «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят». Это поможет избежать возможных неловких ситуаций.

Поднятый вверх большой палец. В Америке, Англии, Австралии и Новой Зеландии поднятый вверх большой палец имеет 3 значения. Обычно он используется при «голосовании» на дороге, в попытках поймать попутную машину. Второе значение – «все в порядке», а когда большой палец резко выбрасывается вверх, это становится оскорбительным знаком, означающим нецензурное ругательство или «сядь на это». В некоторых странах, например, Греции этот жест означает «заткнись», поэтому можете представить себе положение американца, пытающегося этим жестом поймать попутную машину на греческой дороге! Когда итальянцы считают от одного до пяти, этот жест обозначает цифру один, а указательный палец тогда обозначает два. Когда считают американцы и англичане, указательный палец означает один, а средний палец — два; в таком случае большой палец представляет цифру пять. Жест с поднятием большого пальца в сочетании с другими жестами используется как символ власти и превосходства, а также в ситуациях, когда кто-нибудь вас хочет «раздавить пальцем».

V-образный знак пальцами. Этот знак очень популярен в Великобритании и Австралии и имеет оскорбительную интерпретацию. Во время второй мировой войны Уинстон Черчилль популяризировал знак "V" для обозначения победы, но для этого обозначения рука повернута тыльной стороной к говорящему. Если же при этом жесте рука повернута ладонью к говорящему, то жест приобретает оскорбительное значение – «заткнись». В большинстве стран Европы, однако, V жест в любом случае означает «победа», поэтому, если англичанин хочет этим жестом сказать европейцу, чтобы он заткнулся, тот будет недоумевать, какую победу имел в виду англичанин. Во многих странах этот жест означает также цифру 2.

Эти примеры говорят о том, к каким недоразумениям могут привести неправильные толкования жестов, не учитывающие национальные особенности говорящего. Поэтому, прежде чем делать какие-либо выводы о значении жестов и языка тела, необходимо учесть национальную принадлежность человека.

Детально изучив отобранную в ходе исследования информацию, нами было выяснено, что национальные культуры слишком различны, чтобы взаимодействовать без проблем. В современном мире, когда невозможно обойтись без межкультурного общения на самых разных уровнях – от межличностного до межнационального, любому человеку, вовлеченному в межкультурную коммуникацию и заинтересованному в ее эффективности, может помочь представление о культурном многообразии мира, отражающее наиболее отличные и характерные признаки той или иной культуры [5, с.35]. Это является подтверждением того, что нельзя недооценивать роль невербального общения как в повседневной жизни так и в общении с представителями других культур. Знание основных компонентов невербального общения очень важно для межкультурного взаимодействия и взаимопонимания, поскольку это позволяет установить толерантные отношения, избежать «культурного шока», предупредить конфликтные ситуации, а также способствует оптимальной организации процесса общения в целом. Однако, несмотря на всю важность невербального общения, уровень знания об

особенностях невербального общения, в частности о трактовке жестов, у населения низкий. Отсутствие подобных знаний отрицательно влияет на уровень взаимопонимания между представителями различных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Пиз. Язык телодвижений [Электронный ресурс] : А. Пиз / Режим доступа : http://lib100.com/book/contact/body_language/html/.
2. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право / М. С. Андрианов. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2007. – 256 с.
3. Василик М.А. Основы теории коммуникации: Учебник / М. А. Василик. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
4. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1993. – 173 с.
5. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура : учеб. пособие / Т. Н Персикова. – М. : Логос, 2008. – 224 с.
6. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А. П. Садохин. – М. : Высшая школа, 2005. – 310 с.
7. Тен Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация / Ю. П Тен. – Ростов-на-Дону. : Феникс, 2007. – 329 с.

Н. Ю. Твіртінова

(наук. кер. – канд. філол. наук, доц. Н. Є. Касьяненко)

ФУНКЦІЇ ТА ПРИЙОМИ ВИКОРИСТАННЯ ОНІМІВ У КОНТЕКСТІ СУЧАСНИХ ФАНТАСТИЧНИХ ТВОРІВ

Серед основних функцій онімів традиційно виділяють номінативну, ідентифікаційну і диференційну, а також соціальну, емоційну, акумулятивну, дейктичну (вказівну), експресивну, естетичну і стилістичну [1], які більшість дослідників вважаються додатковими. Номінативна, називна функція онімів обумовлює денотативний компонент семантики власної назви.

Як справедливо зауважує Е. А. Білозерова, «жодний художній твір неможливий без власних імен найрізноманітніших типів» [5, с. 84]. Однією з головних функцій онімів в літературному тексті є створення такого ономастичного фону, який формує у читача враження достовірності, реальності художнього простору і часу (хронотопу) зображуваного фантастичного світу, дозволяючи читачеві повірити в справжність подій і персонажів.

Так, М. Д. Руденко у романі «Син сонця – Фаетон», застосовує прийом записника, який дуже часто використовується письменниками-фантастами, розкриває суб'єктивно-психологічний часопросторовий пласт, що підкреслюється словами автора: *Читати те, що Оксана призначила тільки для себе, не для когось іншого, було неприємно, але обставини склалися так, що він [Микола] був змушений це робити* [6, с. 32]. Більше того, щоденникові записи постають у поданому творі, як своєрідний портал в фантастичну часопросторову площину, актуалізовану на основі особистих переживань героїні, ретрансформації системи перцептивних образів її внутрішнього світу. Ця ускладнююча хронотопна форма свідчить про наявність у тексті не лише зороастричної тематики, яка складає основу для фантастичного сюжету, але й розгорнутої теорії мікросвіту, як елементу космічної теми.

Дії твору відбуваються на кількох смислових рівнях, які визначаються відносно головного персонажа: минуле (дитинство Миколи), теперішнє (арешт за антирадянську пропаганду) та фантастичне (планета Фаетон, якою керує Єдиний Безсмертний). Переключаючи ці пласти, письменник ніби створює віддзеркалення подій його сучасності на Фаетоні, де і знаходить їм революційне рішення.

Неабияку роль у створенні відчуття відповідного часу та простору відіграють власні назви. Так, фантастичний світ у цьому романі створено у тому числі і завдяки ономастичним одиницям: по-перше, це антропоніми: *Шако, Гашо, Ело, Лочо, Чаміно, Рагуші*, які за своїм фонеморфологічним обліком не мають нічого спільного з реальними ономастичними одиницями. Особливістю фонетичного вигляду фаетонівських імен є те, що вони складаються з шиплячих звуків, що додає їм певної таємничості і екзотики.

По-друге, – космоніми У цю групу були віднесені вигадані автором назви планет, сузір'їв, такі як: планетна система *Толімака*, планети *Червоний Острів*, *Дема*, *Кла*; сузір'я *Лу*, *Са*. По-третє, певну групу власних назв складають хрононіми чи, іншими словами, назви періодів, епох: *Епоха Круглоголових*, *Епоха Великого Синтезу*. Нарешті, значене місце у романі посідають аркопоетоніми – назви палаців. Номінації їх є промовистими: *палац Бумерангів* (бумеранг вид зброї; палац – це місто спортивних вправ, молодих фаєтонівців), *палац Безсмертного* (колись був такий інженер Ташука, чий проект утеплити планету за допомогою генераторів клімату здобув йому славу та безсмертя у пам'яті, завдяки чому його мозок був збережений. Для нього збудували окремих палац, який отримав відповідну назву). Назва *Дзеркало Швидких Ніг* (ковзанка) явно має метафоричний характер.

«Зброя вогню» Тараса Завітайла відкриває для читача світ, де співіснують козаки-характерники (чаклуни, що вмюють, за легендарними переказами, проходити крізь стіни, чути і бачити на великій відстані, перетворюватися на тварин, заговорювати предмети і людей тощо), персонажі слов'янської і європейської міфологій, звичайні люди, а також демони, вампіри, знахарі, відьми, русалки. Читач має змогу подорожувати нескінченним лабіринтом доріг і часів, змістів і подій, далеко в минуле і глибоко в майбутнє. Це твір, в якому реальний з ретроспекцією у минулий історичний світ міфологізовано, що і надає твору фантастичності. Цей фантастичний світ створюється насамперед онімами, серед яких представлені: 1. Бібліоніми – назви творів мистецтва, художніх творів: *«Книга Мертвих»*; 2. Імена представників інших розумних видів. Фантаст приводить ім'я *Мурко*, який належав до народності мурки: *Мурчить він, того й Мурко – просто пояснив здоровило* [3, с. 92] (отже, назва добре вмотивована). 3. Зооніми – назви тварин, зокрема онім *Ряска* належить до прізвиська коней: *Ряска тебе з запахом перегару і на крок до себе не підпустить* [3, с. 117]. Імена вовків *Хряк*, *Пацюк*, *Гробак* (цікаво, що всі вони називаються реальними апелювативними назвами, котрі зазнали онімізації) характеризуються наявністю

зниженого забарвлення, яке виникає внаслідок їх нетиповості – хижака іменують презирливо. Промовисті – імена – *Коник, Козодій, Пташка* – мають статус пропріальної лексики, їх приналежність до власних назв маркується великою літерою.

Для створення фантастичного світу автор використовує, окрім іншого, не природні для сучасності старослов'янізми у мові «добрих» героїв, що є дуже специфічним для подібного жанру творів. На сторінках ми стрічаємо *житіє моє: Чуєш, Сивий, житіє моє тяжке... Це що, горілка? – ститав він, вказавши на бутель смішним, схожим на лопату пальцем; Ох-ох-ох, житіє моє тяжке... Ти вдома, Сивий?* [3, с. 31]; та *глаголиш: Істину глаголиш, – пробасив Кулака* [3, с. 115].

Дія роману Марини та Сергія Дяченка «Печера» відбувається в місті, в якому нема злочинів і замків на дверях. Здається, що це ідеальний варіант суспільства, але тільки на перший погляд. Тому що свідомість мешканців цього міста розділена. Удень вони живуть у реальності, яка регулюється звичайними нормами і правилами. А вночі до їх «послуг» Печера – світ поза свідомістю, який наповнений дивними і жорстокими створіннями. Прокидаючись зранку, мешканці міста розуміють, що у світі Печери вони реалізують усі свої потаємні бажання, які заборонені у світі реальному.

Отже, мешканці цього міста, доволі схожого на наші міста, існують у двох вимірах. Вдень вони живуть звичайним життям, але без жорстокості та агресії; вночі, уві сні, вони з'являються у Світі Печери, і кожен з них живе звіром, хижаком чи жертвою, сильним або слабким. Так, у романі «Печера» кожен герой ототожнює себе з твариною з печери і відповідно має два імені: *Павла Німробець – сарна, Тритан Тодіні – єгер, Роман Кович – сааг, режисер Мирель – схруль* [2]. Отже, кожен стає тим звіром, який відображає його внутрішній світ – дрібним або великим хижаком, а то й полохливою жертвою. На рівні ономастичного простору роману це втілюється в багатоіменності персонажів – прийомі, що сприяє створенню фантастичної (віртуальної) реальності.

Розглядаючи оніми цього твору, можемо зробити висновок, що вторинний світ фентезі, створений більш «авторською грою», ніж ономастичним простором. Так автори використовують інтермедію, прийом

розстановки фігур на ігровій дошці, ніби натякаючи на гру в романі, прийом сну, як переміщення у іншу реальність. Фірмовою рисою творів Дяченків є закінчення епізоду якоюсь побутовою деталлю, що надає подіям вагомості. Особливістю роману є те, що той, хто гине в Печері (у світі сну), вмирає «природньою смертю» (у світі реальному) – це віртуозний прийом письменників. Завдяки йому створюється контраст і ілюзія вибору. Ономастична лексика при цьому «підтримує» обраний автором напрямок створення віртуальної реальності, або вторинного світу і, хоч і не завжди у явній формі, здійснює певну характеристику персонажа чи об'єкта.

Отже, провідними ономастичними рисами розглянутих фантастичних творів є антропоцентричність і екзотичність, і це зумовлює існування в ономастичному просторі двох систем – узуальної та okazіональної. Помітне місце в ономастиконі фантастичних творів належить назвам, які характеризуються певною мірою екзотики. Це або назви, які побудовані з узуальних компонентів, але які відсутні в реальному ономастиконі, або цілком екзотичні утворення, що не викликають жодних асоціацій і не містять семантичних підказок. У розглянутих творах це, перш за все, група космонімів.

Власні імена у творах фантастичного жанру виконують різноманітні художньо-стилістичні функції. Домінантними стилістичними функціями найменувань осіб є характеристична, соціологічна та локалізаційна, які притаманні майже кожній назві.

Окрім іншого, власні назви вживаються як засіб розмежування реального та фантастичного. Фантастичний простір створюється також за допомогою онімів, які міфологізуються або нестандартно обігруються.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Дяченко М. Печера : [Роман] / М. Дяченко, С. Дяченко. – Харків : Фоліо, 2010. – 320 с.
3. Завітайло Т. Зброя вогню: [Повісті] / Т. Завітайло. – К.: Наш час, 2006. – 144 с.

4. Зубар Л. С. Особливості власних назв у науково-фантастичному романі Миколи Руденка «Син Сонця – Фаетон» [Текст] / Л. С. Зубар // Вісник Маріупольського державного університету. Сер. Філологія. – 2013. – Вип. 8. – С. 133–139.
5. Новичков А. А. Онимы как средство создания вторичных миров в художественных произведениях фэнтези / А. А. Новичков // Вестник Поморского университета. – Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Архангельск, 2011. – С. 84–87.
6. Руденко М. Син Сонця – Фаетон / М. Руденко. – Тернопіль : Джура, 2002. – 337 с.

К. С. Федотова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. В.М. Калинин)

ЗООПОЭТОНИМИЯ ПОВЕСТИ ДЖ. ДАРРЕЛЛА «ЗООПАРК В МОЕМ БАГАЖЕ»

Повесть «Зоопарк в моем багаже» (1957 год) отражает события экспедиции Дж. Даррелла в Камерун с целью сбора первой коллекции для его собственного зоопарка.

Дж. Даррелл коллекционировал животных не столько с целью привезти в Европу экзотику, сколько с целью оградить от вымирания и истребления их редкие виды. «... if it is inevitable that the animal should become extinct in the wild state, at least we have not lost it completely»³, [1, p. 6]. Результатом непотребительского и трепетного отношения Даррелла к живым существам стало его стремление приобщить дикое животное к человеческому миру, и как следствие этого – дать ему собственное имя.

Статья посвящена зоопозтонимии повести Дж. Даррелла «Зоопарк в моем багаже»: рассмотрены типы номинаций, уделено внимание семантике зоопозтонимов и онимных дескрипций, выявлена системность употребления собственных имен в сюжете повести.

³ «Если вымирание животных в дикой природе становится неизбежным, мы не должны хотя бы допустить их полного исчезновения» – Здесь и далее в тексте пер. наш. – К.Ф. – кроме случаев, где автор перевода указан (Л.Л. Жданов).

1. Ассоциативно-метафорические номинации. Выбор имени обусловлен яркой индивидуальной чертой внешности животного или особенностью его поведения.

Пучеглазик, или *Bug-eyes*. Имя лемура с огромными круглыми глазами: *Dere be one beef for inside 'e get eye big big like man, sah* [1, p. 63]⁴. На русский язык имя буквально переводится *Пучеглазик* или *Пучеглазый* как в варианте Л.Л. Жданова (см. [2]).

В ряд онимных номинаций *Пучеглазика* входит латинский термин *Euoticus elegantulus* и *bushbaby* – галаго: *Euoticus elegantulus, or better known as a needle-clawed lemur or bushbaby* [1, p. 64]. К употреблению зоологической терминологии Даррелл прибегает только в тех случаях, когда хочет подчеркнуть видовую редкость животного. О *Пучеглазике* сказано, что он был *extremely rare* [1, p. 64] – чрезвычайно редкий. И сразу же после появления в зоопарке *Пучеглазик* стал одним их самых любимых существ:

– “Oh, isn’t it *sweet*,” said Jacquie. – “Isn’t it a *dear*?” said Sophie. . . [1, p. 65]⁵.

Процесс выбора имени для *Пучеглазика* отражает поиск слова, которое бы давало точную индивидуальную характеристику существа по его внешнему виду:

– “How about *Bubbles*?” suggested Sophie. - “No, it doesn’t look like a *Bubbles*,” said Jacquie surveying it critically. - “It’s an *Euoticus* . . .” - “How about *Moony*?” <...> - “No, it doesn’t look like a *Moony* either.” <...> - “What about *Fluffykins*?” asked Sophie. I shuddered. “If you must give it a name call it *Bug-eyes*,” I said. “Oh, yes!” said Jacquie, “that suits it” [1, p. 66]⁶.

В номинативное поле поэтонима *Bug-eyes* входят лексемы со значением «смотреть» и «видеть». Эти лексемы актуализируют идею выразительности глаз животного: “*Regarding me from inside it was a small, neat grey face <...> and two enormous golden eyes, that looked at me with the horror-stricken*

⁴ «Там один зверь в мешок, его глаз такой большой-большой, как у человек, сэр».

⁵ « - Ой, ну разве он не *милый!* – сказала Джеки. - Разве он не *славный!* – сказала Софии».

⁶ « - Может быть, Пузырь? - предложила Софи. - Нет, какой же это Пузырь? - возразила Джеки, критически обозревая зверька. - А может быть, Мечтатель? <...> - Нет, на Мечтателя он тоже не похож. <...> - А если Пушок? - спросила Софи. Я содрогнулся. - Если уж непременно давать ему кличку, назовите его Пучеглазым, - предложил я. - Правда! - воскликнула Джеки. - Это подходит». – *Пер. Л.Л. Жданова*

expression...” [1, p. 63]⁷. And after: “I opened the bag and *Euoticus* <...> surveyed us all in turn with its *enormous, staring eyes*” [1, p. 65].

Парижанка (*Parisienne*). Метафорическая номинация мангуста *Туки*. “She was sleek, sinuous and svelte and reminded me of a soft-skinned *Parisienne belle-amie* clad in nothing more than two pairs of black silk stockings” [1, p. 82]⁸. Номинация *парижанка* использована с целью показать контраст между двумя «отдаленно родственными» (“remotely related”) животными: карликовым и черноногим мангустами. *Туки* сидела около карликового мангуста, который, кстати, не имел имени, и наблюдала, как тот жадно поглощал кусок свежего мяса. *Туки* “watched the pigmy for a moment or so on and then gave a *sniff of scorn*, turned round *elegantly* <...> and went to sleep” [1, p. 83]⁹. Номинация *парижанка* подчеркивает капризный и впечатлительный характер *Туки*, которая также названа «знатной дамой» (“*the grande dame*” [1, p. 83]).

Происхождение и семантика имени *Туки* (*Ticky*) до конца неясна. Слово ‘tick’ имеет несколько лексических значений: 1) a mark put by something to show that it is correct or has been checked; 2) a regular clicking sound, especially that made by a clock or watch; 3) a bloodsucking insect [3, p. 499]. С семантикой поэтонима могут быть связаны первые два значения: отметка «галочка» и повторяющийся звук «тик» (аналогично русскому «тик-так»). Поскольку в тексте повести нет никаких упоминаний о том, что *Туки* имела привычку издавать какие-либо регулярные звуки, можно предположить, что значение ее имени связано с собой «выделывать что-то», «отмечать». Самая яркая индивидуальная черта *Туки* – ее черные ноги. Эта особенность внешнего вида животного часто встречается в повествовании, а также в упомянутой номинации *парижанка*. Потому можно предположить, что в основе именованья *Туки* лежит идея «метки»: *Туки* «помечена», она выделяется на фоне других существ благодаря ее черным лапам.

⁷ «Изнутри показалось маленькое серое личико <...> и два огромных желтых глаза, смотрящих на меня с выражением откровенного ужаса».

⁸ «Она была прилизанной, гибкой, стройной и напоминала мне красотку парижанку с нежной кожей, одетую в пару шелковых чулок».

⁹ «Около минуты *Туки* смотрела на карлика, а затем *пренебрежительно хмыкнула*, грациозно *отвернулась* и улеглась спать».

2. Человеческие имена.

Георгина (Georgina). Имя самки бабуина с ярким характером. *Georgina* “was a creature with tremendous personality and with a wicked sense of humor” [1, p. 144]¹⁰. Вероятно, Даррелл выбрал это имя потому, что оно было достаточной популярным в Англии в середине 20-го века: “*Georgina* stayed just below the Top 100 until 1944 when it rose to #84. It reentered again in 1974 at #79” [4].

Георгина была очень активным существом и проводила много времени с людьми, в частности, она украли из душевой одежду Софи и сбежала из клетки по прибытии в Англию. Несмотря на свой проблемный характер, *Георгина* – одна из главных героинь повести и, что важно, она – носитель человеческого имени.

Наблюдение над зоопозитонимами в повести Даррелла показывает, что писатель дает человеческие имена только высшим приматам. Носитель человеческого имени всегда тесно контактирует с людьми (больше, чем с другими животными) и воспринимается как «получеловек», а иногда и более того.

Чалмондли Св. Джон (Cholmondeley St John). Имя самца обезьяны: “... he must have a name befitting such a blue-blooded primate, so we christened him *Cholmondeley St John*, pronounced, of course, *Chumley Sinjun*. Later, when we got to know him better, he allowed us to become quite familiar with him and call him *Chum*...” [1, p. 152]¹¹. Как представители человеческой расы, *Чам* получил несколько форм имени: полную форму *Чалмондли Св. Джон (Cholmondeley St John)*, официальную краткую форму *Чалмондли, Чамли Сиджен (Cholmondely, Chumley Sinjun)*, а также и неофициальное имя, известное близким родственникам и друзьям *Чам (Chum)*. По сравнению с другими животными *Чам* обладал значительными преимуществами: ежедневно он пил чай с Дарреллом в его комнате, а в Англии специально для *Чамы* была организована пригородная экскурсия.

¹⁰ Георгина «была существом с яркой индивидуальностью и жестоким чувством юмора»

¹¹ «... у его должно было быть имя, подходящее для примата голубых кровей и мы окрестили его *Чалмондели Св. Джон*, что произносилось, конечно же, проще – как *Чамли Сиджен*. Позже, когда мы узнали его лучше, он разрешил нам вести себя с ним свободней и называть просто *Чам*»

В номинативное поле зоопозтонима входит наименование “*simian aristocrat*” («обезьяноподобный аристократ»), что подчеркивает уникальное положение примата между миром животных и миром людей.

Этимология имени *Cholmondely* вероятнее всего связана с похожей по звучанию фамилией рода британских аристократов маркизов Чармондли (Marquess of Chormondeley) [5]. Лорд Джон Чалмондли родился в 1920 г., во время написания Дарреллом повести лорду Джону было 37 лет и вполне возможно, что его имя было известно Дарреллу. Учитывая врожденный интерес британцев к жизни титулованных особ, можно предположить, что о лорде Джоне Чалмондли писали в газетах, хотя прямых доказательств этому нет.

Эпитет *Св.* (святой) репрезентирует исключительную роль, которую играл примат *Чам* в жизни зоопарка, а также его «межмирное» существование. Как аристократы позиционируют себя «высшей расой» человечества, так *Чам* показан в повести как представитель высшей расы в животном мире. Исключительное положение примата ощущалось и посетителями дома Даррелла: “On numerous occasions I was asked by apparently intelligent people whether he could talk. I always used to reply that chimps have, of course, a limited language of their own. But this is not what my questioners meant; they meant could he talk like a human being...” [1, p. 197]¹².

Выводы. Имена животных в повести Дж. Даррелла «Зоопарк в моем багаже» организованы системно в зависимости от статуса существа и роли, которую оно играет в человеческом мире.

Описаны два типа именованых: 1) ассоциативно-метафорические имена; 2) человеческие имена. К первому типу относятся зоопозтонимы, семантика которых отражает яркую черту внешности животного (глаза, ноги) или особенности его поведения. Ко второму типу номинации относятся имена приматов (шимпанзе и бабуина). В статье рассмотрены два имени: популярное в Англии середины 20 века имя *Георгина* и соотнесенное с фамилией древнего аристократического рода имя *Чалмондли*.

¹² «Много раз внешне образованные люди задавали мне вопрос, умеет ли он говорить. Я всегда отвечал, что у шимпанзе есть, конечно, их собственный примитивный язык. Однако это было вовсе не то, что имели в виду мои вопрошатели. Они хотели знать, умеет ли он говорить как люди...»

Последний зоопозтоним имеет несколько форм (официальную и неофициальную), что еще раз подчеркивает «очеловеченность» шимпанзе, его приближенность к миру людей.

Взаимодействие между семантикой имени животного и его статусом в человеческом мире выявляется в контексте. Номинативные дескрипции всегда соотносимы с семантикой зоопозтонима и создают экспрессивный фон функционирования собственных имен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даррелл Джеральд (Gerald Durrell). Зоопарк в моем багаже (A Zoo in My Luggage). На англ. яз. – М.: ООО «ВК», 2010. – 208 с.
2. Даррелл Джеральд. Зоопарк в моем багаже. – Пер. Л. Л. Жданова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ru/NATUR/DARREL/zoovmb.txt> (дата обращения 21 марта 2016).
3. Хокинс, Дж. Толковый словарь английского языка. Oxford School Dictionary: 40 000 слов и выражений / Дж. Хоккинс, Э. Делахантти, Ф. Макдональд. – М.: Астрель, АСТ, 2008. – 556 с.
4. British Baby Names. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.britishbabynames.com/blog/2012/12/georgina.html> (дата обращения 29 февраля 2016).
5. George Cholmondeley, 5th Marquess of Cholmondeley. [Электр. ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/George_Cholmondeley,_5th_Marquess_of_Cholmondeley (дата обращения 21 марта 2016).

В. Ю. Хайтул

(наук. керівн. – канд. філол. наук, доц. Г. В. Ємельяненко)

АБІЗАЙ ЯК ОБ'ЄКТ ЛІНГВІСТОЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ

В останні роки лінгвісти почали звертати увагу на комікси, які вже декілька десятиріч активно розвиваються. Подати точне визначення поняття *комікс* важко, адже цей термін продовжує тлумачитися сучасними лінгвістами і як вияв мистецтва, витoki котрого відводять до грецьких ваз,

і як вияв масової комунікації, і як новий літературний жанр [2]. Але в останні декілька років за поняттям *комікс* було зафіксовано ще два визначення: 1) жанр на позначення американських коміксів; 2) на позначення мальованих історій загалом. Це остаточно ускладнює розуміння метамови дослідження. У тлумачних словниках комікс продовжує тлумачитися як низка *гумористичних* малюнків, в той час як явище загалом охоплює велике коло текстів, призначених для людей різних вікових категорій.

За необхідністю уникнення небажаної для наукового стилю омонімічності та надання точної характеристики цьому явищу виникає необхідність введення нового терміна. Тому ми пропонуємо принципово нову назву, яка б єднала увесь шар коміксів з різноманітними їхніми виявами, не акцентуючи локалізацію авторів, видавництв, культурних традицій тощо. Крім того, введений термін зможе оновити уявлення про комікс, відійти від типових тлумачень *комічних, гумористичних малюнків*. Новий термін постає на базі визначення С. Мак-Клауда, який інтерпретує комікс як *суміжні малюнки та інші зображення в змістовій послідовності*. Ми пропонуємо термін *абізаї* (*AbbiSei* – від нім. *Abbildung* – ілюстрація та *Seite* – сторінка), який влучно вказує на саму сутність коміксів XXI ст., де на першому місці – малюнок, що ілюструє подію. Останнім часом значну чарунку жанрової системи історій в малюнках займають сюжети без вербальних компонентів. Уся суть передається малюнками: емоції, жести, дії. Щодо пропонованої частки від слова *Seite*, то вона вказує на те, що термін спроможний охопити усі комікси: від міні-історій довжиною сюжету в один кадр до багатотомних випусків.

Спираючись на дослідження славістів можна виділити характерні риси вербальних та невербальних компонентів слов'янського абізаї. Об'єктом лінгвістичного аналізу став український абізаї Вікторії Пономаренко «Квітка», коротка графічна історія збірки «Мистерия, сборник рисованных историй в стиле манга» (2013 р.). Праця адресована двом віковим категоріям: *сьодзьо* та *дзьосей*. Типові особливості вербальної частини манга були виділені на основі базових пунктів алгоритму аналізу, запропонованого

Т. А. Єщенко [7, с. 235–238]. Виклад у творі В. Пономаренко «Квітка» побудований від 3-ої особи, але наявне своєрідне поєднання з викладом від 1-ї особи. За функціонально-смісловим призначенням – це текст констатувального типу, вигадана розповідь, де автор поєднує епічний і сценічний способи розповіді. За кількістю учасників у мовленні текст варто схарактеризувати як такий, що містить і монологічні, і діалогічні компоненти. За стильовою і жанровою належністю – текст художнього стилю, розповідь. За формою репрезентації – письмовий. Аналізованому об'єкту властиві змістова та структурно-граматична цілісність. Текст інтегровано мовними одиницями різних систем. На графічному рівні пунктуаційні знаки вжито автором як за їхнім первинним функціональним призначенням (наприклад, три крапки допомагають авторові передати почуття зачарування героя красою: *Гарно...*), так і за посиленням динамічності (наприклад, три знаки оклику, які демонструють посилення емоцій героя: *Боляче!!!*). Також активно використовуються друкарські графічні засоби. Використовуються такі способи виділення: інтерпретування тексту через різні шрифти, занесення словесної складової у рами-пузирі (т. з. *бабли*: від англ. *bubble*– пузир) з авторськими думками, а також фігурні хмаринки на позначення оноματοпоетичних слів. Серед фонетичних засобів інтегрування тексту використовується смислова закінченість та незакінченість фраз, інтонування (воно подається через розмір шрифту та форму бабла). Засобів милозвучності (анафора, епіфора, рондо тощо) в межах аналізованого об'єкта не ідентифіковано.

Текст репрезентує ірреальну референційність: автор розповідає про нову модель реальності. Ірреальна референційність описує тривіальні речі, але скомбіновані автором згідно з його світобаченням, у специфічному фентезійному континуумі.

Після короткого огляду специфіки вербальних компонентів перейдемо до аналізу специфіки невербальних компонентів та взаємодії різнорідних елементів тексту. Ці особливості були виділені на основі модифікованої Г. В. Ємельяненко схеми О. Є. Анісімової. Остання пропонує до універсаль-

них відносити лише три функції, а саме: атрактивну, інформативну та експресивну; до специфічних дослідниця відносить естетичну, символічну, ілюстративну, аргументаційну, евфемістичну, образотворчу та ідентифікувальну [6, с. 229]. Аналізуючи функції невербальних компонентів абізає В. Пономаренко «Квітка», ми дійшли таких висновків: а) атрактивна, інформативна та експресивна функції мають 100 % вияву на рівні аналізованого тексту, отже, їх дійсно можна вважати універсальними; б) естетична функція, яку Г.В. Ємельяненко відносить до специфічних, на рівні абізає тяжіє до універсальних, оскільки також має стовідсотковий вияв; в) символічна функція в аналізованому фактажі має 29,2 % вияву (26 кадрів); г) ілюстративна функція притаманна незначній частині елементів тексту – 22,5 % усього матеріалу (20 кадрів); здебільшого ця функція реалізується кластерами, поєднанням кількох кадрів у єдине змістове ціле; г) на рівні аналізованого твору аргументаційна функція не має вияву; д) евфемістична функція властива 6,7 % матеріалу: два кадри (с. 15 та 17), а також кластер (4 кадри) з с. 9; е) образотворча функція властива переважній більшості кадрів (62,9 % аналізованого матеріалу, тобто 56 кадрів, частина яких складає 14 кластерів); є) ідентифікувальна функція – це фіксація авторства на обкладинці абізає (1,1 % фактичного матеріалу)

Універсальні функції невербальних компонентів, що називає Г. В. Ємельяненко, повністю відповідають специфіці коміксів, але виникає низка зауважень до використовуваної концепції при аналізі специфічних функцій. Авторка розглядуваної класифікації не враховує специфіку художнього стилю, тож виникає певна неточність при кваліфікації естетичної функції як специфічної, адже естетичність наскрізно характеризує комікс В. Пономаренко, тобто вказана функція тяжіє до універсальних.

Типологія розбіжностей між манга та західними коміксами. Після аналізу невербальних засобів, вживаних у творі В. Пономаренко «Квітка», постає питання: що саме вплинуло на формальну специфіку аналізованого твору? Щоб визначити це, порівняємо характерні особливості азіатського та

американського коміксів (за основу не беруться французькі або ж німецькі твори через їхню відносну непопулярність на території України та Росії). Американський комікс пропонуємо відносити до європейського шару.

Наша типологія розбіжностей між манга та західними коміксами містить два основні типи відмінностей: 1) формально-технічні відмінності; 2) змістові та смислові відмінності. Відповідно, в межах кожного з цих типів виокремлюємо підтипи.

1. Формально-технічні відмінності між манга та західними коміксами.

1.1. Насамперед постає питання гендерної та вікової диференційованості, характерної для азіатської манга.

1.2. Комікси західні та азіатські відрізняються також ще однією рисою: більшість манга – чорно-білі, водночас європейські комікси кольорові.

1.3. Серед лінгвістичних особливостей треба вказати, що японська манга читається справа наліво, а європейські – зліва направо.

1.4. В манга значно різноманітніші форми кадрів, ніж в західних коміксах.

1.5. Ще одна формальна особливість: в азіатських коміксах переважає типографічний шрифт, водночас європейські комікси надають повну свободу обранню шрифтів автором, щоб краще передати образи персонажів.

Графічні межі словесного тексту в коміксах для пострадянських читачів були уведені сканлейтерами, саме з цими стандартами в Росії та Україні друкують манга; можна сказати, що використовується типографічний шрифт. За цим критерієм складно віднести аналізований комікс до певної групи. Та якщо брати до уваги, що в манга текст не несе естетичної функції на відміну від західної графічної традиції, то можна віднести аналізований об'єкт до другої групи.

2. Змістові та смислові відмінності між манга та західними коміксами.

2.1. В той час, як в американських коміксах з'являються нові супергерої, які роблять неймовірні речі, в японській манга фігурують звичайні люди. Манга здебільшого розповідають про буденне життя.

2.2. Манга символічніша, ніж західний комікс: вона використовує просту мову з невеликою кількістю слів, що компенсується чималою кількістю

символів-штампів на позначення місця, дії, динаміки й емоцій. Незначний вияв ілюстративної функції та 100 % вияв інформативної також дозволяє віднести об'єкт аналізу до тексту з наслідуванням азійських творів.

2.3. Складне питання постає на рівні передачі емоцій, адже в азійській культурі при розмові з японцем складно висловити що-небудь іншими словами [4]. Ця складність мови японців відбилася в культурі манга при репрезентації емоцій. Якщо європейські ілюстратори можуть легко передати все виразом обличчя персонажа, то мангака або введе слова *болю / радості / досади* до бабла, або ж передасть це в формі оноματοпоетичних слів.

2.4. Мова знаків Тедзуки Осаму. На сьогодні ця знакова система являє собою цілу низку символів *умовної мови*, як називав їх О. Тедзука. Наприклад, такий символ як *кров з носу* позначає хтивість персонажа, гнів передається спеціальною позначкою біля чола.

2.5. В азійських коміксах персонажі шаблонні. В них майже однакові обличчя, анатомія, водночас європейським творам властиві чіткі індивідуальні риси обличчя та близька до реальної анатомія героїв.

2.6. В японському мистецтві менш чітка межа героїчного й смішного, ніж у західному [4]. В американських коміксах образ героя залишається незмінним, смішним він бути не може в жодному разі, водночас японці змішують високе й низьке, шляхетне й смішне, прирівнюють героя до звичайної людини, іноді звертаючись навіть до абсурду. Причому не рідко такі зміни відбуваються в межах однієї сторінки.

2.7. Усі абізаї базуються на шаблонах. В Японії для манга навіть розроблено низку малюнків емоцій та настроїв: їх просто вставляють в роботу. А європейські комікси менш шаблонні, в них більше авторських деталей [4].

2.8. Останній пункт порівняння стосується обсягу абізаїв та їхніх смислових пріоритетів. Азійським коміксам властива орієнтація на емоції, водночас у Європі значна доля уваги приділяється екшену. С. Мак-Клауд називає 6 способів переходів від карду до кадру: 1) від моменту до моменту; 2) від дії до дії; 3) від об'єкта до об'єкта; 4) від місця до місця; 5) від деталі

до деталі; б) без зв'язків. Автор констатує, що американські коміксисты найчастіше звертаються до 2, 3 та 4 способів, натомість азіатські автори використовують усю палітру засобів з доволі високим відсотком використання 5-го типу переходу, через що манга більші за обсягом, ніж комікси [10, с. 70–73].

Отже, В. Пономаренко надає перевагу наслідуванню азіатської традиції, але зі значним використанням європейських засобів. На нинішньому етапі розвитку слов'янської манга можна констатувати, що цей тип художнього тексту розвивається на основі двох традицій: американської та японської. Іноді певну роль відіграє національна специфіка, але вияв східнослов'янського колориту загалом та українського колориту зокрема поки зовсім не значний.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Волкова А. А. Манга в мировом и российском издательском репертуаре / А. А. Волкова // Мангалекторий. – 2014. – № 1. С. 78–84.
3. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 140 с.
4. Деркач Ф. Манга. Отличительные особенности / Ф. Деркач // Вестник Иркутского госуниверситета. – 2003. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.susi.ru/manga/> (дата обращения : 13.12.2015).
5. Дмитриева Н. А. Изображение и слово / Н.А. Дмитриева. – М. : Искусство, 1962. – 314 с.
6. Ємельяненко Г. В. Універсальні та специфічні функції невербальних компонентів креолізованого тексту / Г. В. Ємельяненко // Мир языковых форм: сборник научных статей. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры» / Отв. соредакторы В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Санкт-Петербург: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. – С. 229–233.

7. Єщенко Т. А. Лінгвістичний аналіз тексту: Навчальний посібник [Текст] / Т. А. Єщенко. – К.: ВЦ «Академія», 2009. – 264 с.
8. Колшанский Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1974. – 81 с.
9. Столярова Л. Г. Комикс как тип дискурса [Текст] / Л. Г. Столярова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – № 2. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/komiks-kak-tip-diskursa> (дата обращения : 20.11.2015).
10. McCloud Scott. Understanding Comics: The Invisible Art [Text] / Scott McCloud. – Massachusetts : Tundra Publishing, 1993. – 215 pp.

С. А. Эмирова

(научн. рук. – доктор филол. наук, доцент И. А. Герасименко)

ЕДИНИЦЫ ПАССИВНОГО СЛОВАРЯ ИДИОСТИЛЯ

Л. ТОЛСТОГО И ИХ АКТУАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

В идиостиле Л. Толстого используются лексические единицы, которые в современном русском языке принадлежат к пассивному словарю – архаизмы и историзмы. Архаизмы как слова или выражения, «вышедшие из повседневного употребления и потому воспринимающиеся как устарелые» [1, с. 56] представлены в тексте Л. Толстого «Детство» разными типами. Среди них:

1. Фонетические архаизмы (неполногласное сочетание звуков): *врата* ‘ворота’ [4, с. 36], *глава* ‘голова’ [4, с. 37], *глас* ‘голос’ [4, с. 39].

2. Словообразовательные архаизмы (устаревшие аффиксы). Ср.: ...*был прерван стуком **подъезжавшей*** (совр. *подъезжающей*) *линейки...* [4, с. 33].

3. Лексические архаизмы (полностью устаревшие лексические единицы). Ср.: *видел **дурной сон*** [4, с. 8], т.е. ‘плохой’ [3, II, с. 454]; *сидит **подле столика*** [4, с. 10] – ‘возле’ [3, III, с. 195]; ***право, один страх хуже всякого наказания*** [4, с. 11] ‘действительно’ [3, III, с. 354]; ***чинно упирались***

в стену [4, с. 9] ‘соблюдающий определённый порядок’ [3, IV, с. 678]; *когда дошло дело до **чистописания*** [4, с. 23] ‘правописание’ [3, IV, с. 678].

4. Морфологические архаизмы (отличаются от современных слов морфологическими признаками). Ср.: *положим* (вместо *предположим*) [4, с. 20]; *налево* (вместо *слева*) *от двери* [4, с. 9]; *из окна направо* (вместо *справа*) *видна часть террасы* [4, с. 12]; *душа покойна* (вместо *спокойна*) [4, с. 10]; *шесть кусочков сахару* (вместо *сахара*) [4, с. 17]; *идут из саду* (вместо *сада*) [4, с. 27].

5. Семантические архаизмы (форма слова современна, архаично его значение). Ср.: *...стал натягивать чулки на свои маленькие ноги, слёзы немного унялись, но мрачные мысли о выдуманном сне не оставляли меня...* [4, с. 8], где *чулки* – от *чулокъ* ‘исподняя, вязаная долгая обувь, заменяемая иногда кофточками, носками, получулками или онучами, портянками, подвёртками’ [2, IV, с. 361]. В современном русском языке *чулки* – это ‘изделия машинной или ручной вязки, надеваемые на ноги и заходящие за колени’ [3, IV, с. 693]. Другой пример – лексема *староста*:...*староста, в сапогах и армяке внакидку, с бирками в руке...* [4, с. 37], где *староста* – это ‘вообще старшина, большакъ, начальникъ по выбору или поставленный, изъ того же сословия’ [2, IV, с. 290]. В настоящее время семантическая структура выделенного слова дополнилась ещё одним значением – ‘выборное лицо из среды учащихся, которое следит за соблюдением дисциплины, внутреннего распорядка в классе, кружке’ [3, IV, с. 251].

В тексте «Детство» Л. Толстой использует историзмы. Известно, что историзмы являются словами и словосочетаниями, вышедшими из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемые ими предметы уже неизвестны говорящим «как реальная часть их повседневного опыта» [1, с. 185]. Данные лексические единицы представлены в анализируемом художественно-автобиографическом произведении широким списком слов. Отображая разные реалии окружающего мира, историзмы Л. Толстого образуют следующие тематические группы:

1. Лексемы, обозначающие элементы одежды и обуви: *ермолка* ‘скуфья, скуфейка, лёгкая шапочка вплоть по голове, без околышка или какой-либо прибавки’ [2, I, с. 117]; *башмаки* ‘обувь на плюсну, состоящая из передка, ключев, подошвы и иногда каблука, а изнутри, из стельки, задников и подкладки’ [2, I, с. 13]; *фрак* ‘короткая мужская одежда, куртка с хвостами, полами’ [2, IV, с. 589]; *панталоны* ‘штаны, брюки, исподники’ [2, III, с. 10]; *армяк* ‘сшитый из армячины крестьянский кафтан, халат без борова’ [2, I, с. 20]; *зипун* ‘русский кафтан без козыря. Вообще крестьянский рабочий кафтан от непогоды, из понитка, домотканого сукна’ [2, I, с. 612]; *затрапезка* ‘пестрядь, льняная или пеньковая полосуха’ [2, I, с. 583]. Например: ...в красной вязаной **ермолке** с кисточкой...» [4, с. 5]; ...несносные **башмаки** с бантиком... [4, с. 8]; ...надел синий **фрак** с возвышениями и сборниками на плечах... [4, с. 12]; ...в беленьких, обшитых кружевом **панталончиках**... [4, с. 13]; ...старик в зимней шапке и **армяке**... [4, с. 62]; ...он медленно снял изорванный нанковый **зипун** [4, с. 53]; ...возвратившись в **затрапезке** из изгнания... [4, с. 57]. Как видим, несмотря на принадлежность выделенных слов к периферии языковой системы, они представлены в речевой практике Л. Толстого широким списком лексических единиц. При этом почти все анализируемые слова (только существительное *башмаки* функционирует в современном языке, обозначая любую низкую и закрытую обувь) являются единственными названиями исчезнувших элементов одежды, не имеющих параллелей в современной действительности. Однако в тексте «Детство» эти лексемы выполняют номинативную функцию, являясь единственно возможными обозначениями тех понятий, о которых говорит автор.

2. Слова, используемые для именованя рода занятий людей: *мельник* ‘мукомоль, управляющий мельницей на деле’ [2, II, с. 117]; *приказчик* ‘приказывающий, кто отдаёт приказанья, большак, старший между младшими, рядовичами; поверенный по делам, уполномоченный от хозяина’ [2, III, с. 378]; *кучер* ‘возница, проводник, погоняла, кто управляет упряжными лошадьми’ [2, II, с. 832]; *камердинер* ‘комнатный или приближённый

служитель' [2, II, с. 699]; *лакей* 'комнатный слуга, служитель, прислужник, попросту человек' [2, II, с. 838]; *ямщик* 'крестьянин на яму, для почтовой гоньбы на своих лошадях, за что он освобождался от подушного. Вообще, вожатый, погонщик на почтовых' [2, IV, с. 620]. Например: *...так мельник уже два раза приходил ко мне отсрочки просить...* [4, с. 20]; *...с жаром толковал что-то приказчику Якову..* [4, с. 17]; *...куда должен был подкатить линейку кучер...* [4, с. 34]; *...сказал запыхавшийся камердинер...* [4, с. 61]; *...более воодушевляясь, раздосадованный лакей...* [4, с. 102]; *...один из ямщиков – сгорбленный старик* [4, с. 62]. Данные лексемы обозначают исторически далёкую реальность – виды деятельности, утратившие сегодня свою значимость и актуальность.

3. Лексемы и сочетания слов, используемые для вербализации предметов быта: *самовар* 'водогрейный для чаю сосудъ, медный с трубою и жаровнею внутри' [2, IV, с. 119–120]; *табакерка* 'досканецъ, коробочка, для держанья при себе нюхального табаку' [2, IV, с. 351]; *шпеньки* 'щипъ, тычекъ, гвоздь без шляпки, торчекъ или копылокъ; обоюдоострый гвоздь для насадки, укрепления чего; язычек въ пряжке, задерживающий продернутый ремень или тесму' [2, IV, с. 588]; *посох* 'палка путника, трость (камышевая), батогъ, бадигъ, батожекъ, подпиралка' [2, III, с. 308]; *экипаж* 'барская повозка и сани разнаго рода, для выезда' [2, IV, с. 607]; *бричка* 'лёгкая полуоткрытая повозка; повозка с верхом, будкой, волчком' [2, II, с. 29]. Например: *...одной рукой она придерживала чайник, другою – кран самовара...* [4, с. 12]; *...потом подошёл ко мне, сел у ног и достал из кармана табакерку...* [4, с. 6]; *...в которой кружок этот подвигался посредством шпеньков...* [4, с. 10]; *...в руке он держал огромный посох...* [4, с. 28]; *...ребятишки стояли около крыльца, посматривали на экипажи и разговаривали между собой...* [4, с. 62]; *...место в бричке есть...* [4, с. 50]. Примечательно, что слово *табакерка* возвращается в современную языковую действительность, используясь, например, как эргоним. Не утратили актуальность и понятия (а значит, и слова, их номинирующие) «самовар»

и «посох», хотя и переживают процесс архаизации. Слово *экипаж* также функционирует в современном языке, но в ином значении: '1. Команда, личный состав корабля, самолёта, танка. 2. Береговая воинская часть морской пехоты, часто служащая для пополнения флотских команд' [3, IV, с. 748].

4. Слова, называющие единицы меры и длины: *пуд* 'весь, гиря и весы' [2, III, с. 491]; *верста* 'путевая мера в 500 сажень, до Петра Великого 700, а ещё прежде 1000, но сажени были поменьше нынешних' [2, I, с. 160]. Например: ...*отъехав с версту*, я уселся *попокойнее*... [4, с. 68]; ...*можно продать семь тысяч пудов*... [4, с. 18]. Уместно заметить, что вследствие возврата к истории своего народа и поворота к культурным ценностям многие лексемы, в числе которых и *пуд*, переживают процесс восстановления в активном словаре русского языка (ср. современный эргоним *Пуд*).

В тексте «Детство» Л. Толстой использует историзмы с целью передачи той среды, в которой жил автор. На момент создания художественно-автобиографического произведения некоторые из перечисленных языковых знаков (*самовар, табакерка, шпеньки, посох, мельник, экипаж, пуд, ермолка, башмаки, фрак, панталоны, приказчик, бричка, кучер, камердинер, верста, лакей, ямщик, армяк, затрапезка, зипун*) к пассивному словарю русского языка не относились. Этот вывод основывается на анализе данных толкового словаря великорусского языка В. И. Даля. Автор словаря как представитель эпохи Л. Толстого подаёт значения выделенных слов без дополнительных помет типа *устар.*, что даёт нам право судить о принадлежности выделенных единиц к современным для эпохи Л. Толстого словам, к активному словарю на момент создания произведения. Данные лексические единицы выполняют в тексте номинативную функцию, служат для вербализации реально существующих понятий.

Материал исследования показывает, что идиостиль Л. Толстого представлен языковыми знаками, которые воспринимаются современными читателями как единицы пассивного словаря русского языка. Однако в эпоху Л. Толстого таковыми отмеченные лексемы не являлись. При этом некоторые слова, выйдя из активного употребления, не выпали из лексико-

семантической системы языка в силу своей культурно-языковой значимости. Благодаря функционированию в современном языке (*табакерка, пуд*), они переживают переход в пласт активного словаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая. А–З. – М., 1863; Часть вторая. И–О. – М., 1865; Часть третья. П. – М., 1865; Часть четвёртая. Р–V. – М., 1866.
3. Словарь русского языка : В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т.2. К–О. – 1986; Т.3. П–Р. – 1986; Т.4. С – Я. – 1986.
4. Толстой Л. Н. Детство / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит, 1978. – 422 с.

М. А. Ядрицова

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. В. И. Супрун)

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ, В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЯ БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО)

В конце Жития святого благоверного и великого князя Александра Невского имеются такие слова, обращенные к нему: *Твоим бо благочестием, якоже бисером честным, святых храмы руская земля оградися* [2, с. 3241].

Рассмотрим трактовки и дефиниции слова *благочестие* в разных словарях:

- ‘истинное почитание Бога, благоговение к Богу’ [15, с. 39];
- ‘истинное богопочитание; благоговейное признание Божественных истин и исполнение их на деле’ [5, с. 95];
- ‘благочестивое поведение, настроение’ [17, с. 151];

- ‘религиозность’ [9, с. 45];
- ‘религиозность’ [12, с. 497].

Слово *благочестивый* определяется как ‘набожный, Бога чтущий, благоговейный’ [8, с. 46], ‘отличающийся благочестием; религиозный, набожный’ [10, с. 82].

Святой благоверный и великий князь Александр Невский сохранил благочестие: истинно чтил Бога, стоял до смерти за веру православную. Святых князей на Руси называют еще и благоверными. Церковнославянский словарь дает такое определение слова *благоверный*: ‘исповедающий истинную веру, правоверный, православный’ [11, с. 17].

В Житии святого благоверного и великого князя Александра читаем, что когда он давал наставления, то говорил, что *хотящии праведно судити должны прежде всего просить от Бога премудрости и разума* [2, с. 3327]. «И ничтоже можаху отвещати против премудрости его и разума» [2, с. 3328]. Слово *премудрость* толковые словари определяют так:

- ‘1) Верховная, или глубокая мудрость. *Премудрость Божия неизследима*. 2) *Церк. То же, что мудрование в 1 значении. *Погублю премудрость премудрых и разум разумных сокрыю*. Исаии ХХІХ. 14. – *Премудрость слова*. Церк. Красноречие, витийство. *Не посла бо мене Христос крестити, но благовестити, не в премудрости слова, да не испразднится крест Христов*. 1 Кор. I. 17’ [16, с. 443];

- ‘высшая мудрость, согласующая плотскую жизнь человека с бытием духовным. *Премудрость слова*, црк. красноречие’ [6, с. 393];

- ‘(книжн.). 1. *только ед.* Глубокая, высшая мудрость. <...>. *Бездна премудрости* <...>. 2. Что-н. мудреное, глубокомысленное, трудно понимаемое (разг. и ирон.)’ [18, с. 742];

- ‘1. Глубокая мудрость (устар.). 2. Нечто мудреное, трудно понимаемое (разг. ирон.). *Никакой премудрости тут нет*’ [9, с. 504];

- ‘1. Обычно *ед.* Глубокая, величайшая мудрость; ученость. <...> 2. *Разг.* Что-л. трудное для понимания, усвоения. <...> 3. Основы какого-л. дела, какой –л. профессии и т. п.’ [4, с. 658-659];

- ‘умение, знание, мудрость, опытность, ученость’ [8, с. 488];

– ‘1. Глубокая, высшая мудрость; глубокие, обширные познания, ученость. <...>
2. Разг. То, что трудно или кажется трудным для понимания, усвоения’ [10, с. 964].

Истинное знание дается от Бога. О такой премудрости давал наставление молиться Богу святой Александр: «Радуйся, силу заповеди Христовы, яже о любви ко врагом, премудре уразумевай; радуйся и согрешим противу тебе избавленным тобою людем любовь истинную показавый» [1, с. 68]. Когда новгородцы прогнали святого князя Александра, а потом обратно просили его вернуться, то он простил их и пришел снова править в Новгород.

В Житии святого благоверного и великого князя Александра Невского читаем: «В все же время юности своя смиренномудрие вседушне дръжаше» [2, с. 3326].

Смиренномудрие определяется в словарях так:

– ‘совмещение мудрости со смирением. *Смиренномудрие стяжите*. 1 Петр. V. 5’ [16, с. 187];

– ‘*Смиренномудрие стяжите*, 1 Петр. V, 5. *Будите благоутробни, миролюбцы*, смиренномудри, 1 Петр. III, 8, соединяя мудрость со смиреньем, поборов всякое кичение духа’ [7, с. 235];

– ‘(книжн. церк.). Мудрость, сочетающаяся со смирением’ [19, с. 304].

– ‘Мудрость, сочетающаяся со смирением. <...> Кротость, покорность’ [13, с. 1391];

– ‘обыкновенно берется в писании за смирение, т. е. за добродетель, гордости противную, а иногда значит притворное уничтожение (Кол. 2, 18)’ [8, с. 622].

Слово *смирение* имеет такие дефиниции: ‘К Смирить – смирять (1 зн.) и смириться – смиряться (1 зн.). <...> 2. Кротость, покорность’ [10, с.], а глагол *смирить* определяется: ‘Сделать покорным, послушным; усмирить, укротить’ [10, с. 1218].

Святитель Феофан Затворник пишет: «Как волна, не встречая препятствия, без шума и удара разливается в безбрежном море, так внешние и внутренние скорби не ударяют в смиренную душу, а проносятся как бы поверх, не оставляя следа. [20, с. 232–233]. Святой благоверный и великий князь Александр много вынес ударов и волн житейских, но с Божией помощью со смирением все их преодолел, победил внешних и внутренних врагов и остался верным Богу до конца.

Он «и много полагаше тщание – чрево одръжавати, ведыи, яко чревное насыщение целомудрие разаряет <...>» [2, с. 3226]. Под целомудрием понимается ‘добродетель, состоящая в сохранении девственной или брачной чистоты; непорочность, стыдливость’ *Такожде и жены во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием да украшают себе.* 1 Тимоф. II. 9 [16, с. 422]; ‘(книжн.) добродетель, строгость в нравственном отношении’ [19, с. 1210]; ‘1. то же, что девственность (в 1 знач.). 2. перен. строгая нравственность, чистота’ [9, с. 758]; ‘1. Девственность, невинность. <...> 2. Нравственная чистота’ [14, с. 603-604]; ‘1. Девственность, невинность. *Сохранить и.* 2. Книжн. Строгая нравственность, чистота’ [10, с. 1459].

Прилагательное *целомудрый* означает ‘мудреный, сохранивший себя в девственной или в брачной чистоте, непорочный’, а образованное от него существительное *целомудренность* – ‘добродетель эта, плотская чистота, целомудрие ср. *Целоумие*, целость и здравость ума, полное обладание разумом своим, благоразумие. *Целоумный*, здравоумный, здравомыслящий’ [7, с. 578].

Таким образом, добродетели, о которых упоминается в житии святого благоверного и великого князя Александра Невского, несут в себе важный богословский смысл. Они раскрывают его подвиги и дела, совершенные во славу Бога, показывая в его житии пример для подражания всем нам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акафисты вашим святым. – М. : Трифонов Печенгский монастырь, Новая книга; Ковчег, 2000. – 576 с.
2. Великия Минеи Четии собранныя Всероссийским Митрополитом Макарием. Выпуска 9-го, часть 2-я. Тетрадь 1-я. Ноябрь. Дни 23-25 / Издание Императ. археограф. комиссии. – М. : Синод. типогр., 1916. – 3428 с.
3. Евангелие. Новый Завет. – М. : Правило веры, 1999. – 830 с.
4. Большой академический словарь русского языка. – Т. 19. – М. : Наука, 2011. – 707 с.

5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 тт. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1998. – Т 1: А – З. – 1998. – 670 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 тт. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1998. – Т 3: П. – 1998. – 555 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 тт. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1998. – Т 4: Р – V. – 1998. – 688 с.
8. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – М. : Отчий дом 2002. – 1120 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
10. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
11. Свирелин А. Церковно-славянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха (учебных) и других Богослужбных книг / А. Свирелин. – Воронеж : Град Китеж, 1991. – 200 с.
12. Словарь современного русского литературного языка: – Т. 1. — М., 1948. – 736 с.
13. Словарь современного русского языка: – Т. 13. — М., 1962. – 1516 с.
14. Словарь современного русского языка: – Т. 17. — М., 1965. – 2127 с.
15. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук : В 2 кн. – СПб., 2001 (Репринт издания 1847 г.). – Кн. I : А–Н. – 2001. – 472 с.
16. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук : В 2 кн. – С-Пб. : 2001 (Репринт издания 1847 г.). – Кн. II : О–Я. – 2001. – 488 с.
17. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Том I. – М. : Астрель, АСТ, 2000. – 848 с.
18. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. III. – М. : Астрель, АСТ, 2000. – 720 с.
19. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. IV. – М. : Астрель, АСТ, 2000. – 752 с.

20. Храм сердца. Составлено по трудам святителя Феофана Затворника. – М. : Братство св. апостола Иоанна Богослова, 2011. – 288 с.

Д. А. Ярмоленко

(научн. рук. – доктор филол. наук, проф. А. В. Петров)

**«СЛОВАРЬ КОННОТАТИВНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН»
Е. С. ОТИНА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ОБРАЗНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Начало XXI века ознаменовалось уникальным явлением в мировой науке – выходом «Словаря коннотативных собственных имён» Е. С. Отина. Таким образом была заполнена лакуна в ономографии, которую отметил ещё Л. В. Щерба, утверждавший, что важнейшей задачей словаря является определение вторых значений собственных имен [6].

«Словарь коннотативных собственных имён» (далее – Словарь) является первым в истории русской лексикографии собранием онимов различных разрядов, которые функционируют в языке и речи как обычные собственные имена и как единицы, которые приобрели дополнительные коннотативные значения.

Для того чтобы понять, каким образом онимы представлены в Словаре, обратимся к его предисловию, в котором учёный отмечает, что «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего мира, – но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имён нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» [2, с. 11].

Вторичные номинации онимов развиваются, приобретая метафорические, образные и символические значения, в зависимости от различных особенностей употребления собственного имени.

Таким образом, собственные имена имеют как узуальные, так и значения. Е. С. Отин приводит следующий пример, подтверждающий данное суждение: топоним *Ташкент* имеет узуальное значение ‘столица Узбекистана’, но в разговорной речи данный топоним приобретает новое, окказиональное значение ‘сильная жара’, а в литературе развивает вторичную образность и является синонимом к лексеме ‘баня’. Е. С. Отин утверждает, что интегральные коннотонимы могут иметь как узуальный, так и окказиональный характер, в то время как межъязыковые могут быть исключительно узуальными.

Важно отметить, что большинство коннотативных значений представляет собой неодобрительный, или пейоративный план, что связано с восприятием данного онима носителями языка.

В разряд онимов, развивших вторичные, коннотативные, значения входит лексика из различных разрядов ономастики: топонимы, антропонимы, эргонимы, хронимы, мифонимы, библионимы и др. Словарь призван отразить не только современную лексику, но и лексику прошлого, ведь «собственные имена в разные периоды своего употребления в речи нередко развивают не одно, а целый пучок созначений» [2, с. 8].

Е. С. Отин считает, что «в словаре зафиксированы также не столь уж редкие случаи перехода собственных имён в омонимичные нарицательные существительные через промежуточную связь – коннотативный оним [2, с. 11]. При этом «коннотативные онимы могут изменять, варьировать свою словообразовательную структуру (например, *Вавилон* – «усечённый» словообразовательный вариант от коннотативного хромонима *Вавилонское сражение*)» [2, с. 11].

В Словаре Е. С. Отин представил коннотонимы в процессе абсолютной трансонимизации – перехода одного онима в другой, который является одним из путей образования новых собственных имён в современных языках.

В рецензии к Словарю М. Э. Рут пишет о том, что «фиксация коннотативных онимов – это в большинстве случаев фиксация определённого этапа развития семантики: от имени собственного к апеллятиву. <...> знание переносных значений онима оказывается важной

посылкой в рассмотрении вопроса о его семантике в статическом и динамическом аспектах» [4, с. 184].

В словарных статьях приводится историческая справка, фиксируется прямое значение онима, различные коннотации иллюстрируются одним или несколькими контекстами, подтверждающими развитие новых созначений.

Словарная статья имеет следующую структуру: «после заголовочного онима (в его исходной или производной форме) приводятся примеры его употребления в «прямом» (денотативном) значении. В ломаных скобках содержится указание на реалии внеязыковой действительности, связанные с данным онимом, которые предопределяют появление у него той или иной референтной коннотации. Ниже помещаются условное буквенное обозначение типа коннотации и разъясняющие иллюстрации» [2, с. 14].

Рассмотрим словарную статью с онимом *Мекка*. В блоке заголовочного слова выделяется род онима и с помощью условного сокращения *Топ.* указывается его разряд. Далее приводится прямое значение тополексема: *город в Саудовской Аравии, где находится главная святыня Ислама – мечеть Кааба*, которое иллюстрируется контекстом: *Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою, в знак того, что посетил священные места Мекку и Медину*. Далее приводятся контексты данного антропонима с интерлингвальной коннотацией. 1. Место притяжения людей, вызывающий повышенный интерес. *Институт Склифосовского был Меккой*. Автор словаря обращает внимание на то, что топоним в данном значении чаще употребляется в сопровождении пояснительных слов, указывающих на категорию лиц, проявляющих интерес к тому или иному объекту: *Акапулько – мекка для богатых туристов*. 2. Признанный центр чего-либо. *Мекка театрального искусства*. Приводятся и другие контексты, с другим значением. 3. Почитаемое место. *И вот опять сомкнулись веки – Стою и грежу наяву. О грустный вздох родимой Мекки! Я столько лет тебя зову*.

Таким образом, мы видим, как представлен данный топоним, развивший коннотативные созначения. Благодаря иллюстрационному блоку мы можем определить, какие семы, составляющие прямое значение данного топонима, актуализируются или нейтрализуются. Так, например, в референтных созначениях нейтрализуются семы 'святыня' и 'ислам', следовательно, в другой картине мира данные национально-специфические компоненты оказываются погашенными. Но в контекстах актуализируются периферийные семы 'место притяжения людей', 'признанный центр', 'почитаемое место', которые преобразуются в ядерные.

Важно учитывать и ассоциативные ряды носителей языка к топониму *Мекка*: *Израиль, храм, Медина, турист, паломник, храм, мусульманин, поклонение, восток, мечеть, Сирия, память, поездка, центр, святыня, ислам, город, охрана, Мухаммед, молитва, религия, община, проповедник, тайна, вера.*

В то же время в Словарь не включаются сравнительные обороты, которые существенно усиливают коннотативные созначения онима. Например: *Крым как мекка беглых преступников* [1]; *Банско как Мекка горнолыжного спорта* [1]; *С каждым днём затянувшегося дрейфа Шанхай всё больше овладевал мыслями офицеров и команды и манил их к себе, как Мекка правоверных мусульман.* [А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932–1935)]; *Мы видим Крым как Мекку санаториев и здравниц, Мекку туризма и вообще частью Европы с огромным потенциалом, историей и культурой:* <http://www.crimea.kz/tag/«Мекка/>.

Т. А. Тулина в статье «О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке» показывает три варианта, соотносимые с тремя степенями эксплицитности: 1 – максимальной, 2 – промежуточной, 3 – минимальной [5].

Эксплицитные средства разнообразны, сюда входят и специальные служебные слова и морфемы, полнозначные слова (*как, напоминать, подобный*). Логическая структура включает в себя четыре члена: показатель сравнения (*т*), основание сравнения (*С*), предметные переменные данного отношения (*А, В*).

В то же время структура логического сравнения может не ограничиваться одним компонентом *C* или компонентом *A*. Ср.: *Мекка (B) всемирного анархизма (C 1), сумасбродства (C 2), греха (C 3), шалая и беспутная Ялта (A)*! [1]. В данном контексте, в отличие от классической структуры логического сравнения, представлены три компонента *C*, оформленные в виде однородных членов.

Встречаются и случаи, когда компонент *A* членится на дополнительные компоненты α , а компонент *B* – на компоненты β : *Авторынок (A) – Мекка (B) для автомобилиста (β). Ассортимент как в большом магазине (α 1), а цены куда ниже (α 2)* [25]. В данном контексте встречаются компонент α , непосредственно уточняющий предмет сравнения, т. е. объясняется, почему авторынок является *Меккой* автомобилистов, и компонент β , который уточняет, для кого авторынок является *Меккой*. Другой контекст, насыщенный распространяемыми компонентами: *Улица Патпонг (A) – Мекка (B) для любителей развлечений (β 1), здесь множество так называемых «гоу-гоу» – баров с профессиональными танцовщицами (C 1) и салонов массажа (C 2)* [1]. При помощи компонента β уточняется образ сравнения, а при помощи нескольких оснований сравнения (*C 1, C 2*) уточняется причина популярности топонима.

За границами Словаря автор оставляет и урбанонимы, ярко представляющие, как именно реализуется коннотативное значение в сознании носителей языка и каким образом это отображается в реальной жизни. Например: *Реестр недобросовестных плательщиков. «МЕККА СТРОЙ», ООО не состоит в реестре недобросовестных поставщиков* [1]. В рекламном дискурсе коннотативное значение тополема *Мекка* ярко представлено в названии предприятий строительной сферы. В контексте происходит актуализация сем ‘центр чего-либо’.

Приведём другой пример из строительной сферы: *Компания ООО «Мекка Инструмента» является одним из крупнейших поставщиков металлорежущего инструмента и оснастки для станков всевозможных*

видов. Число активных контрагентов нашей компании превышает десять тысяч юридических и физических лиц [1]. В данном контексте с помощью синтагматических средств усиливаются семы 'большое количество', об этом свидетельствует второе предложение. В наименовании компании «Новая Мекка», специализирующейся на изготовлении убранства для обустройства и украшения мечетей и мусульманской архитектуры, актуализируются национально-специфические компоненты, связанные с мусульманским миром: <http://www.newmecca.ru>.

Новые коннотативные созначения встречаются и в других подразделах ономастики. Так, топоним *Мекка* приобретает дополнительное значение в роли парфюмонима: «*Мakkah*», или «*Мекка*», – мой первый аромат от арабской марки *Al Haramain* [1].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что «Словарь коннотативных собственных имён» Е. С. Отина является значительным лексикографическим трудом, который служит основой для дальнейшего углублённого изучения коннотации в различных типах собственных имён, систематизации средств языкового воплощения вторичных созначений онимов» [3, с. 11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/search-orthlib.html> (дата обращения: 20.03.15).
2. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин // Донецк : Юго-Восток, 2004. – 412 с.
3. Петров А. В. Топоним в составе сравнительной конструкции русского языка / А. В. Петров // Реквием филологический. Памяти Евгения Степановича Отина. – Донецк, 2015. – С. 216–222.
4. Рут М. Э. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / М. Э. Рут // Вопросы ономастики. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. – Вып. 2. – С. 184–192.

5. Тулина Т. А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке / Т. А. Тулина // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 51–62.
6. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Борисова Л. П. Е. С. Отин – учёный, преподаватель, педагог	4
Ахмедова А. М. Структурно-семантический анализ глагольных неологизмов в английском, немецком и русском языках	10
Барнет О. И. О словотворчестве В. В. Маяковского	13
Бедняк В. В. Тематические группы спортивных неологизмов в современном русском языке	21
Бочарова А. Д. Понятие <i>славянизм</i> в контексте истории русского литературного языка	25
Бурыкина Е. В. Библейские реминисценции в поэзии А. Тарковского	31
Вагапова З. С. Этикетность высказывания как визитная карточка А. П. Чехова	38
Володина В. В. Гендерный компонент в поезії Ліни Костенко	42
Герман О. Г. Диалогизм как принцип речевой культуры педагога	48
Гетманская Г. И., Родионова Л. Ф. Формирование осознанных речевых умений студентов технических специальностей на основе здоровьесориентированной текстовой деятельности (из опыта работы)	54
Головань Е. А. Семантизация онимов в художественном тексте	63
Головань Э. А. Семантическая интерпретация квантификации	68
Давыдкина А. С. Лексикографическое измерение истории пространственной лексики в русском языке (на материале словаря русского языка X-XVIII веков Е. С. Отина)	74
Джуха В. В. История частиц в научном наследии профессора Е. С. Отина	79
Дзына А. В. Тавтологические сочетания с образным значением в русском языке	86
Дубравіна А. І. Назви вулиць м. Макіївки	91
Ємельяненко Г. В., Мороз О. В. Сугестивний потенціал фразеологічних одиниць із компонентами-кологративами	97
Герасимович Т. І., Жуков А. Є. Особливості фразеологізмів у творчості Остапа Вишні	104
Жуков Ю. Ю. Вербализация концепта ‘закон’ в публицистическом дискурсе	110
Зданович Ж. В. Русские пословицы в языковой картине мира	116

Исмаилова Д. О. Взаимосвязь категорий «неистинный» и «похожий на...» в русском языке	122
Козак Н. В. Модели образования неониминаций лица (на материале словаря-справочника Н. В. Исаевой «Новые лица на рынке труда»)	127
Королёва Т. В. Этнокультурная характеристика донских казачьих антропонимов (на примере х. Зимняцкого Серафимовичского района Волгоградской области)	133
Котенко М. П. Речевые характеристики как элемент лингвистического анализа художественного текста (на материале романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»)	138
Кочеткова М. В. Средства выражения семантического инварианта «трудолюбивый» (на материале словаря В. И. Даля)	146
Ладнова К. В. Політична метафора сучасних українських друкованих змі як засіб інформаційної війни	152
Лазуренко А. Ю. Коммуникативные неудачи пикапа	159
Мазуренко В. Б. Антропонимия рассказа А. П. Чехова «Жены артистов» как средство игры в литературный перевод	167
Максимова В. В. К феноменологии поэтонимов-контаминантов (на материале сборника А. Вознесенского «парабола»)	173
Немченко В. І. Синонімічні відношення між компонентами лексико-семантичної групи дієслів почуттів в українській мові	179
Панченко А. Д. Основные этические нормы профессионального общения	184
Пожидаев Д. А. Функции славянизмов в произведениях Н. М. Карамзина	191
Пожидаев Р. А. Языковой комизм в комедиях А. П. Сумарокова	198
Ревчук Н. Н. Термины родства в современном русском языке: словообразовательный и функциональный аспекты	203
Семикопенко Н. А. Именные распространители коннотативных онимов русского языка	209
Тазетдинов Р. И. Использование жестов в межкультурных коммуникативных целях	215
Твірітінова Н. Ю. Функції та прийоми використання онімів у контексті сучасних фантастичних творів	221
Федотова К. С. Зоопонимия повести Дж. Даррелла «Зоопарк в моем багаже»	226
Хайтул В. Ю. Абізай як об'єкт лінгвістичного дослідження	231

- Эмирова С. А. Единицы пассивного словаря идиостиля Л. Толстого и их актуализация в современном языке 238
- Ядрицова М. А. Слова, обозначающие православные добродетели, в истории русского языка (на примере Жития благоверного князя Александра Невского) 243
- Ярмоленко Д. А. «Словарь коннотативных собственных имён» Е. С. Отина как уникальный источник образности в русском языке 248

Научное издание

Актуальные проблемы изучения славянских языков : Материалы
I Международной научной конференции студентов и молодых учёных
памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2016 г.)

Выпуск 1